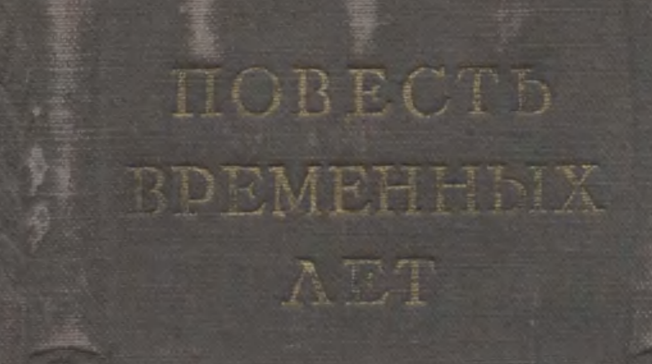

ПОВЕСТЬ
ВРЕМЕННЫХ
ЛЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА Д.С.ЛИХАЧЕВА

ПЕРЕВОД Д.С.ЛИХАЧЕВА и Б.А.РОМАНОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
В.П.АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1950

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

1377 г.

ТЕКСТ

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫХ ЛѢТЪ, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ[1,1] КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопѣ *трие*[2] сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся вѣстокъ Симови: Персида, Ватрь, *д*оже[3] и до Индикия в долготу, и в ширину *и до Нирокурия*,[4] якоже рещи от вѣстока и до полуденья, и Сурия, и *Мидия*[5] по Ефратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, асуряне, Месопота*мия*,[6] Аравия Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, *Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся*.[7]

Хамови же яся полуденьная страна: Еюпетъ, Ефивопья, прилежащия ко Индомъ, другая же Ефивопья, из нея же исходить рѣка ефиопьская Чермна, текущи на вѣстокъ, *Фива, Ливия*[8] прилежащи до Куриниа, Марьмарья, *Сурьти, Ливия*[9] другая, Нумидья, Масурия, Мавританья проти*ву су*щи[10] Гадирѣ. Сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памъфилию, Писидию, М*и*сию,[11] Луконию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, М*и*сию[12] другую, Троаду, *Е*олиду,[13] Вифунию, Старую Фругию; и остров*ы*[14] неки имать: Саръдани, Критъ, Купръ и рѣку Гѣону, зовемую *Нилъ*.[15]

*А*фету[16] же яшася полунощныя страны и западн*ыя*:[17] Мидия, Алъванья, Армен*ьа*[18] Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, *Кол*хисъ,[19] Воспории, Меоти, Дереви,

*С*аръмати,[20] Тавриани, *Ск*уфиа,[21] Фраци, Макидонья, *Д*алматия, *Малоси*,[22] Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеся, Аркадъ, Япиронья, Илюрикъ, Словѣне, *Лухнитиа*,[23] Анъдриокия, Оньдрѣятиньская пучина. Имать же и островы: Вротанию, Сикилию, Явию, Родо*на*,[24] Хиона, Лѣзовона, Кофирана, *Закунфа*,[25] Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть *Асийскыя*[26] страны, нарицаемую Онию, *и*[27] рѣку Тигру, текущ*ую*[28] межю Миды и Вавилономь; до Понетьского моря, на польнощныя страны, Дунай, Дьнѣстръ и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга, яже идеть на востокъ, в часть Симову. В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, лѣтьгола,[29] любь. Ляхове же, и пруси, чюдь пресѣдять к морю Варяжьскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, *готе*,[30] русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, *ти* же[31] присѣдять отъ запада къ *полуденью*[32] и съсѣдяться съ племянемъ хамовым.

Сим *же*[33] и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, *и*[34] живяхо кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли, *и*[35] помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и созда столпъ то за 40 лѣтъ, *и*[36] не свершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: „Се родъ единъ и языкъ единъ". И съмѣси богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разраши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту *и въ ширину локоть 5433 локти*,[37] и в лѣта многа хранимъ останокъ.

По размѣшеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По[38] мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. *И*[39] от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровате бѣлии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, *и*[40] сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане,*[40] рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, *и*[41] прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша й Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Се*ми*,[42] по Сулѣ, и нарекоша*ся*[43] сѣверъ. *И*[40] тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, *и*[40] по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Н*е*во,[44] *и*[40] того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ мор*е*,[45] в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣс*а*,[46] и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжь-

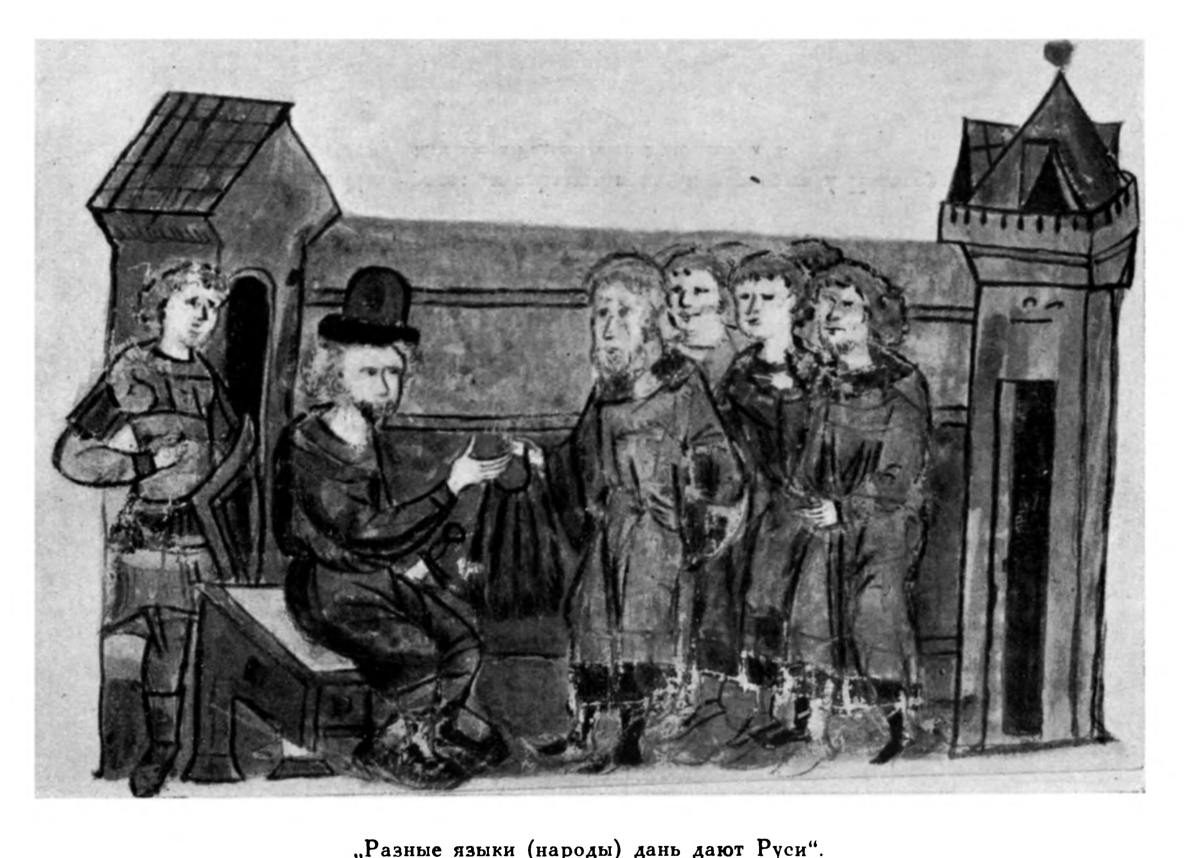
ское. Ис того же лѣса потече Волга на встокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣм же и из Руси можеть ити *по Волзѣ*[40] в Болгары и въ Хвалисы, *и*[40] *на*[47] встокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима *же и*[40] до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша.

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ,[48] яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, *и*[40] въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, *и*[40] оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. *И*[49] заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: „Видите ли горы сия? — яко на сихъ горах восияеть благодать божья; имать градъ великъ *быти*[40] и церкви многи богъ въздвигнути имать". *И*[49] въшедъ на горы сия, благослови я, *и*[49] постави крестъ, и помоливъся богу, и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють *и*[49] хвощются, и удивися имъ. *И*[49] иде въ Варяги,[50] и приде в Римъ, *и*[49] исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: „Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, *и*[49] совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ уснияныимь, и возмуть на ся прутье младое, *и*[49] бьють ся сами, и того ся добьють, *едва слѣзуть лѣ* живи,[51] и облѣются водою студеною, *и*[49] тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье". Ты слышаще дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в Сино*пию*.[52]

Полем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды[53] своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.[54] *И*[49] быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, *и*[55] сестра ихъ Лыбедь. Сѣдя*ше*[56] Кий

Построение Новгорода: „и сдѣлаша градъ и нарекоша и́ Новъгородъ“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 3.



„Разные языки (народы) дань дают Руси“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 5.

Царь Ираклий.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 5 об.

Насилия обров над дулебами: „Аще поѣхати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обърина“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 5 об.

на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ[57] и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему *вспять*,[58] приде къ Дунаеви, *и*[49] възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, *и*[55] хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наречють *дунайци*[59] городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; *и*[60] братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, *а*[55] в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, *иже*[61] сѣдять на верхъ Волги, *и*[62] на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; *тудѣ*[63] бо сѣдять кривичи. Таже сѣверъ от нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовьскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же. *А*[64] по Оцѣ рѣцѣ, где *втечеть*[65] в Волгу,[66] мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морьдва свой языкъ. Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома,[67] либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже живуть[68] въ странахъ полунощныхъ.

Словѣньску же языку, яко же рекохомъ, *живущю*[69] на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре *и*[64] сѣдоша по Дунаеви, *и*[64] населници словѣномъ быша. Посемь придоша угри бѣлии, *и*[70] наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времяна быша и обри, *иже*[70] ходиша на *Ираклия*[71] царя и мало его не яша. Си же *обри*[72] воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскимъ:[73] аще поѣхати будяше обърину, не дадяше възпрячи коня ни вола, но веляше възпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обърѣна, *и*[70] тако мучаху дулѣбы. Быша бо обърѣ тѣломъ велици и умомь горди, и богъ потреби я̀, *и*[70] помроша вси, и не остася ни единъ объринъ. *И*[70] есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ; их же нѣсть племени ни наслѣдъка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ.

Поляномъ же жиущемъ особѣ, яко же рекохомъ, сущ*имъ*[74] от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а *деревляне*[75] от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх, — Радим, а *другий*[76] Вятко, — и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, *и*[77] прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. *И живяху*[78] в мирѣ поляне, и деревляне, *и*[77] сѣверъ, и радимич*и*,[79] вятичи и хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне, а улучи[80] *и*[81] тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру *оли*[82] до моря, и[77] суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не хож*аше*[83] зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра при-

ношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, *жив*уще[84] скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, яко же *и*[77] всякий звѣрь, ядуще все нечисто, *и*[77] срамословье в них предъ отьци и предъ снохами, *и*[77] браци не бываху въ них, *но*[85] игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская пѣсни,[86] и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. *И*[77] аще кто умряше, творяху тр*изну*[87] надъ нимъ, и посемь творяху кладу велику, и възложахуть й на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу,[88] и поставляху[89] на столпѣ на путех, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи *и*[77] прочии погании, не вѣдуще закона божия, но творяще сами собѣ законъ.

Глаголеть Георгий в лѣтописаньи: „Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане *законъ*[90] безаконьникомъ отечьствие мнится. От них же первие сирии, *жив*уще[91] на конець земля, законъ имуть *отець*[92] своих обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло дѣяти весьма. Закон же и у *вактриянъ*,[93] глаголеми врахманеи островьници, еже от прадѣдъ показаньемъ[94] *и*[77] благочестьемь мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа *божия*[95] ибо *таче*[96] прилежащимъ къ нимъ *индиом*[97] убийстводѣйици сквернотворяще гнѣвливи и паче естьства; ли *в*нутрьнѣйши[98] странѣ ихъ человѣкъ ядуще и страньствующихъ убиваху, паче же ядять яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ *и*[97] вавилонямъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. *И*[97] всякое бо *студное*[98] дѣянье яко *добро*дѣтелье[99] мн*ятся*[II,1] дѣюще, любо далече страны своея будуть. Инъ же законъ гилиомь: жены в них орють, зижють храми *и*[2] мужьская дѣла творять, но любы творять елико хощеть, не въздержаеми от мужий своихъ весьма, ли *зазрять*,[3] в нихъ же суть храбрыя жены ловити звѣрь крѣпк*ыи*.[4] Владѣють же

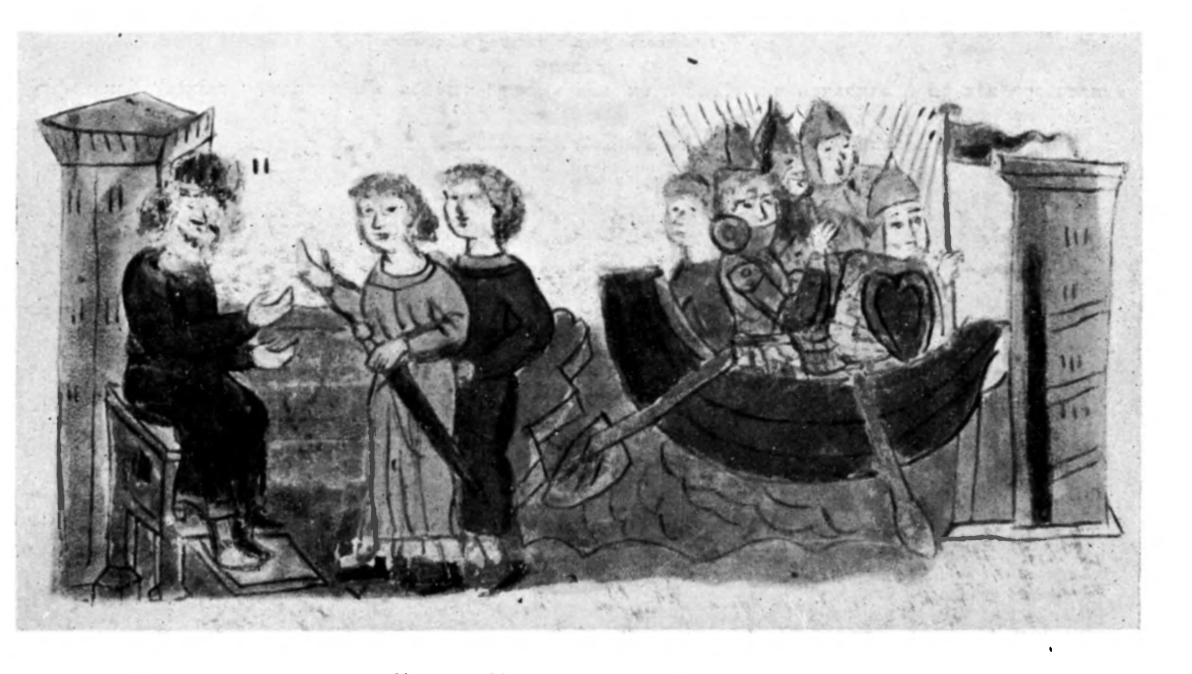
жены мужи своими *и*[5] добляють ими. Во Врѣтаньи же мнози мужи съ единою[6] женою спять, и *многы*[7] жены съ единымъ мужемъ похотьствують: безаконьная яко[7] законъ отець творять независтьно ни въздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скотъ бесловесный единою[8] лѣтомъ къ вешнимъ[9] днемъ оземьствени будуть; и сочтаются с окрестными[10] мужи, яко нѣкоторое[11] имъ торжьство и велико празденьство время *то*[12] мьнять. От них заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси. Во время же хотящимъ[13] родити, аще родится отроча, погубять; аще *ли* дѣвическъ[14] полъ, то въздоять *и*[2] прилѣжнѣ въспитають."[15]

Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держать отець своих: кровь проливати, а хвалящеся[16] о сихъ, *и*[2] ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, *и*[2] поимають мачехи своя *и*[2] ятрови, и ины обычая отець своихъ *творять*.[17] Мы же хрестияне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, *и*[2] въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея быша обидимы древлями *и*[2] инѣми околними. И наидоша[18] я́ козарѣ, сѣдящая на горах сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: „Платите намъ дань". Съдумавше *же*[19] поляне и вдаша от дыма мечь,[20] и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшинымъ[21] *своимъ*,[22] и рѣша имъ: „Се, налѣзохомъ дань нову".[23] Они же рѣша имъ: „Откуду?". Они же рѣша: „Въ лѣсѣ на горахъ[24] надъ рѣкою Днѣпрьскою". Они же рѣша: „Что суть вдали?". Они же показаша мечь. *И*[22] рѣша старци козарьстии: „Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною,[25] рекше[26] саблями, а сихъ оружье обоюду[27] остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах". Се же сбысться[28] все: не от своея воля рекоша, но отъ божья повелѣнья. Яко *и*[22] при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмь, егда[29] приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша рабо-

Обычаи радимичей, вятичей и северян: „Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская пѣсния“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 6 об.



Аскольд и Дир обосновываются в Киеве: „И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И упрошаста и рѣста: «Чий се градок?»“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 9.

Кирилл и Мефодий: „Преложиста Псалтырь и Охтаикъ, и прочая книги“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 13.

тающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣже самѣм*и*[30] владѣють; яко же и[22] бысть: володѣють бо[22] козары русьскии ***князи и***[31] до днешнего дне.

Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо ув***ѣда***хомъ,[32] яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь. Тѣм же отселе почнем и числа положимъ яко „От Адама до потопа лѣт *2242;*[33] а от потопа до Оврама лѣт 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисѣева ***лѣтъ*** *430; а от исхожениа Моисѣова*[34] до Давида лѣт 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломоня до плѣненья Иерусалимля лѣт 448: а от плѣненья до Олександра лѣт 318; а отъ Олексанъдра до рожества Христова лѣт *333;*[35] *а от Христова рождества до Коньстянтина* ***лѣт*** *318;*[36] от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542". А от перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя лѣт 29; а от перваго лѣта Олгова, поне***лиже***[37] сѣде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣт 31; а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святьславля лѣт *33;*[38] а от перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣт 8; а Володимеръ ***княжи***[39] лѣт 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣм же от смерти Святославля до смерти Ярославли лѣт 85; а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60.

Но мы на преж*нее*[40] възъвратимся *и*[39] скажемъ, што ся ***здѣя в лѣта***[41] си, яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа.

Въ лѣто 6361. *853*

Въ лѣто 6362. *854*

Въ лѣто 6363. *855*

Въ лѣто 6364. *856*

Въ лѣто 6365. *857*

Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. Болгаре же увидѣвше, ***яко***[42] не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ. *858*

Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ створи с болгары.

859 [43]Въ лѣто 6367. *И*маху[44] дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ.[45] А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма.

860 Въ лѣто 6368.

861 Въ лѣто 6369.

862 *Въ лѣто 6370.*[46] Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, *и*[46] быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. *И*[47] рѣша сами в себѣ: „Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву". *И*[46] ид*о*ша[48] за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи *р*усь,[49] яко се друзии зовутся св*ие*,[50] друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Рѣша русь,[51] чюдь, словѣни, и кривичи *и*[46] вс*и;*[52] „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами". И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, *сѣде Новѣгородѣ,*[53] а другий, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. *И*[46] от тѣхъ *варягъ*[46] прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. По *двою*[54] же лѣту Синеусъ умре *и*[55] братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, *въ*[46] Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, *но*[56] боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И упр*ош*аста[57] *и*[53] рѣста: „Чий се градокъ?". Они же рѣша: „Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ *родъ ихъ платяче дань козаромъ*".[58]

Асколдъ[59] же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги съвокуписта,[60] и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжащу[61] в Новѣгородѣ.

Въ лѣто 6371. *863*

Въ лѣто 6372. *864*

Въ лѣто 6373. *865*

Въ лѣто 6374. Иде Асколдъ и Диръ на греки, и прииде *866*
въ 14 *лѣто*[78] Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на огаряны, *и*[62] дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко русь на Царьгородъ идеть, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша. Цесарь же едва въ градъ вниде, *и*[62] с патреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ всю нощь молитву створиша, та же божественую святы богородиця ризу с *пѣснями*[63] изнесъше в *мори скут*[64] омочивше. Тишинѣ сущи *и*[65] морю укротившюся, абье буря въста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ въставшемъ засобь, безбожныхъ Руси *корабля*[66] смяте, *и*[62] к берегу приверже, и изби *я*, яко *мало*[67] их от таковыя бѣды избѣгнути *и*[65] въ свояси возъвратишася.

Въ лѣто 6375. *867*

Въ лѣто 6376. Поча[68] царствовати Василии.[69] *868*

Въ лѣто 6377. *Крещена*[70] бысть вся земля Болъгарьская. *869*

Въ лѣто 6378. *870*

Въ лѣто 6379. *871*

Въ лѣто 6380. *872*

Въ лѣто 6381. *873*

Въ лѣто 6382. *874*

Въ лѣто 6383. *875*

Въ лѣто 6384. *876*

Въ лѣто 6385. *877*

Въ лѣто 6386. *878*

Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженье[71] *879*
свое Олгови, от рода *ему*[72] суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, *бѣ*[73] бо дѣтескъ вельми.

880 Въ лѣто 6388.

881 Въ лѣто 6389.

882 *Въ лѣто 6390.*[74] *П*оиде[75] Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, *весь*,[76] кривичи, и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои. *И*[65] придоста къ горамъ хъ киевьскимъ, и ув*ѣда*[77] Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, *и*[78] похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко „Гость есмь, *и*[65] идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ". Асколдъ же и Диръ придоста, *и*[62] выскака*ша*[79] вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа", *и*[78] вынесоша Игоря: „*А*[80] се есть сынъ Рюриковъ". И убиша Асколда и Дира, *и*[65] несоша на гору, и погребоша[81] и́ на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, где ныне Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ *Олъма*[82] церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. *И*[83] сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: „Се буди мати градомъ русьскимъ".[84] *И*[83] бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и *устави*[65] варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.

883 Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ *а́*,[85] имаше на них дань по чернѣ кунѣ.

884 Въ лѣто 6392. Иде *Олегъ*[83] на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: „Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему".

885 Въ лѣто 6393. Посла къ радимичемъ, рька: „*Кому*[86] дань даете?". Они же рѣша: „Козаромъ". И рече имъ Олегъ: „Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте". И вѣдаша Ольгови по щьлягу, яко же *и*[83] козаромъ даяху.[87] И бѣ обладая Олегъ поляны, и

деревляны, *и*[83] сѣверяны,[88] и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать.

Въ лѣто 6394. *886*

Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже *887*
Левъ прозвася, и брат его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6.

Въ лѣто 6396. *888*

Въ лѣто 6397. *889*

Въ лѣто 6398. *890*

Въ лѣто 6399. *891*

Въ лѣто 6400. *892*

Въ лѣто 6401. *893*

Въ лѣто 6402. *894*

Въ лѣто 6403.[89] *895*

Въ лѣто 6404.[90] *896*

Въ лѣто 6405.[91] *897*

Въ лѣто 6406. Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь *898*
нынѣ Угорьское, *и*[92] пришедъше къ Днѣпру сташа[93] вежами; бѣша бо ходяще аки се половци. Пришед*ше*[94] от *в*ъстока[95] и устремишася чересъ горы великия ***яже прозвашася горы Угорьскиа***,[92] и почаша воевати на жи*в*ущая[96] ту вол*о*хи[97] и словѣни. Сѣдяху бо ту преже словѣни, и волохове[98] прияша землю словеньску. Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю *ту*,[92] и сѣдоша съ словѣны, покоривше я̀ подъ ся; *и*[99] оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. *И*[100] начаша воевати на мор*а*ву и на чехи.[III,1] Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, *и*же[2] сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава,[3] *и*[99] чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги, моравѣ,[4] яже прозвася[5] грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ.

Словѣномъ жи*в*ущимъ[6] крещенымъ и князем ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: „Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя,

иже бы ны наказалъ, и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги. Не разумѣемъ *бо*[7] ни гречьску языку, ни латыньску; ѝни бы ны онако учать, а ѝни бо ны и онако. Тѣм же не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ их". Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь. И рѣша философи: „Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ. Суть у него сынове разумиви языку словѣньску, хитра 2 сына у него философа". Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко *Львови*,[8] глаголя: „Посли к намъ въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина". Се слыш*а*въ[9] Левъ, въскорѣ посла ѝ, и придоста ко цареви, и рече има: „Се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя *к*ниги;[10] сего бо желають". *И*[11] умолена быста царемъ, и посла*ша*[12] я́ въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Куцьлови. Сима же пришодъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. *И*[11] ради быша словѣни, яко слышиша виличья божья своимь языкомь. Посем же преложиста[13] Псалтырь, и Охтаикъ, и прочая книги. *И всташа нѣции на ня, ропщюще и*[14] глаголюще, яко „Не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ *и*[15] латинъ, по Пилатов*у*[16] писанью, еже на крестѣ господни написа". Се же слышавъ папежь римьский, похули тѣх, иже ропщуть на книги словеньския, река: „Да ся исполнить книжное слово, яко „Въсхвалять бога вси яз*ы*ци";[17] другое же: „Вси възъглаголють языки величья божья, яко же дасть имъ святый духъ отвѣщевати". Да аще хто хулить словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ от церкве, донде ся исправ*и*ть;[18] ти бо суть волци, а не овца, яже достоить от плода знати ѝ *и*[11] хранитися ихъ. Вы же, чада, божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, яко же вы наказалъ Мефодий, учитель вашь". Костянтинъ же възратився въспять, и иде учитъ болгарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посем же Коцелъ князь постави Мефо*д*ья[19] епископа

въ Пании, на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь от гречьска языка въ словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ от марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Оконьчавъ же, достойн*у*[20] хвалу и славу богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику Анъдрони*кову*.[21] Тѣм же словѣньску языку учитель есть Анъдрони*къ*[22] апостолъ. В Моравы бо ходилъ и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ,[23] его же до*ходилъ*[24] апостолъ Павелъ; ту бо бѣша словене первое. Тѣм же и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ слов*ѣне*скъ[25] и поставилъ есть епископа и намѣсника *по*[26] себѣ Андроника словеньску языку. А словеньскый языкъ и рускый одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху, а язык словенски единъ.

[27] В лѣто 6407. *899*

В лѣто 6408. *900*

В лѣто 6409. *901*

В лѣто 6410. Леон[28] царь ная угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску плѣноваху. Семионъ же ув*ѣ*дѣвъ,[29] на угры възвратися, и угре противу поидоша и побѣдиша болгары, яко одва Семионъ въ Деръстръ убѣжа. *902*

В лѣто 6411. Игореви же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаша его, и приведоша ему жену от Пькова, именемъ Олгу.[30] *903*

В лѣто 6412. *904*

В лѣто 6413. *905*

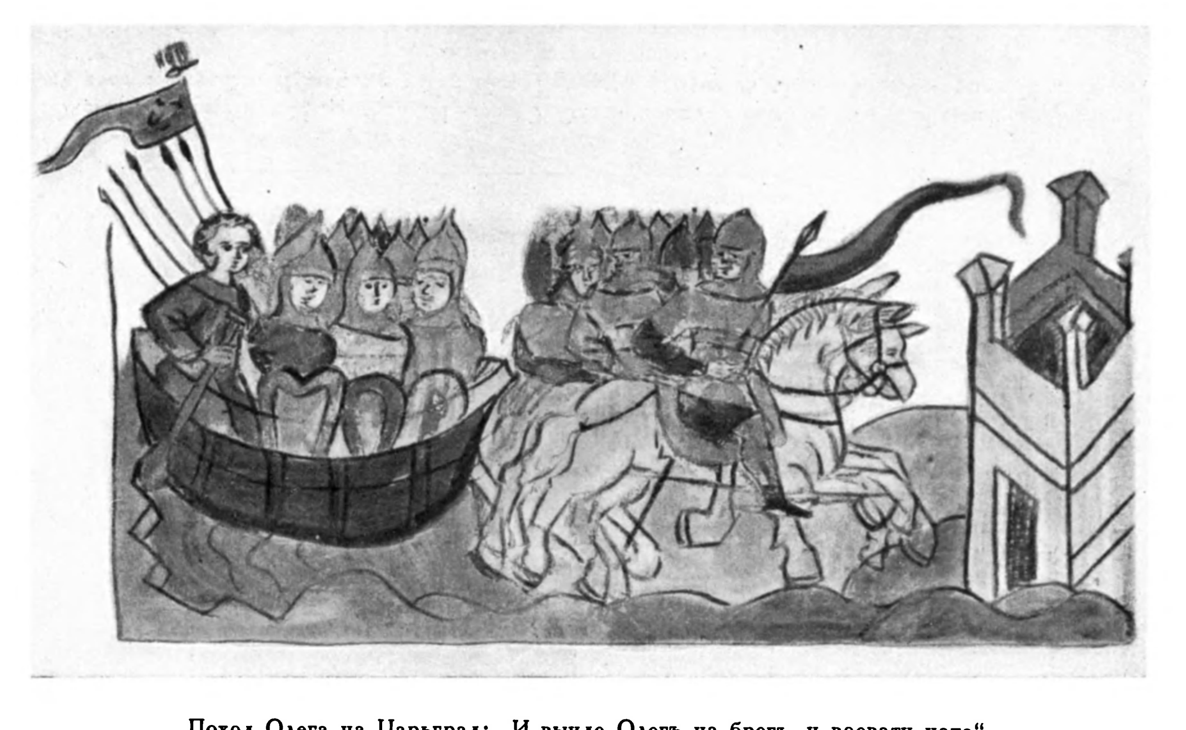
В лѣто 6414. *906*

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря остави*в*[31] Киевѣ, поя *же*[32] множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси *907*

звахуться от грекъ Великая скуфь. *И*[32] съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. *И*[32] прииде къ Царюграду; и греци замкоша Судъ, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа *зла*[32] творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспя*ша*[33] парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: „Не погубляй града, имемъ ся *по дань*,[34] яко же хощеши". И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: „Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от бога". И заповѣда Олегъ *дань* даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли *по*[35] 40 мужь.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олегъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со *Леон*омъ[36] и Александромъ, посла к нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: „Имите ми ся по дань". И рѣша греци: „Чего хощеши, дам*ы*[37] ти". И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти у*к*лады[38] на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще. „Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже при*дутъ*[39] гости *да*[40] емлют мѣс*я*чину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, вино, мясо, и рыбы и овощ*ь*.[41] И да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же *домовь, в*[42] Русь,[43] да емлют у царя вашего *на путь*[42] брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико и*мъ*[42] надобе". И яшася греци, и рѣста царя и боярь-



Поход Олега на Царьград: „И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 14 об.

Олег подступает под Царьград: „И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше к граду. И видѣвше греци и убояшася“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 15.

Попытка греков отравить Олега: „И вынесоша ему (Олегу) брашно и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою“.

Радзивиловская летопись, л. 15 об.

Заключение договора Олега с греками: „А Олга водивше на роту, и мужи его по рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богом своим“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 16.

ство все: „Аще придуть Русь бес купли, да не взимают мѣсячины: да запретить князь словомъ своим приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей.[44] Приходяще Русь да витают у святого Мамы, и после*ть*[45] царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть мѣсячное[46] свое, — первое от города Киева, и па*ки*[47] ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружьа, мужь 50, *и*[48] да творят куплю, яко же имъ надобе, не пла*тяче*[49] мыта ни в чем же“.

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, цѣловавше *сами*[50] крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: „Ис*шийте*[51] парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя,“[52] и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И *во*спяша[53] *русь*[54] парусы паволочиты, а словене кропиньны,[52] и раздра ȃ вѣтръ: и рѣша словени: „Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ *паволочиты*“.[55] И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани и невѣигласи.

В лѣто 6416. *908*

В лѣто 6417. *909*

В лѣто 6418. *910*

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западе копейным[56] *911*
образом.

Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и *912*
положити ряд межю Русью и Грекы, и посла *глаголя*:[57]

„Равно другаго свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руа*р*ъ,[58] Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его,

свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ, к вам, Львови и Александр*у*[59] и Костянтину, великим о бозѣ самодержьцем, царемъ греческым, на удержание и на извещение от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь, похотѣньем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх иже суть под рукою его сущих Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи[60] еже о бозѣ удержати *и*[61] извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, н*е*[62] точью просто слове*семъ*,[63] и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружьем своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему.

Суть, яко *понеже*[64] мы ся имали о божьи вѣре и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа душа и изволениа, и не вдадим, елико наше изволение, быти от сущих по*дь*[65] рукою наших *князь*[66] свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; *но*[66] подщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, грекы, исповеданием и написанием со клятвою извещаемую любовь непревратну и непостыж*ну*.[67] Тако же и вы, грекы, да храните тако же[68] любовь ко княземъ нашим свѣтлым рускым и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазн*у* *и*[69] непреложну всегда и во вся лѣта.

А о главах, *а*же[70] ся ключит проказа, уряди*мъ*[71] *ся*[72] сице: да елико явѣ будеть показании явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣх явлении; а ему же начнуть не *я*ти[73] вѣры, да кленется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда кленеться по вѣре своей, и будеть казнь, яко же явиться согрешенье.

О сем, аще кто убьеть или хрестьанина русин, или хрестьянинъ русина, да умрет, идѣ же аще сотворить убийство. Аще ли убежит сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметв ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть толицем же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовит сотворивый убой и убежавъ, да держить ся тяжи, дондеже обрящеться, и да умреть.

Аще ли ударить мечем, или *бьеть*[74] кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому; аще ли не имовит тако сотворивый, да вдасть елико можеть, *и*[72] да соиметь *с*[75] себе и ты самыа порты, в них же ходить, да о процѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никако же иному помощи ему, да пребывает тяжа отоле не взыскаема.

О сем, аще украдеть что любо[76] русин у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у русина, и ятъ будеть в том часѣ тать, егда татбу сътворить, от погубившаго что, любо аще приготовить ся тать творяй, и убьенъ будеть, да не взищеться смерть его ни от хрестьанъ, ни от Руси; но паче убо да возметь свое, иже *будеть*[77] погубил. Аще *вдасть*[78] руцѣ свои украдый, да ят будеть тѣм же, у него же будеть украдено, и связанъ будеть, *и*[72] отдасть тое, еже смѣ створити, и сотворить триичи.

О сем, аще кто от хрестьянъ или от Руси мученьа образом искусъ творити, и насильем*ъ*[79] явѣ возметь что любо дружне, да въспятить троиче.

Аще выєржена будеть лодьа вѣтром великим на землю чюжю, и обращуть ся тамо иже от нас Руси, *да*[80] аще кто *им*еть[81] снабдѣти лодию с рухлом своим *и*[81a] отослати паки *на*[82] землю хрестьаньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже приидеть въ бестрашное мѣсто; аще ли таковая лодьа ли от буря, *или*[83] боронениа земнаго боронима, не можеть *възвратитися*[84] въ своа си мѣста, спотружаемся гребцем тоа лодьа мы, Русь, допроводим с куплею их поздорову. Ти аще ключиться близъ земля Грецкаа (аще ли ключиться)[85] тако же проказа лодьи руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продають рухло тоя лодьи, и аще что может продати от лодьа, *во*-волочим[86] мы, Русь. Да егда ходим в Грекы или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустим с честью проданное рухло лодьи их. Аще ли лучится кому от лодьи убеену быти от нас Руси, или что взято любо, да повинни будуть то створшии прежереченною епитемьею.

О[87] тѣх, аще полоняникъ обою страну держим есть или от Руси, или от грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли русинъ ли греченинъ да *искупять и*[88] възратять искупное лице въ свою сторону, и возмуть цѣну его купящии, или мниться в куплю над нь челядиннаа цѣна. Тако же аще от рати ять будеть от тѣх грекъ, тако же да *возратится*[89] въ свою страну, и отдана будет цѣна его, яко же речено есть, яко же есть купля.

Егда же *требуетъ*[90] на войну ити, и сии хотять поч*ити*[91] царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотять остат*ися*[92] у царя вашего своею волею, да будуть.

О[93] Руси *о*[93] полонении множайши. От коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемым въ хрестьяны, и еще же и о хрестьанех о полоненых от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаеми бывають по 20 золота, и да приидуть в Грекы.

О том, аще украден будеть челядинъ рускый, или ускочить, или по нужи продан будеть, и жаловати начнуть Русь, *да*[94] покажеть ся таковое *о* челядине[95] и да поимуть *ѝ*[96] в Русь; но и гостие *аще*[97] погубиша челядинъ и жалують, да ищуть, обретаемое да поимуть ѐ. Аще ли кто искушеньа сего не дасть створити местникъ, да погубить правду свою.

И о работающих *во*[98] Грекох Руси у хрестьаньскаго царя. Аще кто умреть, не уря*дивь*[99] своего имѣнья, ци своих не имать, да възратить имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будеть писал наследити имѣнье его, да наследит ѐ.

О[93] взимающих куплю Руси.

О[100] различных хо*дящихъ*[IV,1] во Греки и удолжающих... Аще злодѣй *не*[2] възратиться в Русь, да жалують Русь. хрестьаньску царству, и ять будеть таковый, и възвращен будеть, не хотя, в Русь. Си же вся да створять Русь грекомъ, идѣже аще ключиться таково.

На утверженье же *и*[3] неподвижение[4] быти меже вами, хрестьаны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написа-

нием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго бога *в*ашего,[5] извѣсти и дасть нашим послом. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суща, яко бо*жие*[6] здание, по закону и по *по*кону[7] языка нашего, не преступити нам, ни *иному*[8] от страны нашея от уставленых главъ мира и любви. И таковое написание дахом царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому совещанию, на утвержение и на извещание межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентебря 2, *индикта*[9] 15, в лѣто создания мира 6420".

Царь же Леонъ почти послы Рускые дарми, златомъ, и паволоками и фофудьами, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыа и в них сущаа богатество, злата много и паволокы и камьнье драгое, и страсти господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я̑ к вѣре своей и показующе им истиную вѣру. И тако отпусти а́ во свою землю с честию великою. Послании же Олгом посли прийдоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси.

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, *иже бѣ*[10] поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волъхвовъ *и*[11] кудесникъ: „От чего ми есть *умрети*?".[12] И рече ему кудесник один: „Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети". Олегъ же приим въ умѣ, си рѣче: „Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того". И повелѣ кормити *и̑*[13] и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: „*Кде*[14] есть конь мъй, его же бѣ*хъ*[15] поставил кормити и блюсти его?". Он же рече: „Умерлъ есть". Олег же посмѣася и укори кудесника, река: „То ти неправо глаголють волъсви, но *все то*

льжа[16] есть: конь[17] умерлъ есть, а я живъ". И повелѣ оседлати конь: „А то вижю кости его". И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: „Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?". И въступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа *изо*[18] лба, *и*[19] уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша *его*[19] на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, слове*ть*[20] могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжениа его 33.

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародѣйство,[21] яко же *бысть во*[22] царство Доментианово. Нѣкий волхвъ, именем *Аполоний, Тиянинъ*,[23] знаемъ бѣаше, шествуа и творя всюду *и*[19] въ градѣх и в селех бѣсовьскаа чюдеса. От Рима бо пришед въ Византию, умоленъ бывъ от живущих ту, сотворити сиа: отгнавъ множество змий и скоропий изъ града, яко *не*[24] врежатися человѣком от них; ярость коньскую[25] обуздавъ, егда ссхожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умолен бывъ от них, томимомъ бо Антиахияном от скоропий и от комаръ, сотворивъ мѣдянъ скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ мраморен постави *надъ*[26] ним, и повелѣ тро͡сть держати человѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростем трясомом: „Бес комара граду". И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же пакы *о*[27] *на*лежащим[28] на градѣ трус*ѣ*,[29] въздохну, списа на дщице сеа: „Увы тобѣ, оканьный граде, яко потрясешися много, и огнем одержимъ будеши, *оплачеть*[30] же тя и *при*[31] березѣ *сый Оронтий*".[32] О нем же и великий Настасий божьа града рече: „Аполонию же даже и донынѣ на нѣцех мѣстех собываються *створенаа*,[33] стоащаа *ова*[34] на отвращение животенъ четверногъ, птица, могущи вредити человѣ*кы*,[35] другыя же на воздержание струамъ, рѣчнымъ, невоздержанно текущим, но ина нѣкаа на тлѣнье и вред человѣкомъ сущаа на побѣжение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прелщение оканным человѣкомъ, *больма*[36] крадо-

мымъ на таковаа от дьавола“. Кто убо что речеть о творящих *ся*[37] волшвеным прелщением дѣлех? Яко таковый гораздъ бысть волшеством, яко *вы*ину[38] зазряще ведый Аполоний, яко неистовъ на ся философескую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, яко же азъ словом точью творити, их же хотяше, а не свершением творити повелеваемаа от него. *Та же*[39] и вся ослабленьемъ божьимъ и творением бѣсовьским бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть *и крѣпка*,[40] пребывающи господеви *и не*[41] влекома врагом мече*т*ных[42] ради чюдес и сотонинъ дѣлъ, твори*мыхъ*[43] от враг и слугъ злобы.[44] Еще же но именемъ господнимъ и пророчествов*аша*[45] нѣции, яко Валам, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Июда и сынове *Скевави*.[46] Убо и не на достойных *благодать дѣйствует*[47] многажды, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валам обоих бѣ щюжь,[48] житья изящна и вѣры, но обаче *съдетельствова*[49] в нем *благодать*[50] инѣх ради смотрениа. *И*[51] Фараонъ таковый бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоновсоръ законопреступный, но и сему пакы по мнозѣх сущих последиже родъ откры, тѣмъ являа, яко мнози, прекостни имуще умъ, пред образомъ Христовымъ знаменають иною кознью на прелесть человѣкомъ не разумѣвающ*имъ*[52] добраго, яко же бысть Симонъ волхвъ, и *Менандръ и ини таковы, ихъ*[53] ради, поистѣнѣ, рече: не чюдесы прелщати ...

В лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время 913
поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти.

В лѣто 6422. Иде Игорь на деревляны, и побѣдивъ а̀, и воз- 914
ложи на ня[54] дань болши Олговы. В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьски на Царьград, и сотворивъ миръ и прииде во своаси.

В лѣто 6423. Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, 915
и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семионъ пленяя Фракию, греки же послаша по печенѣги. Печенѣгом пришедшим и хотящимъ на Семеона, расварившеся греческыа воеводы. Видѣвше печенѣзи, яко сами

на ся рѣть[55] имуть, отъидоша въсвоасы, а болгаре со грекы *со*ступишася,[56] и пересѣчени быша грекы. Семионъ же приа град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во 3-хъ реках купався недуга избы, ту, сего *ради*[57] град во имя свое нарече. Последи же Андрианъ кесарь и обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ.

916 В лѣто 6424.

917 В лѣто 6425.

918 В лѣто 6426.

919 В лѣто 6427.

920 В лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекох. А Игорь[58] воеваше на печенѣги.

921 В лѣто 6429.

922 [59]В лѣто 6430.

923 В лѣто 6431.

924 В лѣто 6432.

925 В лѣто 6433.

926 В лѣто 6434.

927 В лѣто 6435.

928 В лѣто 6436.

929 В лѣто 6437. Приде Семевонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, в гордости, и створи миръ с Р*о*м*а*номъ[60] царемъ, и възратися въсвояси.

930 В лѣто 6438.

931 В лѣто 6439.

932 В лѣто 6440.

933 В лѣто 6441.

934 В лѣто 6442. *Первое приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; Романъ сотвори миръ со угры.*[61]

935 В лѣто 6443.

936 В лѣто 6444.

937 В лѣто 6445.

938 В лѣто 6446.

Смерть Олега от коня своего: „И въступи (Олег) на лобъ; и вьникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 19 об.

Греческий огонь: „Феофанъ же сусрѣте я̀ (русских) въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 22 об.

В лѣто 6447. *939*

В лѣто 6448. *940*

В лѣто 6449. Иде Игорь на Греки. *И*[62] послаша болгаре *941*
вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдий 10 тысящь. Иже придоша, и приплуша и почаша воевати Виф*и*ньскиа[63] страны, и воеваху по Понту до *Ираклиа*[64] и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; их же емше, овѣхъ растинаху, другия аки странь поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть *имъ*.[65] Много же святыхъ церквий огне*ви*[66] предаша, манастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало *от*[67] обою страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ от въстока, Па*м*фиръ[68] деместик съ 40-ми тысящь, Фока же патрекий съ макидоны, Федоръ же стратилатъ съ фраки, с ними же и сановници[69] боярьстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша, въружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зьли одва одолѣша грьци. Русь же възратишася къ дъружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша в лодь*и*[70] и отбѣгоша. Феофанъ же сустрѣте я въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския. И бысть видѣти стращно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести: и тако прочии възъвратишася въ свояси. Тѣм же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмь огни: „Яко же молонья, — рече, — иже на небесѣхъ, грьци имуть у собе, и се пущающ*е*[71] же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ“. Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по варяги многи за море, вабя ѐ на греки, паки хотя[72] поити на ня.

В лѣто 6450. Семеонъ иде на храваты, и побѣженъ бысть хра- *942*
ваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, больгаромъ.

В лѣто 6451. Паки придоша угри на Царьградъ, *и*[61] миръ *943*
створивше съ Р*ома*номъ,[73] возъвратишася въ свояси.

В лѣто 6452. Игорь же совкупивъ вои многи, варяги, Русь, *944*
и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги *наа*,[67]

и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: „Се *идуть*[74] Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли". Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: „Идуть Русь,[75] и наяли суть к собѣ печенѣги". Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя: „Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамь и еще к той дани". Тако же и къ печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину, и нача думати, *и*[76] повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣща же дружина Игорев*а*:[77] „Да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ боле того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вѣсть; кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли с моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй: обьча смерть всѣмъ". Послуша ихъ Игорь, и повелѣ печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю; а самъ埋 вземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспять, и приде къ Киеву въ своняси.

945 В лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореви построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велѣша глаголати *и*[76] псати обоихъ рѣчи на харатьѣ.

„Равно друг*аго*[78] свѣщанья, бывшаго при цари Раманѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ. Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, сын*а* Игорев*а*;[79] Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нэти Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Туръдуви; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Туръдовъ; Егри Евлисковъ; *Воистъ*[80] Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастѣнъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купецъ Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ,

Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелъдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилен, Апубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людий Руския земля. И от тѣх заповѣдано обновити ветъхий миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола *разореный*[81] от многъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью.

И великий князь нашь Игорь, *и князи*[82] и боляри его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмь болярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съяеть солнце и весь миръ стоить. И еже помыслить от страны руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да приимуть месть от бога вседержителя, осуженье[83] на погибель въ весь вѣкъ |в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от бога ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий.

А великий князь руский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь *в*ашь[84] посылати грамот*ы*[85] ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ *посли*[82] и гостье, да принос*я*ть[86] грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль сел*ико*,[87] и от тѣхъ да увѣмы и[88] мы, оже съ миромь при*ходять*.[89] Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть намъ,[90] да держимъ и хранимъ,|донде же възвѣстимъ князю *в*ашему.[91] Аще ли руку не дадять, и противятся, *да*[92] убьени будуть, |да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть Русь без купли, да не взимають мѣсячна. Да запрѣтить князь

сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не[93] творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство *н*аше,[94] да испишеть имяна ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и *ис*[82] Переяславля *и исъ прочих городовъ*.[82] Да входять в городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, яко же имъ надобѣ, *и*[82] паки да исходять; *и*[95] мужь царства *н*ашего[96] да хранить я̀, да аще кто от Руси или от Грекъ створи*ть*[97] криво, да оправляеть то. Входяще же Русь в *градъ*,[98] да *не творять пакости и*[82] не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и от тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю, и *ть я*[99] запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи Руси отсюда *вз*имають[100] от насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, яко же уставлено есть преже, и да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою; да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы.

Аще ускочить челядинъ от Руси, по н*ь* же[101] придуть въ страну царствия *н*ашего,[102] и *у*[103] святаго Мамы аще будеть, да поимуть ѝ; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за чалядинъ.

Аще ли кто от людий царства *н*ашего,[104] ли от города *н*ашего,[104] или от инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да въспятять ѝ опять; а еже что принеслъ будеть, все цѣло, и да возьметь от него золотника два *имечнаго*.[105]

Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людий царства *н*ашего,[104] иже то створить, покажненъ будеть вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо; и аще створить *то же*[82] грьчинъ русину, да прииметь ту же казнь, яко же приялъ есть и онъ.

Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или грьчину от руси, достойно есть да возворотит*ь*[106] *ѐ*[82] не точью едино,

но и цѣну его; аще украденное обрящеться про*дае*мо,[V,1] да вдасть и цѣну его сугубо, и т*ъ*[2] показненъ будеть по закону гречьскому, *и*[3] по уставоу и по закону рускому.

Елико хрестеянъ от власти нашея плѣнена приведуть русь, ту аще будеть уноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть ѝ; *аще ли есть средовѣчь, да вдасть золотникъ*[3] 8 и поимуть ѝ; аще ли будетъ старъ, или дѣтещь, да вдасть златникъ 5.

Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще[4] суть плѣньници, да иск*у*пають[5] ѐ русь по 10 златникъ; аще ли купилъ *ѝ*[6] буд*етъ*[7] грьчинъ, подъ хрестомь достоить ему, да возьметь цѣну свою, елико же[8] далъ будеть на немь.

А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости, князь руский, да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, *и*[3] тогда, аще просить вой у насъ князь руский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требѣ.

И о томъ, аще обрящють русь кубару гречьскую ъвержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидять ея. Аще ли от нея возметь кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повиненъ закону руску и гречьску.

Аще обрящ*ю*ть[9] въ вустьѣ Днѣпрьскомь Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же.

И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья; но егда придеть осень, да идуть въ домы своя в Русь.

А о сихъ, оже то, приходять черниии болгаре *и*[3] воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому, да ихъ не *пущаеть: пакостять*[10] странѣ его.

Ци аще ключится проказа н*ѣ*кака[11] от грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити ѝ, но повелѣньемь царства нашего да приметь, яко же будеть створилъ.

Аще убьеть хрестеянинъ русина,[12] или русинъ хрестеянина, да[13] держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють ѝ.

Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возьмуть имѣнье его ближьнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ *створивый убийство*[3] и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется, аще ли обрящется, да убьенъ будеть.

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ русинъ грьчина, или грьчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5 по закону рускому; аще ли есть неимовитъ, да како можеть в только же проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ ж *ходить*,[14] да и то с него сняти, а о процѣ да на роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть.

Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да *пишемъ*[15] къ великому князю вашему, и послетъ к намъ, елико же хочемъ: и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють грьци съ русью.

Мы же *свещание*[16] *се*[17] написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, *на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша. А отходяче послом царства нашего*[18] да допроводять къ великому князю рускому Игореви и к людемъ его; и ти приимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ *на*[18] харатью сию, на ней же суть имяна наша написана.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничто же; а иже преступить се от страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи от бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ[19] в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ.

А некрещеная[20] Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и *прочаа*[18] оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ

боляръ и от всѣх людий от страны Руския въ прочая лѣта и воину.

Аще ли же кто от князь или от *людий*[21] руских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клятъ от бога и от Перуна, яко преступи свою клятву.

Да аще будеть добрѣ *устроилъ миръ*[21] Игорь великий князь, да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить, в нынешния вѣки и в будущая".

Послании же сли Игоремъ придоша к Игореви со слы гречьскими, *и*[18] повѣдаша вся рѣчи царя Рамана. Игорь же призва слы гречьския, рече имъ: „Глаголите, что вы казалъ царь?". И рѣша сли цареви: „Се посла ны царь, радъ есть миру, хощеть миръ имѣти со княземъ рускимъ и любъве. Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ". Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, *и*[18] покладоша оружье свое, и *щиты*[22] и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша варязи хрестеяни и Козарѣ.[22a] Игорь же, утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ скоро*ю*,[23] и чалядью и воскомъ, и отпусти я̀; сли, же придоша ко цареви, *и*[18] повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь *юже*[24] къ грекомъ.

Игорь же нача княжити въ К*ы*ев*ѣ*,[25] миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, *и*[26] нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань.

В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: 985
„Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы". *И*[18] послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой да*н*и,[27] *и*[18] насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ

дань, поиде въ градъ свой. Идущ*у*[28] же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще“. Пусти дружину свою домови, съ малом же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем ъ своимъ Маломъ: „Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся[29] ны погубить“. *И*[18] послаша к нему, глаголюще: „Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, *и*[18] есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, *и*[18] воевода бѣ Свѣнелдъ, — то же отець Мистишинъ. Рѣша же деревляне: „Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, яко же хощемъ“. И послаша деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на подольи не сѣдях*у* людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Ни*кифо*ровъ,[30] а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть *нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть*[18] дворъ демьстиковъ за святою богородицею; над горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва *я*[31] Ольга къ собѣ *и рече имъ:*[32] „Добри гостье придоша“. И рѣша деревляне: „Придохомъ, княгине“. И рече имъ Ольга: „Да глаголете, что ради придосте сѣмо?“. Рѣша же древляне: „Посла ны Деръвьска земля, рекущ*и*[33] сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашь за Малъ“; бѣ бо имя ему Малъ, князю дерьвьску. Рече же имъ Ольга:

„Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся, *и*[26] азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи"; и отпусти я̀ въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: „Зоветь вы Ольга на честь велику". Они же рѣша: „Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, *ни пѣши идемъ,*[34] понесѣте ны в лодьи". Рѣша же кияне: „Намъ неволя; князь нашь убьенъ, и княгини наша хоче*тъ*[35] за вашь князь"; и понесоша я̀ в лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣх въ великихъ сустугахъ гордящеся. И принесоша я̀ на дворъ к Ользѣ, *и,*[36] несъше, вринуша ѐ въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: „Добра ли вы честь?". Они же рѣша: „Пуще ны Игоревы смерти". И повелѣ засыпати я̀ живы, и посыпаша я̀.

И[32] пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: „Да аще мя просит*е*[37] право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии". Се слышавше деревляне, *из*браша[38] лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: „Измывшеся придите ко мнѣ". Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я̀ отъ дверий, ту изгорѣша вси.

И посла къ деревляномъ, рькущи сице: „Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи в градѣ, иде же убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему". Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, *и*[26] възвариша. Ольга же, поимши мал*о*[39] дружины, легъко идущи приде къ гробу его, *и*[26] плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, *и*[26] яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша деревляне пити, и по-

велѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними. *И*[26] рѣша
деревляне к Ользѣ: „Кдѣ суть дружина наша, ихъ же посла-
хомъ по тя?“. Она же рече: „Идуть по мнѣ съ дружиною
мужа моего“. *И*[26] яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ
своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ
своей[32] сѣчи деревляны;[40] и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возъ-
вратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

Начало[32] княженья Святославля, *сына Игоре-*
946 *ва.*[26] В лѣто 6454. Ольга съ сыном своимъ Святославомъ
собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. *И*[26] изи-
доша деревляне противу. *И*[26] сънемъшемася[41] обѣма полкома
на скупь, суну копьемъ Святославъ *на*[32] деревляны, и копье
летѣ сквозѣ уши коневи, *и*[26] удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ.
И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: „Князь уже почалъ; потягнѣте,
дружина, по князѣ“. И побѣдиша деревляны. Деревляне же
побѣгоша и затворишася в градѣхъ своих. Ольга же устре-
мися съ сыномъ своимъ *на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху
убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ,*[32] а де-
ревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града,
вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя
Ольга лѣто, *и*[32] не можаше взяти града, и умысли сице: посла
ко граду, глаголюще: „Что хочете досѣдѣти? А вси гради
ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя
и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся
по дань“. Деревляне же рекоша: „Ради ся быхомъ яли по дань,
но хощеши мьщати мужа своего“. Рече же имъ Ольга, яко
„Азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву,
второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему. А уже
не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, *и*[42] смирив-
шися с вами поиду опять“. Рекоша же деревляне: „Што
хощеши у насъ? Ради даемъ медомь и скорою“. Она же рече
имъ: „Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ
прошю: да*ди*те[43] ми от двора по 3 голуби да *по*[32] 3 воробьи.
Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, яко же и мужь мой,
сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в осадѣ,[44]

да сего у васъ прошю мала". Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: „Се уже есте[45] покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, *а я заутра отступлю от града*,[46] и *поиду*[47] въ град*о свой*".[48] Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби кому ждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ *къ*[49] коемуждо[50] голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитькою поверзывающе къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, голуби[51] въ голубники, врабьѣве *же*[52] подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идеже не горя*ше*[53] и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати *а̀*,[54] яко взя градъ и пожьже ѝ; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их оставл[55] платити дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя *В*ышегороду[56] к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; *и*[46] суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своим Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

В лѣто 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ *947*
повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; *и*[46] ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше съ нимъ въ любъви.

В лѣто 6456. *948*

В лѣто 6457. *949*

950 В лѣто 6458.
951 В лѣто 6459.
952 В лѣто 6460.
953 В лѣто 6461.
954 В лѣто 6462.
955 В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь *Костянтинъ, сынъ Леоновъ;*[57] и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю̀ добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: „Подобна еси царствовати въ градѣ с нами". Она же разумѣвши рече ко царю: „Азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся"; и крести ю̀ царь с патреархомъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю̀ патреархъ о вѣрѣ, *и*[46] рече ей: „Благословена ты в *женах*[46] руских, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии *и*[46] в послѣдний родъ внукъ твоих". И заповѣда ей о церковномь уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. *О*на же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья; *и*[46] поклонившися патреарху, глаголющи: „Молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сѣти неприязньны". Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. *И*[46] благослови ю̀ патреархъ, и отпусти ю̀. И по крещеньи возва ю̀ царь, и рече ей: „Хощю тя пояти собѣ женѣ". Она же рече: „Како хочеши мя пояти, крест*ивъ*[58] мя самъ и нарекъ мя *д*щерею?[59] А *въ*[46] хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси". И рече царь: „Переклюкала мя еси, Ольга". И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю̀, нарекъ ю̀ дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: „Людье мои пагани и сынъ мой, дабы мя богъ съблюлъ от всякого зла". И рече патреархъ: „Чадо вѣрное! Во *Хри*ста[60] крестилася еси, и во *Хри*ста[60] облечеся, Христосъ имать схранити тя: яко же схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама от

Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от звѣрий, тако и тя избавить от неприязни и от сѣтий его"; *и*[46] благослови ю патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, яко же при Соломанѣ приде царица Ефиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: тако же и си блаженая Ольга искаше доброѣ мудрости божь*а*,[61] но она человѣчески, а си божья. „Ищющи бо мудрости обрящють"; „Премудрость на исходищихъ поется, на путехъ же деръзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть: елико бо лѣтъ *не*злобиви*и*[62] держатся по правду..". Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью, *что есть луче всего*[63] въ свѣтѣ семь, налѣзе бисеръ многоцѣн*енъ*,[64] еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: „Желанье благовѣрныхъ наслаж*аетъ*[65] душю"; и: „Приложиши сердце[66] твое в разумъ"; „Азъ любящая мя люблю, и ищющии мене обрящуть мя". Господь рече: „Приходяща*го*[67] ко мнѣ не и*з*жену[68] вонъ".

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь гречьский, глаголя, яко „Много дарихъ тя. Ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь". Отвѣщавши Ольга, и рече къ сломъ: „Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, яко же азъ в С*у*ду,[69] то тогда ти дамь". И отпусти слы, сь рекъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть й мати креститися, и не б*р*ежаше[70] того ни *во*[71] уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. „Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть"; „Не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии", и не вѣдять славы господня; „О*дебел*ѣша[72] бо сердца ихъ, ушюма тяжько слышати, *а*[73] очима видѣти". Рече бо Соломанъ: „*Дела*[74] нечестивыхъ *далече*[75] от разума", „Понеже звахъ вы, и не послушасте мене, прострохъ словеса, и не внимасте, но отмѣтасте моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте"; „Възненавидѣша бо премудрость, а страха господня не изволиша, ни хотяху

моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья". Яко же бо Ольга часто глаголашеть: „Азъ, сыну мой, бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь". Онъ же не внимаше того, глаголя: „Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? А дружина *моа*[71] сему смѣятися начнуть". Она же *рече*[76] ему: „Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити". Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть, яко же рече: „Аще кто отца ли матере не послушаеть, *то*[77] смерть прииметь". Се же к тому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: „Ка*ж*ай[78] злыя приемлеть собѣ досаженье, облича*яй*[79] нечестиваго поречеть *собѣ*;[80] обличенья бо нечестивымъ мозол*ие*[81] суть. Не *обличай*[82] злыхъ, да не възненавидять[83] тебе". Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: „Воля божья да будеть; аще богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ рускиѣ, да възложить имъ *на*[84] сердце обратитися къ богу, яко же и мнѣ богъ дарова". И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

956 В лѣто 6464.

957 В лѣто 6465.

958 В лѣто 6466.

959 В лѣто 6467.

960 В лѣто 6468.

961 В лѣто 6469.

962 В лѣто 6470.

963 В лѣто 6471.

964 В лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ *ядяше*,[85] ни шатра имяше, но подъкладъ пос*т*лавъ[86] и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. *И*[73] посылаше къ странамъ, глаголя: „Хочю на вы ити". И иде на Оку рѣку и на Волгу,

и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: „Кому дань даете?“. Они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу от[87] рала даемъ“.

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же 965
козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася бит*ися*, и б*ы*вши[88] брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. *И*[71] ясы побѣди и касогы.

В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ 966
възложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на[89] Болгары. *И*[71] 967
бившемъся обоимъ, одолѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, *и*[71] сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцѣх.

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, 968
а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша *печенѣзи*[71] градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собрашеся людье оноя страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни[90] единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. *И*[71] въстужиша людье въ градѣ и рѣша: „*Нѣсть*[91] ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и ре*щи*[92] имъ: аще *не подступите заутра,*[93] предатися имамъ печенѣгомъ?“. И рече единъ отрокъ: „Азъ преиду“. И рѣша: „Иди“. Онъ же изиде изъ града с уздою, и рист*аше*[94] сквозѣ печенѣги, глаголя: „Не видѣ ли коня никтоже?“. Бѣ бо умѣя печенѣжьски, и мняхуть ѝ своего. *И*[71] яко приближися к рѣцѣ, свергъ[95] порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша ѝ в лодью и привезоша ѝ къ дружинѣ. И рече имъ: „Аще не п*одступи*те[96] заутра къ городу, предатися хотять людье печенѣгомъ“. Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: „Подъступимъ заутра в лодьях, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну. Аще ли сего

не створимъ, погубити ны имать Святославъ". Яко бысть заутра, всѣдъше в лодьи противу[97] свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ.[98] Видѣвъ же се князь печенѣжьский, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: „Кто се приде?". И рече ему: „*Людье*[99] оноя страны". И рече князь печенѣжьский: „А ты князь ли еси?". Онъ же рече: „Азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣх, *и*[71] по мнѣ идеть полкъ со князем, бе-щисла множьство". Се же рече, грозя имъ Рече же князь печенѣжьский къ Прѣтичю: „Буди ми другъ". Онъ же рече: „Тако створю". И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. *И*[71] отступи*ша*[100] печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: „Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, *и*[71] матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща, и дѣтий своих". То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

969 В лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: „Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити *в*[VI,1] Переяславци *на*[2] Дунаи, яко то есть середа земли[3] моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина *и*[4] овощеве разноличныя, и*зъ* *Чех*ъ[5] же, из *Угорь*[6] сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь". Рече ему Волга: „Видиши мя бол*ну*[7] сущю; камо хощеши отъ мене ити?". Бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: „Погребъ мя иди,[8] ямо же хочеши". По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, *и*[4] несоша и погребоша *ю*[9] на мѣстѣ. И *бѣ*[10] заповѣдала

Первая месть Ольги древлянам: „И принесоша я̀ (древлянских послов) на дворъ к Ользѣ, и, несъше, вринуша ѐ въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?»“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 28 об.

Вторая месть Ольги древлянам: „И влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я̀ отъ дверий“.

Радзивиловская летопись, л. 29.

Ольга не творит*и*[11] трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли аки день*ни*ца[12] предъ солнцемь и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцехъ свѣтящеся аки бисеръ в калѣ: кальни бо бѣша грѣ*хомъ*,[13] неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся греховн*ыя* одеж*а*[14] ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к ней: радуйся, руское познанье къ богу, начатокъ примиренью[15] быхомъ. Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницю: ибо по смерти моляше бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирають, яко же рече Соломанъ: „Похвал*яему*[16] праведному възвеселятся людье", бесъсмертье бо есть память его, яко от бога познавается и от человѣкъ. Се бо вси человѣци прославляють, видящ*е*[17] лежащ*ю*[18] в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо пророкъ: „Прославляющая мя прославлю". О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: „В память *вечную*[4] праведникъ будеть, от слуха зла не убоится; готов сердце его уповати на[4] господа, утвердися сердце его и не подвижется". Соломанъ бо рече: „Праведници въ вѣки жи*в*уть,[19] и отъ господа мьзда имь есть и строенье вышняго. Сего ради приимуть царствие красотѣ и вѣнець добротѣ от руки господня, яко десницею покрыеть я̀ и мышцею защитить я̀". Защитил*ъ*[20] бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола.

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в деревѣхъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ: „Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ". И рече к нимъ Святославъ: „А бы пошелъ кто к вамъ". И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: „Просите Володимера". Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрынѣ, отець же бѣ има Малъкъ Любечанинъ, *и*[4] бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша ноугородьци Святославу: „Вдай ны Володимира". Онъ же *970*

рече имъ: „Вото вы есть". И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею, уемъ[21] своимь, Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

917 В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася болгаре въ градѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и *одоляху*[22] больгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: „Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!". И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: „Хочю на вы ити *и*[4] взяти градъ вашь, яко и сей". И рѣша грьци: „Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы". Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; *суть бо греци лстивы и до сего дни.*[4] И рече имъ Святославъ: Есть насъ 20 тысящь, и прирече[23] 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь *толко.*[24] И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: „Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою". И рѣша вои: „Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ". И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грьци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже сто*ять*[25] и до днешняго дне *пусты.*[4] И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: „Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?". И рѣша ему боляре: „Посли к нему дары, искусимъ й, любьзнивъ ли есть злату, ли пава*локамъ*?".[26] И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: „Глядай взора и лица его и смысла его". Онъ же, descемъ дары, приде къ Святославу. *И*[4] повѣдаша Святославу, яко придоша грьци с поклономъ. И рече: „Въведѣте я сѣмо". Придоша, и поклонишася ему, *и*[4]

положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „Схороните“. Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко „Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не *во*зрѣ[27] на ня, и повелѣ схоронити“. И рече единъ: „Искуси й еще, посли ему оружье“. Они же послу*ша*ша[28] его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и целова*ти*[29] царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: „Лютъ се мужь хочеть[30] быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть. Имися по дань“. И посла царь, глаголя сице: „Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши“; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. *И*[31] даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко „Род его возметь“. Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с пох*ва*лою[32] великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: „Еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене“, бѣша бо многи погибли на полку. И рече: „Поиду в Русь, приведу боле дружин*ы*“.[33]

И посла слы ко цареви въ Деревьстръ,[34] бо бѣ ту царь, рька сице: „Хочу имѣти миръ с тоб*ою*[35] твердъ и любовь“. Се же слышавъ, *царь*[36] радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: „Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множай*ша*,[37] поидемъ Царюгороду“. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я̂, и рече царь: „Да глаголють сли рустии“. Они же рѣша: „Тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта“. Царь же радъ бысть *и*[38] повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославля[39] на харатью. Нача

глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ[40] писати. Глагола сице:

„Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи рустѣмь, и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, в лѣто 6479. Азъ Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всяк*имь*[41] великимь царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновеными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николи же помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка[42] иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья. Аще ли *от*[43] тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ *не*[38] съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ *з*олоти,[44] яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, яко же сотвори*хомъ*[45] нынѣ къ вамъ, *и*[38] написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ".

Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьях къ порогомъ. И рече ему воевода отень Свѣ*налдъ*:[46] „Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣх". И не послуша его *и*[38] поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: „Се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ ма*ломъ*[47] дружины". Слышавше же се печенизи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжьский и убиша Святослава, *и*[38] взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, окова*в*ше[48] лобъ его, и пьяху *из него*.[49] Свѣналдъ же прнде Киеву къ Ярополку. И всѣх лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8. *972*

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. *973*

В лѣто 6482. *974*

В лѣто 6483. Ловъ дѣющ*ю*[50] Свѣналдичю, именемъ Лютъ; ишедъ бо ис Киева гна по звѣри в лѣсѣ. И узрѣ ѝ Олегъ, и рече: „Кто се есть?“. И рѣша ему: „Свѣналдичь“. И заѣхавъ, уби ѝ, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть ме*жю*[51] ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: „Поиди на брать свой и прими волость его“, хотя отмьстити сыну своему. *975*

В лѣто 6484. *976*

В лѣто 6485. Поиде[52] Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и ополчистася.[53] Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои[54] своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше чересъ гроблю мостъ ко вратомъ[55] градныимъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И вшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искатъ брата своего; *и*[38] искавъше его не обрѣтоша. И рече единъ деревлянинъ: „Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“. И посла Ярополкъ искатъ брата, и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподи трупья, *вы*несоша[56] ѝ, и положиша ѝ на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, *и рече Свеналду:*[38] „Вижь, сего ты еси[57] хотѣлъ!“. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привелъ *ю*[38] отець его Святославъ, и вда ю̀ за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышав же се *977*

Володимъръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

978 В лѣто 6486.

979 В лѣто 6487.

980 В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти иде*ть*[58] на тя, пристра*и*вайся[59] противу битъся. И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: „Хочю пояти *дщ*ерь[60] твою собѣ женѣ". Онъ же рече *дщ*ери[61] своей: „Хочеши ли за Володимера?". Он*а*[62] же рече: „Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю". Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, *дщери* Рогъволож*ѣ*,[63] князя полотьскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время *хотячу*[38] Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; *и*[38] стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: „Поприяй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почалъ братью бити, но онъ. Азъ же того убоявъся придохъ на нь". И рече Блудъ къ посломъ Володимеримь: „Азъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство". О злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголеть: „Ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть". Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: „Языки своими льстяхуся. Суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья ихъ изр*ини* *а*,[64]

яко прогнѣваща тя, господи“. И паки той[65] же рече Давыдъ: „Мужь въ крови льстивъ не припловить дний своих“. Се есть совѣтъ[66] золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии. Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны[67] же не бѣ льзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити й, замысли лестью, веля ему *ни*[38] излазити на брань изъ града. *Рече*[68] же Блудъ Ярополку: „Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка. Побѣгни за градъ“. И послуша его Ярополкъ, *и*[69] избѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть *Рси*[69] рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немь, *и*[60] есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: „Видиши, колько войн у брата твоего? Нама ихъ не переборотп.[70] Твори миръ съ братомъ своимъ“; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: „Такъ буди“. И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко „Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити й“. Володимеръ[71] же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту *с вои и*[69] съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: „Поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму“. Поиде же Ярополкъ, *и*,[69] рече[72] ему Варяжько: „Не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши *вои;*[73] и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста й два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. *Варяшко же, видѣвъ, яко убъенъ бысть Ярополкъ,*[69] бѣжа съ двора в Печенѣги, и *много воева Володимера с печенѣгы,*[74] одва приваби й, заходивъ к нему ротѣ. Володимеръ же

залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь[75] бысть убо. Тѣмь и отецъ его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: „Се градъ нашь;[76] мы прияхомъ *й*,[77] да хочемъ имати окупъ на них, по 2 гривнѣ от человѣка". И рече им Володимеръ: „Пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць". *И*[69] ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и рѣша варязи: „Сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки". Онъ же рече имъ: „Идѣте". И избра от нихъ мужи добры, смыслены и *храбры*,[78] и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: „Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я̆ разно, а сѣмо не пущай ни единого".

И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. *И*[69] жряху имъ, наричюще я̆ богы, *и*[69] привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, *и*[69] оскверняху землю требами[79] своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся.

Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ[80] же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 *дщ*ери;[81] от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава

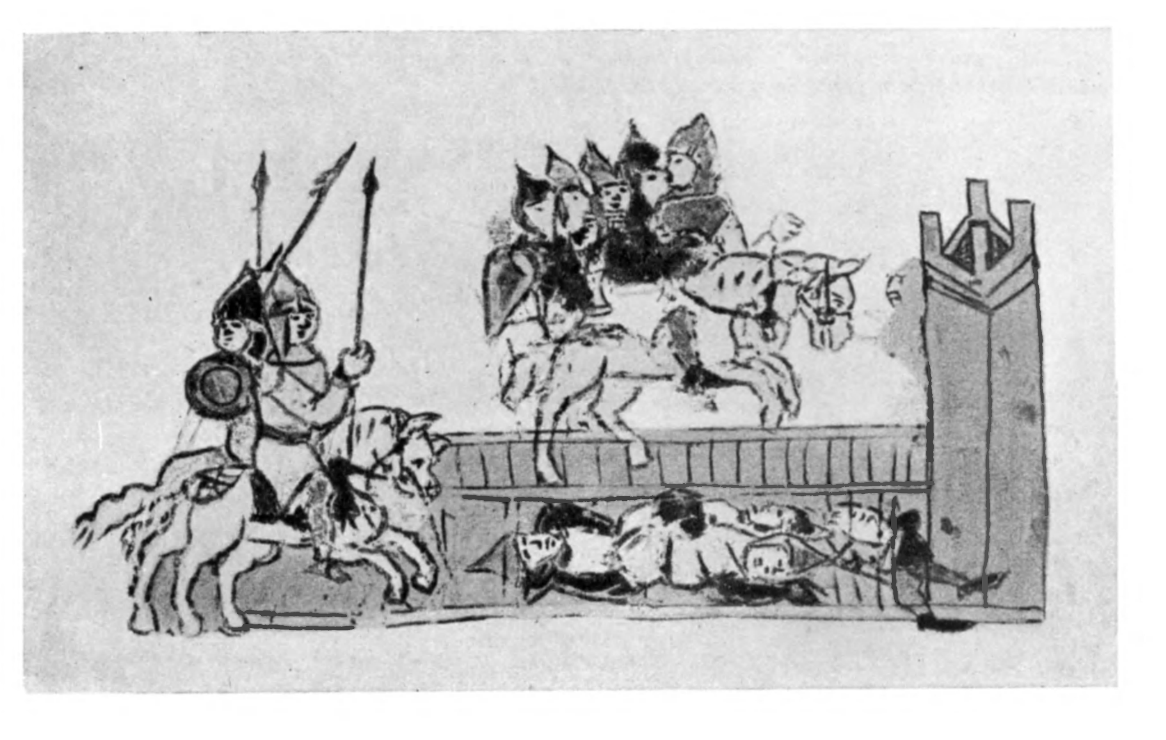
Ольга у византийского императора: „И дасть ей (Ольге) дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю̍ (Ольгу), нарекъ ю̀ дъщерью собѣ“.

Подвиг отрока, с уздечкой перебравшегося иа ту сторону Днепра во время осады Киева печенегами: „И приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и҆ (его) в лодью“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 35.

Испытание Святослава оружием: „И послаша (греки) ему (Святославу) мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и целовати царя“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 38.



Гибель Олега Святославича: „Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше иересъ гроблю мостъ ко вратомъ градным, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 41 об.

и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в *Бѣлѣгородѣ*,[82] а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несыть блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя. Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломанъ: бѣ бо, рече, у Соломана женъ 700, а наложниць 300. Мудръ же бѣ, а наконець погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконець обрѣте спасенье. „Велий господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!“. Зло бо есть женьская прелесть, яко же рече Соломанъ, покаявся, о женах: „Не вънимай злѣ женѣ, медъ бо каплеть от устъ ея, жены любодѣици, во время наслажаеть твой гортань, послѣди же горчае золчи обря*щеши*...[83] Прилѣпляющ*иися*[84] ей *вънидутъ съ*[84] смерт*ью*[85] въ вадъ... На пути животныя[86] не находить, блудная же теченья ея неблагоразумна“. Се же рече Соломанъ о прелюбодѣйцах; *а*[69] о добрыхъ женах рече: „Дра*жайш*и[87] есть каменья многоцѣньна. Радуется о ней м*у*жь[88] ея. Дѣеть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши *волну и ленъ*,[89] творить благопотребная рук*а*ма[90] своима. *Бысть*[91] яко корабль, куплю дѣющ*и*,[92] *издалеча*[93] собираеть *собѣ*[94] богатьство, и въста*еть*[95] от нощи, и даеть брашно *дому*[96] и дѣла *рабынямъ*.[97] Видѣвши стяжанье куповаше: от дѣлъ руку своею насадить тяжанье. Препоясавши крѣпко чресла своя, утверд*ить* мыш*ци* сво*а*[98] на дѣло. И вкуси, яко добро есть дѣлати, и не угасаеть свѣтилникъ ея всю нощь. Руцѣ свои простираеть на полезьная, локъти своя устремляеть на вретено. Руцѣ свои простираеть убогому, плодъ же простре нищему. Не печется мужь ея о дому своемь, егда гдѣ будеть, вси свои ея одѣни будуть. Су*г*уба[99] одѣнья с*от*ворить[VII, 1] мужеви своему, очерьвлена и багряна собѣ одѣнья. Взоренъ бываеть во вратѣхъ мужь ея, внегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли. Опоны створи и отдасть въ куплю. Уста же свои отверзе смысмыслено, в чинъ молвить языкъмь своимъ. Въ *к*рѣпость[2] и в лѣпоту облече*ся*.[3] Милостин*и*[4] же ея въздвиг*оша*[5] чада ея и обогатиша, и мужь ея похвали ю. Жена бо разумлива бла-

гословена есть, боязнь бо *господню*[6] да похвалить. Дадите ей от плода устьну ея, да хвалять во вратѣх мужа ея“.

981 В лѣто 6489. Иде *Володимеръ*[7] к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, *иже*[8] суть и до сего дне подъ Русью. В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди, и възложи на н*я*[9] дань от *плуга*,[10] яко же и отець его имаше.

982 В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимиръ, и победи я̀[11] второе.

983 В лѣто 6491. Иде Володимеръ на *ятвягы*,[12] и побѣди *ятвягы*,[12] и взя землю их. И иде Киеву и творяше требу[13] кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре: „Мечемъ жребий[14] на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ“. Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая богородица, юже сдѣла Володимеръ. Бѣ *же*[15] варягъ то*й*[16] пришелъ изъ Грекъ, *и*[7] держаше вѣру хрестеяньску. И бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и се*й*[17] бяшеть ему аки тернъ въ сердци, *и*[7] тщашеся потребити оканьный, и наусти люди. *И*[7] рѣша пришедше послании к нему; яко „Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо й бози собѣ; да створимъ требу[13] богомъ“. И рече варягъ: „Не суть *то*[18] бози, н*о*[19] древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ. А богъ есть единъ, ему же служать грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, *и*[7] звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, *и*[7] дал есть ему жити на земли. А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ“. Они же шедше повѣдаш*а*[20] людемъ. Они же, вземше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнех съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: „Вдай сына своего, да вдамы *й*[21] богомъ“. Онъ же рече: „Аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой. А вы чему претребуете *имъ*?“.[21] И *кликнуша*,[22] и посѣкоша сѣни под нима, и тако побиша я̀. И не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я̀. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани. Дьяволъ радова-

шеся сему, не вѣдый, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестьа*нь*ский,[23] но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в *ин*ѣх[24] странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый[25] пророка, глаголяща: „И нарек*у*[26] не люди моя люди моя"; о апостолѣх бо рече: „Во всю землю изидоша вѣщанья их, и в конець вселеныя глаголи ихъ". Аще и тѣломъ апостоли не суть *сдѣ*[27] были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, *их*[28] же ученьемь побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози, яко же попраста и си оте*ч*ника,[29] приемш*а*[30] вѣне*ць*[31] небесный съ святыми мученики и праведники.

В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него 984
воевода Вълчий Хвостъ, и посла й Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте *радимичи*[32] на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волъчий Хвостъ. Тѣмь и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: „Пищаньци волъчья хвоста бѣгають". Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять, дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгарыс ъ Добрынею, 985
съ *у*емъ[33] своимъ, в лодьях, а торъки берегомъ приведе на конихъ: и побѣди болгары.[34] Рече Добрына Володимеру: „Съглядахъ колодникъ, *и*[35] суть вси в сапозѣх. Сим дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ". И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: „Толи не будеть межю нами мира, *оли*[36] камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути". И приде Володимеръ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болъгары в*ѣ*ры[37] бохъмичѣ, глаго- 986
люще, яко „Ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашь и поклонися Бохъмиту". И рече Володимеръ: „Како есть вѣра ваша?". Они же рѣша: „Вѣруемъ богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, *а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную*.[38] Дасть Бохмитъ комуждо по семидесят женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣх

красоту възложить на едину, та будеть ему жена. *Здѣ*[39] же, рече, достоить блудъ творити всякъ. На семь свѣтѣ аще буде*ть*[40] кто убогъ, то и *тамъ*",[41] и ина многа лесть, ея же нѣ льзѣ псати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ нелюбо, обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудь,[42] рька: „Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти". Потом же придоша нѣмьци *от Рима*,[43] глаголюще: „Придохомъ послании от папежа"; и рѣша ему: „Реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся богу, *иже*[44] створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть". Володимеръ же рече: „Кака заповѣдь ваша?". Они же рѣша: „Пощенье по силѣ; «Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божью», рече учитель нашь Павел". Рече же Володимеръ нѣмцемъ: „Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть". Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: „Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаще тя *кождо*[45] вѣрѣ своей. Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю". И рече Володимеръ: „Что есть законъ вашь?". Они же рѣша: „Обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити". Онъ же рече: „То гдѣ есть земля ваша?". Они же рѣша: „Въ Ерусалимѣ". Онъ же рече: „То там*о*[46] ли есть?". Они же рѣша: „Разъгнѣвася богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяномъ". Онъ же рече: „То како вы инѣх *учите*,[47] *а*[43] сами отвержени от бога и расточени? Аще бы богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточе*ни*[48] по чюжимъ землямъ. Еда *и*[43] намъ тоже мыслите прияти?".

Посемь же прислаша грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: „Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому

и Гомору, на *няже*[49] пусти господь каменье горюще, и потопи я̀, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели их, егда придеть богъ судитъ земли и погуб*ити*[50] вся творящая беззаконья и скверны дѣющия. Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажются, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушають". Си слышавъ Володимеръ *плюну*[51] на землю, рекъ: „Нечисто есть дѣло". Рече же философъ: „Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучитъ васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломь с нами разъвращена: служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же богъ не преда, но пове*лѣ*[52] хлѣбомъ служити, и преда апостоломъ приемъ хлѣбъ, *рек:*[43] «Се есть тѣло мое, ломимое за вы...» тако же и чашю приемъ рече: «Се есть кровь моя новаго завѣта» си же того не творять, суть не *ис*правили[53] вѣры„. Рече же Володимеръ: „Придоша ко мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмци и грьци вѣрують, его же мы распяхомъ". Философъ же рече: „Въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко богу родитися, а друзии — распяту быти и погребену, а в 3-й день вскреснути и на небеса вз*ити*.[54] Они же *тыи*[43] пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться прореченье сихъ, съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣт, и не покаяш*ася*,[55] и посла на ня римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странах". Рече же Володимеръ: „То что ради сниде богъ на землю, и страсть тако*ву*[56] прия?". Отвѣщав же философъ, рече: „Аще хощеши послушати, да ска*жю*[57] ти из начала, чьсо ради сниде богъ на землю". Володимеръ же рече: „Послушаю рад". И нача философъ глаголати сице:

„В начало створи богъ небо и землю въ первый день. И в 2-й день створи твердь, яже есть посреди воды. Сего же дне раздѣлишася воды, полъ ихъ взиде надъ твердь, а полъ ихъ подъ твердь. А въ 3-й день створи море, и рѣки, и источники, и сѣмяна. Въ 4-й день солнце, и луну, и звѣзды, и украси

богъ небо. Видѣв же первый от ангелъ, старѣйшина чину ангелску, помысли въ себе, рекъ: «Сниду на землю, и преиму землю, и буду подобенъ богу, и поставлю престолъ свой на на облацѣх сѣверьскихъ». И ту абье сверже й с небесе, и по немь п*а*доша[58] иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый. Бѣ же имя противнику Сотонаилъ, *а* него же мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотона же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы перв*ыя*,[59] наречеся[60] противникъ богу. Посем же въ 5-й день створи богъ киты, и рыбы, гады, и птица пернатыя. Въ 6-й же день створи богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человѣка. Въ 7-й же день почи богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота. И насади богъ рай на въстоцѣ въ Едемѣ, въведе ту человѣка, его же созда, и заповѣда ему от древа всякого ясти, от древа же единого не ясти, еже есть разумѣти добру и злу. И бѣ Адамъ в раи, видяше бога и славяше, егда ангели славяху. И възложи богъ на Адам*а* сонъ,[61] и успе Адамъ, и взя богъ едино ребро у Адама, *и*[43] створи ему жену, и въведе ю в рай ко Адаму, и рече Адамъ: «Се кость от кости моея, а плоть от плоти моея, си наречеся жена». И нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имяна, звѣремъ и гадомъ, и самѣма ангелъ повѣда имяна. И покори богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всѣми, и послушаху его. Видѣвъ же дьяволъ, яко почти богъ человѣка, възавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и приде къ Еввѣ, и рече ей: «Почто не яста от древа, сущаго посредѣ рая?». И рече жена къ змиѣ: «Рече богъ: не имата ясти, *аще*[62] ли, да умрета смертью». И рече змия к женѣ: «Смертью не умрета; вѣдяше бо богъ, яко в он же день яста от него, отверзетася очи ваю, и будета яко и богъ, разумѣющ*а*[63] добро и зло». И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и съшиста листвиемь смоковьнымь препоясанье. И рече богъ: «Проклята земля в дѣлѣхъ твоих, и в печали яси вся дни живота своего». И рече господь богъ: «*Егда*[43] како прострета руку, и возмета от древа животьнаго, и живета въ вѣки». И изъгна господь богъ Адама

из рая. И сѣде прямо *раа*,[64] плачася и дѣлая землю, и порадовася сотона о проклятьи земля. Се на ны первое паденье и горький отвѣтъ, отпаденье ангельскаго житья. Роди Адамъ Каина и Авеля; бѣ Каинъ ратай, а Авель пастухъ. И несе Каинъ от плода земли къ богу, и не прия богъ даровъ его. Авель же принесе от агнець первенець, и прия богъ дары Авелевы.[65] Сотона же влѣзе в Каина, и пострѣкаше Каина убити Авеля. И рече Каинъ: «Изидевѣ[66] на поле» Авелю, *и послуша его Авель*,[43] *и*[67] яко изыдост*а*,[68] въста Каинъ, и хотяше убити й, и не умяше, како убити й. И рече ему сотона: «Возми камень и удари й». Developer Веземъ камень и уби й. И рече богъ Каину: «Где есть братъ твой?». Онъ же рече: «Еда стражь есмь брату своему?». И рече богъ: «Кровь брата твоего вопьеть ко мнѣ, будеши стеня и тряс*ый*ся[69] до живота своего». Адамъ же и Евга плачющася бѣста, и дьяволъ радовашеся, рька: «Се, его же богъ почти, азъ створил ему отпасти бога, и се нынѣ плачь ему налѣзохъ». И плакастася по Авели лѣт 30, и не съгни тѣло его; и не умяста его погрести. И повелѣньемь божьимь птенца 2 прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе й. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму, и вложиста Авеля, и погребоста *й*[70] съ плачемъ. Бывъ же Адамъ лѣтъ 200 и 30 роди Сифа и 2 *д*щери,[71] и поя едину Каинъ, а другую Сифъ, и от того человѣци расплодишася и умножишася по земли. И не познаша створьшаго я, исполнишася блуда, и всякоя нечистоты, и убийства и зависти,[72] живяху скотьски человѣци. Бѣ Ной единъ праведенъ в родѣ семь. И роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета. И рече богъ: «*Не*[73] имать духъ мой пребывати в человѣцѣхъ», и рече: «Да потреблю, его же створихъ, от человѣка до скота». И рече господь богъ Ноеви: «Створи ковчегъ в долготу локоть 300, а в ширину 80, а възвышие 30 локотъ»: *египти бо*[74] локтемъ сажень зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣт, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, и посмѣхахуся ему. Егда сдѣла ковчегъ, и рече господь Ноеви: «Вълѣзи ты, и жена твоя, и сынове твои, и снохи твои, *и*[70] въведи к собѣ

по двоему от всѣх скотъ, и от всѣх птиць и от всѣх гадъ". И въведе Ной, яже заповѣда ему богъ. Наведе богъ потопъ на землю, потопе всяка плоть, и ковчегъ плаваше на водѣ. Егда же посяче вода, изълѣзе Ной, и сынове его и жена его. От сихъ расплодися земля. И быша человѣци мнози *и*[75] единогласни, и рѣша другъ къ другу; «Съзижемъ столпъ до небесе». Начаша здати, *и бѣ старешина Неврод*,[75] и рече богъ: «Се умножишася человѣци и помысли их суетьни». И сниде богъ, и размѣси языки на 70 и 2 языка. Адамовъ же бысть языкъ не отъятъ[76] у Авера: *той*[77] бо единъ *не*[75] приложися къ безумью их, рекъ сице: «Аще бы человѣкомъ богъ реклъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ богъ словомъ, яко же створи небеса, землю, море, вся видимая и невидимая». Сего ради того языкъ не преме*ни*ся;[78] от сего суть еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ, и кождо своя норовы прияша. По дьяволю *на*учен*ию*[79] ови рощение*мъ*,[80] кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша бога. От Адама же и до потопа лѣт 2242, а от потопа до раздѣленья языкъ лѣт 529. Посемь же дьяволъ в болшее прельщенье вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены; *и*[75] кланяхуся *имъ*,[75] и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху пре*дъ*[81] ними, и бѣ вся земля осквернена. Началникъ бо бяше кумиротворенью Серу*хъ*,[82] творяш*еть*[83] бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волъхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ.[84] Се же Серухъ роди Фар*у*,[85] Фара же роди 3 сыны: Аврама, и Нахора, *и*[75] Арона. Фара же творя*ше*[86] кумиры, навыкъ у отца своего. Аврамъ же, прише*дъ*[87] въ умъ,[88] возрѣ на небо, и видѣ звѣзды и небо, и рече: воистину то*й*[89] есть богъ, иже[90] *со*творилъ[91] *небо и землю, а*[92] отець мой прельщаеть человѣки. И рече Аврамъ: «Искушюб ог*а отца*[93] своего»; и рече: «Отче! Что прельщаеши человѣки, творя кумиры древяны? то*й*[89] есть богъ, иже створи небо и землю». Приимъ Аврамъ огнь, зажьже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же Аронъ, брат Аврамовъ,

Гибель Ярополка: „И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и҆ (Ярополка) два варяга мечьми подъ пазусѣ“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 44.

Смерть варяга-христианина и его сына: „И кликнуша, и посѣкоша сѣни под нима“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 47.

ревнуя по идолѣх, хотѣ[94] вымчати идолы, а самъ съгорѣ ту Аронъ, и умре пред отцемъ. Предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцемь, но отець предъ сыномъ, от сего начаша умирати сынове предъ отц*и*.[95] Возлюби богъ Аврама, и рече богъ Авраму: «Изиди из дому отца своего в землю, в ню же ти покажю, и створю тя въ языкъ великъ, благословять тя колѣна земьная». И створи Аврамъ, якоже заповѣда ему богъ. И поя Аврамъ сыновца своего Лота, — бѣ бо ему Лотъ шюринъ и сыновець, бѣ бо Аврамъ поялъ братьню дщерь[96]Ароню, Сару. И приде в землю Хананѣйску къ дубу высоку, и рече богъ ко Авраму: «Сѣмени твоему дамь землю сию». И поклонися Аврамъ богу. Аврамъ же б*яше*[97] лѣтъ 70 и 5, егда изиде от Хараона. Бѣ же Сара неплоды, болящи неплодскимь. Рече Сара Авраму: «Влѣзи къ рабѣ моей». И поемши Сара Агарь, вдасть ю мужу своему, и влѣ*зе*[98] Аврамъ к Огари. Зачатъ и роди сына Агарь, и прозва *й*[99] Аврамъ Измаиломь; Аврамъ б*ѣ*[VIII,1] лѣт 80 и 6, егда родися Измаилъ. Посем же заченши Сара роди сына, и нарече имя ему Исакъ. И повелѣ богъ Авраму обрѣзати отроча, и обрѣза й въ 8 день. Возлюби богъ Аврама и племя его, и нарече я в люди себе, и отлучи я от языкъ, нарекъ я люди своя. Сему же Исаку възмогъшю, Авраму же живщю, лѣт 100 и 70 и 5, и умре и погребенъ бысть. Исаку же бывшю лѣт 60, и роди 2 сына, Исава и Якова. Исавъ же бысть лукавъ, а Яковъ праведенъ. Се*й*[2] же Яковъ работа у уя своего изо дщери[3] его изъ меньшеѣ лѣтъ 7, и не дасть ему ея Лава*нъ*,[4] уй его, рекъ: «Стар*ей*шюю[5] поими». И вдасть ему Лию, старѣйшюю, а изъ другоѣ реклъ ему: «*Работай*[6] другую 7 лѣт». Онъ же работа другую 7 лѣт изъ Рахили. И поя собѣ 2 сестреници, от нею же роди 8 сыновъ: Рувима, Семевона, Львгию, Июду, Изахара, и Заулона, Иосифа и Веньами*на*,[7] и от робу двою: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от сихъ расплодишася жидове. Ияковъ же сниде въ Еюпетъ, сый лѣт 100 и 30, с родомъ своимъ, числомъ 60 и 5 душь. Поживе же въ Еюптѣ лѣт 17, и успе, и поработиша племя его за 400 лѣт. По сихъ же лѣ*техъ*[8] възмогоша

людье жидовьстии, и умножишася, и насиляху имъ еюптяне работою. В си же времяна родися Моисѣй въ жидѣхъ, *и рѣша волъсви египетьстии царю:* «*Родился есть дѣтищъ въ жидѣхъ,*[9] иже хощеть погубити Ёюпетъ». Ту абье повелѣ царь ражающаяся дѣти жидовьския въметати в рѣку. Мати же Моисѣева, убоявшися сего губленья, вземши младенець, вложи ѝ в карабьицю и несъши постави в лузѣ. В се же время сниде дьщи фараонова Ферьмуфи купатся, видѣ отроча плачюще, взя ѐ, и пощадѣ *ѐ*,[9] и нарече имя ему Моисѣй, и вскорми *ѐ*.[9] Бысть отроча красно, и бысть лѣт 4, и приведе *ѝ*[10] дъщи фараоня ко отцю своему. Видѣвъ же Моисѣя фараонъ, нача любити отроча. Моисий же, хапаяся за шию, сронии вѣнець съ главы царевы, и попра ѝ. Видѣвъ же волъхвъ, и рече цареви: «О царю! Погуби отроча се; аще ли не погубишь, имать погубити всего Еюпта». И не послуша его царь, но паче повелѣ не погубити дѣтий жидовьских. Моисѣеви же възмогъшю, бысть великъ в дому фараони. Бывшю цареви иному, взавидѣша ему боляре. Моисий же, убивъ еюптянина, обидящаго еврѣянина, бѣжа изъ Еюпта, и приде в землю Мадьямьску,[11] и ходя по пустыни и научися от ангела Гаврила о бытьи всего мира, и о первѣмь человѣцѣ, *и*[9] яже суть была по немъ *и*[9] по потопѣ, и о смѣшеньи языкъ,[12] аще кто колико[13] лѣтъ былъ, звѣздное хоженье и число, землену мѣру и всѣку мудрость. Посемь же явися ему богъ в купинѣ огнемь, и рече ему: «Видѣхъ бѣду людий моихъ въ Еюптѣ, и низълѣзохъ[14] изяти ꙗ̀ от руки еюпетьски, извести ꙗ̀ от земля тоя. Ты же *иди к*[15] фараону, царю еюпетьску, и речеши ему: испусти Израиля; да три дни положать требу[16] богу. Аще не послушаеть тебе царь еюпетьский, побью ѝ всѣми чюдесы моими». Пришедшю Моисѣеви, не послуша *его*[9] фараонъ, и попусти богъ 10 казний *на*[9] фараона: 1. рѣки въ кровь; 2. жабы; 3. мышьцѣ; 4. песья мухи;[17] 5. смерть на скотъ; 6. прыщьеве горющи;[18] 7. градъ; 8. прузи; 9. тьма 3[19] дни; 10. моръ в человѣцѣхъ. Сего же ради 10 казний бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць топиша дѣти жидовьски. Егда же бысть моръ в Ёюптѣ,

рече фараонъ Моисѣеви и брату его Арону: «Отъидѣта въскорѣ». Моисий же, събравъ люди жидовьския, поиде от землѣ Еюпетьски. И ведяше я̀ господь путемъ по пустыни къ Черьмному морю, и предъидяше предъ ними нощью столпъ огненъ, а въ день — облаченъ. Слышавъ же фараонъ, яко бѣжать людье, погна по них, и притисну *я̀*[20] к морю. Видѣвъше же людье жидовьстии, воспиша на Моисѣя, ркуще: «Почто изведе ны на смерть?». И въз*о*пи[21] Моисѣй къ богу, и рече господь: «Что вопьеши ко мнѣ? Удари жезломъ в море». Створи Моисѣй тако, и раступися вода надвое, и вънидоша сынове Израилеви в море. Видѣвъ же фараонъ, погна по них, сынове же Израилеви преидоша по суху. Яко излѣзоша на брегъ, и съступися море о фараонѣ и о воихъ его. И возлюби богъ Израиля, и идоша от моря 3 дни по пустыни, и придоша в Меренъ. Бѣ ту вода горка, и возъропташа людье на бога, и показа имъ господь древо, и вложи Моисѣй в воду, и усладишася воды. Посем же паки возропташа на Моисѣя и на Арона, рькуще: «Лу*че*[22] ны бяше въ Еюптѣ, *иде*же[23] ядяхомъ мяса, лукъ и хлѣбы до сыти». И рече господь къ Моисѣеви: «Слышахъ гугнанье сыновъ Израилевъ», и вдасть имъ ман*ну*[24] ясти. Посемь же дасть имъ законъ на горѣ Синайстѣй. Моисѣеви въшедшю на гору къ богу, они же, сольявше телчю главу, поклонишася аки богу, ихъ же Моисий *ис*сѣче 3 тыся*чи*.[25] И посемъ паки возропта*ша*[26] на Моисѣя и Арона, *е*же[27] не бысть воды. И рече господь къ Моисѣеви: «Удари жезломъ в камень», рекъ: «Еда и-сего не испустиве воды?». И разъгнѣвася господь на Моисѣя, яко не възвеличи господа, и не вниде в землю обѣтованую сего ради, роптанья онѣхъ ради, но възведе ѝ на гору Вамьску, и показа ему землю обѣтованую. И умре Моисий ту на горѣ. И прия власть Иисусъ Навгинъ; се *проиде и*[9] приде в землю обѣтованую, и изби Хананѣйско племя, и всели в нихъ мѣсто сыны Израилевы. Умершю же Иисусу, бысть судья в него мѣсто Июда; и инѣхъ судий бысть 14, при *нихъ*[28] же, забывше бога, изъведшаго я̀ изъ Еюпта, начаша служити бѣсомъ. И разъгнѣвася богъ, предаяшеть я̀ иноплe-

меньникомъ на расхищенье. Егда ся на*чин*аху[29] каяти, и помиловашеть их; егда избавяшеть ихъ, паки укланяхуться на бѣсослуженье. По сих же судяше Илий жрець, и *по*[9] семь Самоилъ пророкъ. И рѣша людье Самоилу: «Постави намъ царя». И разъгнѣвася господь на Израиля, и постави над нимъ царя Саула. Таче Саулъ не изволи ходити в законѣ господни, и избра господь Давыда, и постави царя надъ Израилемъ, и угоди Давыдъ богу. Сему Давыду кляся богъ, яко от племене его родитися богу. Первое нача пророчествовати о воплощеньи божьѣ, рекъ: «И-щрева преже деньница родих тя». Се же пророчествова лѣт 40, и умре. И по немъ пророчествова сынъ его Соломанъ, иже возъгради церковь богу, и нарече ю Святая Святыхъ. И бысть мудръ, но наконець поползеся; царьствовавъ лѣт 40 и умре. По Соломанѣ же царствова сынъ его Ровамъ. При семь раздѣлися царство надвое жидовьско: въ Ерусалимѣ едино, а *друго*е[30] в Самарии. В Самарии же царьствова Иеровамъ, холопъ Соломань, иже створи двѣ *коровѣ*[31] златѣ, постави едину въ Вефилѣ на холмѣ, а другую въ Еньданѣ, рекъ: «Се бога твоя, Израилю». И кланяхуся людье, а бога забыша. Таче и въ Ерусалимѣ начаша забывати бога и покланятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй, и забыша бога отець своих. И нача богъ посылати к нимъ пророки. Пророци же начаша обличати я о безаконьи их и служеньи кумиромъ. Они же начаша пророки избивати, обличаеми от них. Разъгнѣвася богъ на Израиля, и рече: «Отрину от себе, призову ины люди, иже мене послушають. Аще согрѣшать, и не помяну безаконья их». И нача посылати пророки, глаголя имъ: «Прорицайте о отверженьи жидовьстѣ и о призваньи странъ».

Первое же нача пророчествовати Осѣй, глаголя: «Преставлю царство дому Израилева... Съкрушю лукъ Израилевъ... И не приложю помиловати паки дому Израилева, но отмѣтая, отвергуся их», глаголеть господь, «*И бу*дуть[32] блудяще въ языцѣх». Иеремѣя же рече: «Аще станеть Самоилъ и Моисѣй... не помилую ихъ». Паки *той*[33] же Иеремия рече: «Тако глаго-

леть господь: Се, кляхся имянемь моимь великомь... аще будеть[34] имя мое имянуемо отселе гдѣ в вустѣхъ июдѣйских». Иезикииля же рече: «Тако глаголеть господь Аданай...:[35] Расъсѣю вы, вся останки ваша во вся вѣтры... Зане святая моя оскверністе всѣми негодованьи твоими; азъ же тя отрину... и не имамъ тя помиловати паки». Малахѣя же рече: «Тако глаголеть господь: *Уже*[36] нѣсть ми хотѣнья у васъ... Понеже от въстока и до запада имя мое прославися въ языцѣх, на всякомь мѣстѣ приноситься кадила имяни моему и жертва чиста, зане велье имя мое въ языцѣхъ». «Сего ради дамъ вас на поносъ и на пришествие во вся языки». Исая же великий рече: «Тако глаголеть господь: Простру руку свою на тя, истлю тя, и расѣю тя, паки не приведу тя». И паки т*ой*[33] же рече: «Возненавидѣх праздники ваша и начатки мѣсяць ваших, суботъ вашихъ не приемлю». Амосъ же пророкъ рече: «Слыши*те*[37] слово господне: Азъ приемлю на вы плачь, домъ Израилевъ падеся, и не приложи въстати». Малахия же рече: «Тако глаголеть господь: Послю на вы клятву, и проклену благословенье ваше... разорю, и не будеть в васъ». И много пророчествоваша о отверженьи их.

Сим же пророкомъ повелѣ богъ пророчествовати о призваньи инѣх странъ въ нихъ мѣсто. Нача звати Исаия, тако глаголя: «Яко законъ от мене изид*еть*,[38] и судъ мой свѣтъ странамъ. Приближается скоро правда моя, изидеть..., и на мышцю мою страны уповають». Иеремия же рече: «Тако глаголеть господь: Положю дому Июдину завѣт новъ... Дая законы в *разумѣния*[39] их, и на сердца ихъ напишю, *и*[9] буду имъ богъ, и ти будуть мнѣ в люди». Исаия же рече: «Ветхая мимо идоша, а новая възвѣщаю, — преже възвѣщанья явлено бысть вамъ. Пойте богу пѣснь нову». «Работающимъ *ми*[40] прозовется имя ново, *е*же[41] благословится по всей земли». «Домъ мой домъ молитвѣ прозовется всѣмъ языкомъ». Т*ой*[42] же Исаия глаголеть: «Открыеть господь мышцю свою святую предо всѣми языки, и узрять вси концы земля спасенье от бога нашего». Давыдъ *же*:[43] «Хвалите господа вси языци, и похвалите его вси людье».

Тако богу возлюбившю новыя люди, рекъ имъ снити к нимъ самъ, явитися человѣкомъ плотью и пострадати за Адамово преступленье. И начаша прорицати о воплощеньи божьи, первое Давыдъ, глаголя: «Рече господь господеви моему: Сяди одесную мене, дондеже положю враги твои подъножью ногама *тв*оима».[44] И паки: «Рече господь ко мнѣ: Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя». Исая же рече: «Ни солъ, ни вѣстникъ, но самъ богъ пришедъ спасет ны». И паки: «Яко дѣтищь родится намъ, ему же бысть начало на рамѣ его, и прозовется *имя его*[45] велика свѣта ангелъ... Велика власть его, и миру его нѣсть конца». И паки: «Се дѣвица въ утробѣ зачнеть, и прозов*уть* имя ему Е*ммануи*лъ».[46] Михѣя же рече: «Ты Вифлевоме, доме Ефрантовъ, *еда не мъногъ* еси[47] быти в тысящахъ Июдовахъ? ис тебе бо изидеть старѣйшина быти въ князехъ во Израили, исходъ его от дний вѣка. Сего ради дасться до времяне ражающая родить, и прочии от братья его обратятся н*а*[48] сыны Израилевы». Иеремия же рече: «*Сь*[43] богъ нашь, и не вмѣнится инъ[49] к нему. Изобрѣте всякъ путь художьства, *и*[40] дасть Иякову отроку своему... По сих же явися на земли, и съ человѣки поживе». И паки: «Человѣкъ есть: кто увѣсть, яко богъ есть? яко человѣкъ умираеть». Захарья же рече: «Не послушаша сына моего, и не услышю их, глаголеть господь». И Осѣй рече:[50] «*Тако глаголеть господь: плоть*[40] моя от них».

Прорекоша же и страсти его, рекуще, яко же рече Исая: «У лютѣ души ихъ! понеже свѣтъ золъ свѣщаша, рькуще: свяжемъ праведника». И паки то*й*[51] же рече: «Тако глаголеть господь... Азъ не супротивлюся, *ни*[52] глаголю противу. Хребетъ мой дахъ на раны, а ланитѣ мои на заушенье, н лица своего не отвратих отъ стыдѣнья заплеван*иа*».[53] Иеремия же рече: «Придѣте, вложимъ древо въ хлѣбъ его, истребимъ от земля животъ его». Мо*исѣй*[54] же рече о распятьи его: «Узрите жизнь вашю висящю предъ очима вашима». *И Давыдъ рече:*[40] «Въскую шаташася языци». Исая же рече: «Яко овца на заколенье веденъ бысть». Ездра же рече: «Благословенъ богъ, руцѣ распростеръ свои, спасъ *Ярусалима*».[40]

И о воскресеньи рекъша, Давыдъ: «Въстани, боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣх странахъ». И паки: «Въста, яко спяй, господь». *И*[40] паки: «Да воскреснеть богъ, и да разидутся врази его». И паки: «Воскресни, господи боже мой, да възнесется рука твоя». Исая же рече: «Сходящ*еи*[55] въ страну и сѣнь смертную, свѣтъ восияеть на вы». Захарья же: «И *ты*[56] въ крови завѣта твоего испустилъ еси *ужники*[57] своя ото рьва, не имуща воды».

Много пророчествоваш*а*[58] о немь, еже сбыстъся все".

Рече же Володимеръ: „То в[10] кое время сбыстъся? И было ли се есть? Еда ли топерво хощ*еть*[59] быти се?". Онъ же отвѣщавъ рече ему, яко „Уже[60] преже сбыстъся все, егда богъ воплотися. Яко же бо преже рекохъ, жидомъ пророки избивающимъ, царемъ ихъ законы преступающимъ, предасть я̀ в расхищенье, и въ плѣнь ведени быша во Осурию, грѣхъ ихъ ради, и работаша тамо лѣт 70. И посемь възратишася в землю свою, и не бѣ у нихъ царя, но архиерѣи обладаху ими до Ирода иноплеменьника, иже облада ими.

В сего же власть, в лѣто 5500, посланъ бысть Гаврилъ в Назарефъ къ дѣвицѣ Марьи, от колѣна Давыдова, рещи ей: «Радуйся, обрадованая, господь с тобою!». И отъ слова сего зачатъ слово божье в вутробѣ, и породи сына, *и*[40] нарече имя ему Иисусъ. И се волъсви придоша от въстока, глаголюще: «Кде есть рожийся царь жидовескъ? Видѣхомъ бо звѣзду его на въстоцѣ, и придохомъ поклонитися ему». Услышавъ же се царь *И*родъ,[61] смят*еся*,[62] и весь Ерусалимъ с нимъ, призвавъ книжники и старци людьския, и въпраша их: «Кде Христосъ ражается?». Они же рѣша ему: «Въ Вифлевомѣ жидовьстѣмь». Иродъ же, се слышавъ, посла, рекъ: «Избийте младенца сущая 2 лѣт». Они же, шедше, избиша младенца. Марья же, убоявшися, съкры отроча. Иосифъ же съ Марьею, поимъ отроча, бѣжа въ Еюпетъ, и бысть *ту*[63] до умертвия Иродова. Въ Еюпте же явися ангелъ Иосифу, глаголя: «Въставъ пойми отроча и матерь его, иди в землю Израилеву». Пришедъшю же ему, вселися в Назарефъ. Възрастъшю же ему и бывшю лѣт 30,

нача чюдеса творити и проповѣдати царство небесное. И избра 12, яже ученикы[64] собѣ нарече, и нача чюдеса велика творити, мертвыя въскрешати, прокаженыя очищати, хромыя ходити, слѣпымъ прозрѣнье творити, и ина многа чюдеса велья, яко же быша пророци прорекли о нѣмь, глаголюще: «То недуги наша ицѣли, и болѣзни подъя». И крестися[65] въ Ерданѣ от Иоана, показа новымъ людемъ обновленье. Крестившю же ся ему, и се отверзошася небеса, и духъ сходящь зракомъ голубинымъ на нь, и гласъ глаголя: «Се есть сынъ мой възлюбленый, о нем же благоизволих». *И*[40] посылаше[66] ученики своя проповѣдати царство небесное, покаянье в оставленье грѣховъ. Хотя исполнити пророчество, и нача проповѣдати, яко подобаеть сыну человѣчьскому пострадати, распяту быти и въ третий день воскреснути. Учащю же ему в церкви, архиерѣи и[67] книжници исполнишася зависти, искаху убити й, и имъше й, ведоша къ гѣмону Пилату. Пилатъ же, испытавъ, яко без вины приведоша й, хотѣ испустити й. Они же рѣша ему: «Аще сего пустиши, не имаши быти другъ кесареви».[68] Пилатъ же повелѣ, да и распнуть. Они же, поимше Иисуса, ведоша на мѣсто краньево, *и*[69] распяша й ту. Бысть тьма по всей земли от 6-го часа до 9-го, и при девятом часѣ испусти духъ Иисусъ. Церковная запона раздрася надвое, мертвии всташа мнози, имъ же повелѣ в рай ити. Сънемше й со креста, положиша й въ гробѣ, и печатьми запечатьлѣша гробъ люди жидовьстии, стражи поставиша, рькуще: «Еда украдуть й ученици его». Онъ же въ 3-й день воскресе. Явися ученикомъ воскресъ из мертвыхъ, рекъ имъ: «Идѣте во вся *языкы,*[70] и научите вся страны кре*стяще*[71] во имя отца и сына и святаго духа». Пребысть с ними 40 дний, являяся имъ по воскресеньи. Егда исполнися 40 дний, повелѣ имъ ити в гору Елевоньскую. И ту явися имъ, благословивъ я, и рече имъ: «Сядѣте въ градѣ Ерусалимѣ, дондеже послю обѣтованье отца моего». И се рекъ, възношашеся на небо. Они же поклонишася ему. *И*[69] възвратишася въ Ерусалимъ, и бяху воину в церкви. Егда кончашася дн*и*е[72] 5-десятьнии, сниде духъ святый на апостолы. Приимше

обѣтованье святаго духа, и разидошася по вселенѣй, учаще и крестяще водою".

Рече же Володимеръ: „Что ради от жены родися, и на древѣ распятся, и водою крестися?". Онъ же рече ему: „Сего ради, понеже испєрва родъ человѣческий женою съгрѣши, дьяволъ прельсти Евгою Адама, и отпаде рая; тако же и богъ, отместье дая дьяволу, женою перво*е*[73] побѣженье бысть дьяволу, женою бо первое испаде Адамъ ис рая; от жены же воплотився богъ повелѣ в рай внити вѣрнымъ. А еже на древѣ распяту быти, сего ради, яко от древа вкушь и испаде породы; богъ же на древѣ страсть прия, да древомь дьяволъ побѣженъ будеть, и от древа животьнаго приимуть праведнии. А еже водою обновленье, понеже при Нои умножившемъся грѣхомъ в человѣцѣхъ, наведе богъ потопъ на землю, и потопи человѣки водою, сего ради рече богъ: понеже погубих *водою*[74] человѣки грѣхъ ихъ ради, ныне же паки водою очищю грѣхи человѣкомъ, обновленьемь водою; ибо жидовьский род в мори очистишася от еюпетьскаго злаго нрава, понеже вода изначала бысть первое; рече бо: духъ божий ношашеся верху воды; еже бо и нынѣ крестяться водою и духомь. Преображен*ие*[75] бысть первое водою, яко же Гедивонъ преобрази посемь. Егда приде к нему ангелъ, веля ему ити на мадимьянъ, он же искушая рече къ богу, *по*ложю[76] руно на гумнѣ, рекъ: аще будеть по всей земли роса, а на рунѣ суша..., и бысть тако. Се же преобрази, яко иностраньни бѣша преже суша, а жидове руно, послѣже на странахъ роса, еже есть[77] святое крещенье, а на жидѣх суша. И пророци проповѣдаша, яко водою обновлен*ье*[78] будеть.

Апостоломъ же учащемъ по вселенѣй вѣровати богу, их же ученье *мы,*[79] грьци, п*рия*хомъ,[80] вселеная вѣру*е*ть[81] ученью их. Поставилъ же есть богъ единъ день, в не же хощеть судити, пришедъ с небесе, живымъ и мертвымъ, и въздати комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченьну, веселье бес конца, и не умирати въ вѣки; грѣшникомъ мука огнена, и червь неусыпаяй, и муцѣ не будеть конца. Сица же будуть мученья, иже не вѣруеть къ богу нашему

Иисусу Христу: мучими будуть в огни, иже ся не крестить". И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предъидуща въ рай, а о шююю грѣшники идуща в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: „Добро симъ о десную, горе же симъ о шююю". Онъ же рече: „Аще хощеши о десную съ праведными стати то крестися". Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: „Пожду и еще мало", хотя испытати о всѣх вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многи вдавъ, отпусти и с честью великою.

987 Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: „Се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: приими законъ нашь. Посемь же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послѣже придоша грьци, хуля*ще*[82] вси законы, свой же хваля*ще*,[83] и много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати их, и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, *въ*станеть,[84] и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?". И рѣша бояре и старци: „Вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо их службу, и *кто*[69] како служить богу". И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру[85] ихъ". Он*и*[86] же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: „Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ греки". Они же придоша в нѣмци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывь, и честь велику створи имъ въ *той*[87] же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице:

„Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и самъ причинися в святительския ризы, да видять славу бога нашего". Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати[88] крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я̀ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье бога своего. Они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я̀[89] царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: „Идѣте в землю вашю", и отпустиша я̀ с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: „Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее", и рече: „Скажите пред дружиною". Они же рѣша яко „Ходихом въ болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в нихъ, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ[90] законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохо*мъ*[91] же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и не доумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ богъ с человѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человѣкъ, аще *в*кусить[92] сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не има*мъ*[93] сде быти". Отвещавше же боляре реко*ша:*[94] „Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣкъ". Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: „*Гдѣ*[95] крещенье приимемъ?". Они же рекоша: „Гдѣ ти любо". И минувшю лѣту,

в лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, град гречь- *988*
ский, и затворишася корсуняне въ градѣ. И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени, дали града ст*р*ѣлище[96] едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ.

Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: „Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта“. Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди во*а* сво*а*,[97] и повелѣ *приспу сыпати*[98] къ граду. Симъ же *спущимъ*,[99] корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И *се*[IX,1] мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: „Кладязи, яже суть за тобою от въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими“. Володимеръ же, се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „Аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю“. И ту абье повелѣ копати преки трубамъ, и прояша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ ко цар*ема*,[2] Василью и Костянтину, глаголя сице: „Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих“. И слыша*вша*[3] царя, быста печальна, *и*[1] въздаста вѣсть, сице глаголюща: „Не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти.[4] Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестр*ы*[5] своее за тя“. Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ от царю: „Глаголите царема тако: Яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми люб*а*[6] вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи“. И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: „Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ“. Рече же Володимеръ: „Да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя“. И послушаста царя *и*[1] посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: „Яко в полонъ, — рече, — иду, луч*е*[7] бы ми сде умрети“. И рѣста ей брат*а*:[8] „Еда како обратить богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще не идеши, то же имутъ ство-

рити намъ". И одва ю̀ принудиша. Она же, сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю̀ въ градъ, и посадиша ю̀ въ полатѣ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, *и*[1] тужаше велми, *и не домышляшеться, что створити.*[1] И посла к нему царица, рекущ*и:*[9] „Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга[1] сего". Си слышавъ Володимеръ, рече: „Да аще истина будеть, то поистинѣ великъ богъ будеть хрестеянескъ". И повелѣ хрестити ся. Епископъ же корсуньский с попы царицины, огласивъ, крести Володим*и*ра. Яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави бога, рекъ: „Топерво уве*д*ѣхъ[10] бога истиньнаго". Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на брачѐнье. Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, *инии*[11] же рѣша: *в*[1] Василе*ве*;[12] друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: „Да не прельстять тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

«Вѣрую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли», до конца вѣру сию. И паки: «Вѣрую въ единого бога отца нерожена, и въ единого сына рожена, въ единъ святый духъ исходящ*ь:*[13] три собьства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ и собьствьнымь собьствомь,[14] а не божествомъ,[15] *раздѣляеть бо ся не* раздѣлно,[16] и совокупляется неразмѣсно. Отець, богъ отець, присно сый пребываеть во отчьствѣ нероженъ, безначаленъ, начало и вина всѣмъ, единѣмъ нероженьемъ[17] старѣй сый сыну и духови; от него же рожается сынъ преже всѣх вѣкъ, исходить же духъ святый безъ времене и бес тѣла; вкупѣ отець, вкупѣ сынъ, вкупѣ духъ святый есть. Сынъ подо-

бесущенъ [18] отцю, роженьемь точью разньствуя отцю и духу. Духъ есть пресвятый, отцю и сыну подобно*сущенъ* и *со*присно-сущ*енъ*.[19] Отцю бо отецьство, сыну же сыновьство, святому [20] же духу исхоженье. *Ни* [21] отець бо въ сынъ ли въ духъ престу-па*еть*,[22] ни сынъ во отца и в духа, *ни духъ* [23] въ сынъ ли во отець; неподвижена бо свойствия... Не трее бози, единъ богъ, по*неже* [24] едино божество въ трехъ лицах. Хотѣньемь же отца и духа, свою спасти тварь, отческихъ ядръ, ихъ же не *от*ступи,[25] съшедъ и въ *дѣвичьское* [26] ложе пречистое, аки божье сѣмя, вшедъ, плоть съдушну, словесну же и умну, не преже бывшю, приимъ, изиде богъ воплощенъ, родися неизречьнѣ и дѣвство мати схрани нетлѣньно, не смятенье, ни размѣшенье, ни измѣненья пострадавъ, но *пребывъ* [27] еже бѣ, бысть, еже не бѣ, приимъ рабий зракъ истиною, а не мечтаньемь, всячьски, развѣ грѣха, намъ подоб*енъ* [28] бывъ... Волею бо родися, волею взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истиною, а не мечтаньемь; вся ест*ьст*вен*а*,[29] неоклеве-таны страст*и* [30] человѣчьства. Распять же ся, смерти вкуси безъгрѣшный, въскресъ въ своей плоти, не видѣвши истлѣнья на небеса взиде, и сѣде о десную отца, придеть же паки съ сла-вою судити живымъ и мертвымъ; якоже взиде съ сво*ею* [31] и плотью, тако сниде*ть*...[32] К симъ едино крещенье исповѣ-даю водою и духомь, приступаю къ пречистымъ таинамъ, вѣрую во истину тѣло и кровь... приемлю церковная преданья, и кла-няюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному, и всякому кресту, святымъ мощемъ, и святымъ *съ*судомъ.[33] Вѣру*ю* [34] же и се*дму* [35] сборъ святыхъ отець, иже есть первый въ Никии 300 и 18, иже прокляша Арья, *и* [1] проповѣдаша вѣру непорочну и праву. Вторый сборъ в Костянтинѣградѣ святыхъ отець 100 и 50, иже прокля*ша* [36] Макидонья духоборьца *и* [1] проповѣдаша троицю единосущну. Третий же сборъ въ Ефесѣ святыхъ отець 200 на Несторья, его же прокленше,[37] проповѣдаша святую богородицю. Четвертый сборъ въ Халкидонѣ святыхъ отець 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, ею же прокляша святии отци, исъгласивше *свершена бога и* [1] свершена человѣка *господа* [1]

нашего Иисуса Христа. 5-й сборъ во Царѣградѣ святыхъ отець 100 и 60 и 5 на *О*ри*г*енова[38] преданья и на Евагрия, их же прокляша святи отци. 6-й сборъ во Цариградѣ святыхъ отець 100 и 70 на Сергия и Кура, ихъ же прокляша святии отци. 7-й сборъ в Никии святыхъ отець 300 и 50, прокляша, иже ся не поклонять иконамъ».

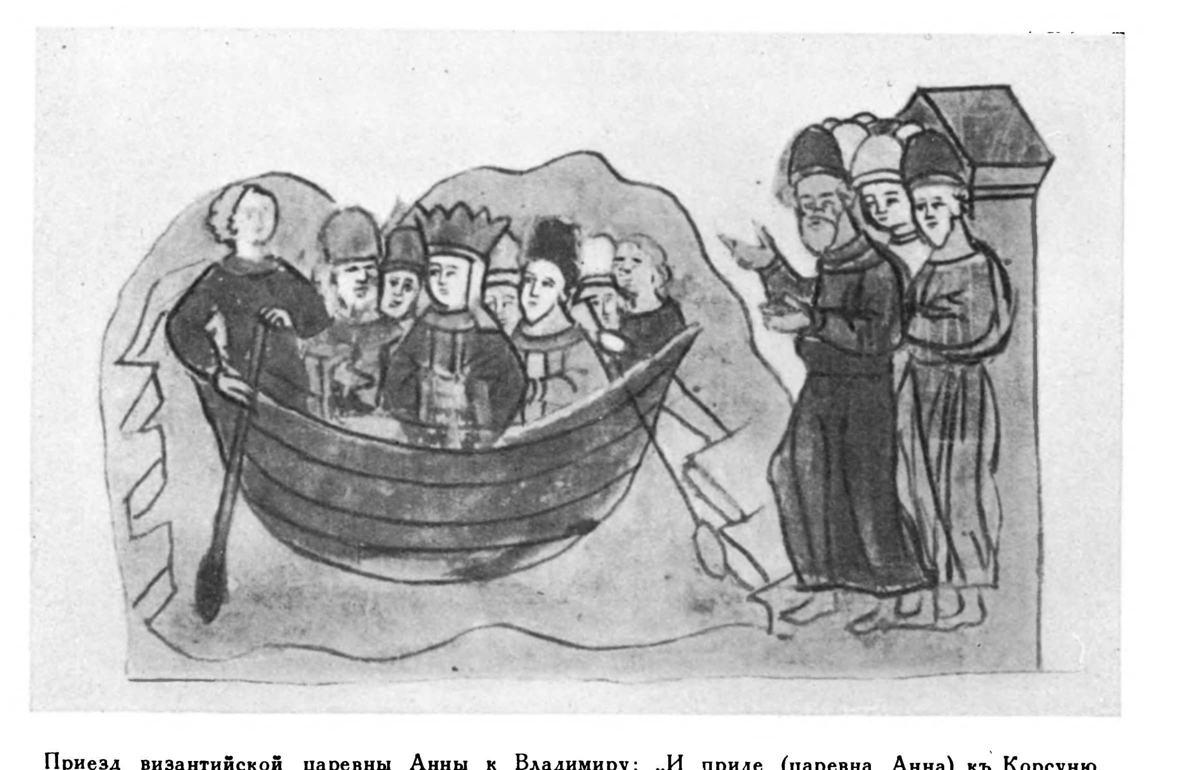
Не преимай же ученья от латынъ, ихъ же ученье разъвращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и, поклонився, напишеть[39] крестъ на земли и цѣлуеть, въставъ простъ, станеть на немь нагами; да легъ цѣлуеть, а вставъ попираеть. Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ, первое напсавъ, посла в Римъ. «Яко же глаголеть Василий: икона *на*[40] первый образъ приходить». Паки же и землю глаголють матери*ю*.[41] Да аще имъ есть земля мати, то отець имъ есть небо, искони бо створи богъ небо, таже землю. Тако глаголють: Отче нашь, иже еси на небеси. Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою? Да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣх сборѣхъ, сходящеся от Рима и от всѣх престолъ. На первомь бо сборѣ, *иже*[42] на Арья в Никѣи, от Рима Силевестръ посла епископы и презвутеры, от Олексаньдрѣя Офонасий, от Царягорода Митрофанъ посла епископы от себе; тако исправляху вѣру. На второмь же зборѣ от Рима Да*м*а*с*ъ,[43] а от Олексаньдрия Тимофѣй, от Анти*о*хия[44] Мелетий, Курилъ Ярусалимский, Григорий Богословець. На третьем же сборѣ Келестинъ[45] Римьский, Курилъ Олександрьский, Увеналий Ерусалимский. На четвертомь же сборѣ Левонтий Р*и*мьскый,[46] Анаталий Царягорода, Увеналий Ерусалимский. На пятомь сборѣ Римьский В*и*лиги*й*,[47] Евтухи*й*[48] Царягорода, Аполинарий Олександрьский, Домнинъ Анти*о*х*ий*скы*й*.[49] На 6-мь сборѣ от Рима Агафонъ, Г*е*оргий[50] Царягорода, Ф*е*офанъ[51] Антиох*ий*скы*й*,[52] от *А*лександ*ри*а[53] Петръ мнихъ. На 7-мь сборѣ Оньдреянъ от Рима, Тарасий Царяграда, Политианъ Олексаньдрьский, Федоритъ Антио-

*хий*скый,[54] Илья Ерусалимский. И си вси *со*[55] своими епископы сходящеся *ис*правляху[56] *вѣру*.[40] По семь же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедъ в Римъ и престолъ въсхвативъ, и разъврати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олександрьскаго, *и*[55] Царяграда и Онтиахийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разно. Ови бо попове одиною женою оже*ни*въся[57] служать, а друзии до 7-ми женъ поимаю*че*[58] служать, их же блюстися ученья. Пращають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранить тя от сего".

Володимеръ же посемъ поемъ цар*ицю*,[59] и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя *и*[40] иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в Корсу*ни*[60] на горѣ, *идѣ* же[61] съсыпаша средѣ града, кр*ад*уще,[62] приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя *же*[63] ида[64] мѣ*дя*нѣ[65] двѣ капищи, и 4 *кони*[66] мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь[67] опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровращи, овы *исѣщи*,[68] а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту[69] и, влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа[70] пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образом человѣкы, да възмездье прииметь от человѣкъ. *„Велий еси, господи, чюдна дѣла твоя!"*. *Вчера чтимь от человѣкъ*,[71] а *днесь*[55] поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „Аще кде пристанеть, вы[72] отрѣвайте его от берега; дондеже порогы проидеть, то тогда охабитеся его". Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣ*нь*,[73] и оттолѣ прослу Перу*ня*[74] Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: „Аще не обрящеться кто *заутра на*[55] рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть". Се слышавше людье,

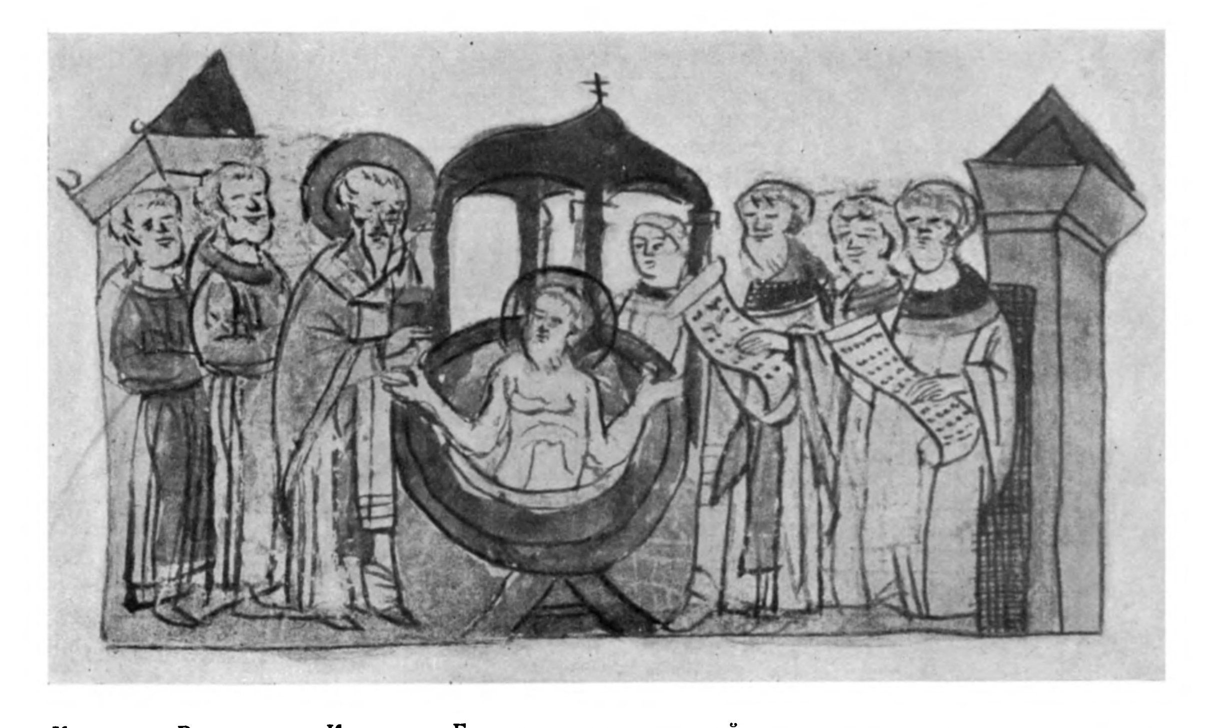
Послы евреев у Владимира.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 49.



Приезд византийской царевны Анны к Владимиру: „И приде (царевна Анна) къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 62.



Крещение Владимира в Корсуне: „Епископъ же корсуньский с попы царицины, огласивъ, крести Володимира“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 62 об.

Построение Белгорода: „Володимиръ заложи градъ Бѣлъгородъ, и наруби въ нь от инѣхъ городовъ, и много людий сведе во нь“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 67 об.

с радостью идяху, радующеся и глаголюще: „Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли“.[75] Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же *по перси*[55] от берега, друзии же млад*енци*[76] держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си в*идѣ*ти[77] радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: „Увы[78] мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ“. Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо *рече*.[55] „Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии, иде же творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и *люди*[79] на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочит*ые*[80] чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакаху*ся*[81] по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся.

Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: „Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых“. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю и по милости своей помилова богъ, яко же рече[55] пророкъ: „Помилу*ю*,[82] его же аще хощю“.[83] Помилова бо ны „Пакы

банею бытья и обновленьем духа“, по изволенью божью, а не по нашим дѣлом. Благословенъ господь Иисус Христос, иже възлюби новыя люди, Русьскую землю, *и*[84] просвѣти ю крещеньем святымь. Тѣмь же и мы припадаем к нему, глаголюще: „Господи Иисусе Христе! Что ти въздамы о всѣх, яже въздас*и*[85] нам, грѣшником намъ сущемъ? Недоумѣем противу даромъ твоим въздаянья въздати. «Велий бо еси и чюдна дѣла твоя, величью твоему нѣсть конца. В родъ и родъ въсхвалить дѣла твоя». Реку же съ Давыдомь: «Придѣте, възрадуемъся господеви, въскликнѣмъ богу и спасу нашему. Варимъ лице его въ испо-вѣданьем*ь*»;[86] «Исповѣдающеся ему, яко благъ,[87] яко в вѣкы милость его», яко «избавил ны есть от врагъ наших», рекъше от идолъ суетных. И пакы рцѣмъ съ Давыдомь: «Въспойте господеви пѣснь нову, воспойте господеви вся земля. Воспойте господеви, благословите имя его. Благовестите[88] день от дне спасени*е*[89] его. Възвѣстите во языцѣх славу его, въ всѣхъ *людехъ*[90] чюдеса его, яко велий господь и хваленъ зѣло», «И величью его нѣсть конца». Колика ти радость! не единъ ни два спасаетася. Рече бо господь: «Яко радость бываеть на небеси о единомь грѣшницѣ кающемься». Се же не единъ, ни два, но бещисленое множьство к богу приступиша, святымь крещеньемь просвѣщени. Якоже и пророкъ рече: «Въскроплю на вы воду чисту, и очиститеся и от идолъ вашихъ и от грѣхъ ваших». Пакы другий пророкъ рече: «Кто яко богъ отъемьля грѣхы и преступая неправды? Яко хотяй милостивъ есть. То*й*[91] обратить и ущедрит ны, и погрузить грѣхы наша въ глубинѣ». Ибо *апостолъ*[84] Павелъ глаголеть: «Братья! елико насъ крестися въ Иисус Христа, въ смерт*ь*[92] его крестихомъся; и погребохомся убо с нимь крещеньемь въ смерть; да якоже въста Христосъ от мертвых съ славою отчею, якоже и мы въ обновленьи житья поидемъ». И пакы: «Ветхая мимоидоша, и се быша новая». «Нынѣ приближися нам спасенье... нощь успѣ, а день приближися». «Им же приведенье обрѣтохом вѣрою въ благодать сию, им же хвалимъся и стоимъ». «Нынѣ же свободи*вшеся*[93] от грѣха, поработившеся господеви, имате плодъ вашь

въ священье». Тѣм же должни есмы работати господеви, радующеся ему. Рече бо Давыдъ: «Работайте господеви съ страхом, и радуйтеся ему с трепетом». Мы же възопьемъ к господу богу нашему, глаголюще: «Благословенъ господь, иже не дасть нас в ловитву зубомъ ихъ!.. Сѣть скрушися, и мы избавлени быхом» от прельсти дьяволя. «И погибе память его с шюмом, и господь в вѣкы пребываеть», хвалимъ от руськых сыновъ, пѣваем въ троици, а дѣмони проклинаеми от благовѣрных мужь и от вѣрных женъ, иже прияли суть крещенье и покаянье въ отпущенье грѣховъ, новии людье хрестьяньстии, избрании богомь".

Володимеръ же[94] просвѣщенъ *самъ*,[95] и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мсти*сла*ва[96] Тмуторокани. И рече Володимеръ: „Се не добро, еже малъ городъ около Киева". И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубе*же*ви,[97] и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одолая имъ.

Въ лѣто 6497.[98] Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянстѣ, помысли создати церковь пресвятыя богородица, *989*
и[84] пославъ приведе[99] мастеры от Грекъ. И наченшю же здати, и яко скончa зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корс*ун*янину,[х, 1] и попы корсуньскыя пристави[2] служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты.

Въ лѣто 6499.[3] Володимеръ заложи градъ Бѣлгородъ, и наруби въ нь[4] от инѣхъ городовъ, и много людий сведе во нь; бѣ бо любя градъ сь. *991*

992 Въ лѣто 6500. Иде *Володимиръ*[5] на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете *я̀*[6] на Трубе*жи*[7] *на*[8] бродѣ, где нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: „Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта“. И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, *и*[5] посла биричи по товаромъ, глаголя: „Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?“. И не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, *а* у[9] наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: „Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми й сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама“. Князь же се слышавъ радъ бысть, *и*[5] посла по нь, и приведоша й ко князю, и князь повѣда ему вся. Се*й*[10] же рече: „Княже! Не вѣдѣ, могу ли *со нь*,[11] и да искусите[12] мя: нѣту ли быка[13] велика и силна?“. И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: „Можеши ся с ни*мъ*[14] бороти“. И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: „Нѣ ли мужа? Се нашь доспѣлъ“. Володимеръ же повелѣ той нощи *облещися*[15] въ оруж*ие*,[16] и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ й печенѣзинъ и посмѣяся, — бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я̀ к собѣ. И ястася, *и*[5] почаста ся крѣп*ко*[17] держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них

сѣкуще, и прогнаша я̀. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бро*д*ѣ[18] томь, и нарече ѝ Переяславль, зане перея славу отроко тъ. Володимеръ же великимь мужемь створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

В лѣто 6502. *994*

В лѣто 6503. *995*

Въ лѣто 6504. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ *996*
в ню и помолися богу, глаголя: „Господи боже! «Призри с небесе, и вижь. И посѣти винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя», новыя люди си, им же обратилъ еси сердце в разум, познати тебе, бога истинного. И призри на церковь твою си, юже создах, недостойный рабъ твой, въ имя рожьшая тя матере приснодѣвыя богородица. Аже кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя богородица“. И помолившюся ему, рекъ сице: „Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть“. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „Аще кто сего посудить, да будеть проклятъ“. И вдасть десятину Настасу Корсунянину. И створи праздникъ великъ въ тъ день бояромъ и старцемъ *град*ским*,[19] и убогим раздая имѣнье много.

По сих же придоша печенѣзи к Василеву, *и Володимиръ с малою дружиною изыде противу.*[5] И съступившимся, и не мог стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостом, одва укрыся противных. И тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье господне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздник великъ, варя 300 проваръ меду. И съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣм градомъ, и люди многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ. Праздноваvъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя богородица, и ту пакы сотвор*яше*[20] праздник великъ, сзывая бещисленое множество народа. Видя же люд*и*[21] хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣлом. И тако по вся

лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою, еуангелье чтомо: „Блажени милостивии, яко ти помиловани будуть“;[22] и пакы: „Продайте имѣнья ваша и дадите нищим“; и пакы: „Не скрывайте собѣ скровищь на земли, идеже тля тлить и татье подъкоповають, но скрывайте собѣ скровище на небесѣх, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть“; и Давыда глаголюща: „Блаженъ мужь милуя и дая“; Соломона же слыша глаголюща: „Вдаяй нищему, богу в заимъ даеть“. Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу,[23] питье и яденье, и от скотьниць кунами. Устрои же и се, рек яко „Немощнии и болнии не могуть долѣсти двора моего“, повелѣ пристроити кола, *и*[5] въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличный, медъ въ бчелках, а въ другых квасъ, возити по городу, въпрашающим: „Кде болнии и нищь, не могы ходити?“. Тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити болярom, и гридем, и съцьскымъ, и десяцьскым, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя. Бываше множство от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „Зло есть нашим головамъ: да чамъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными“. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице, яко „Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра“. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и *о*[5] уставѣ земленѣм, и бѣ живя[24] съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномъ Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь. И бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ в страсѣ божьи. И умножишася *зело*[5] разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“. Он же рече имъ: „Боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „Ты поставленъ еси от бога на казнь злымъ, а добрымъ на мило-

ванье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ". Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: „Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди". И рече Володимеръ: *„Тако буди". И живяше Володимеръ*[5] по устроенью отьню и дѣдню.

В лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани, в се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, *и*[5] придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: „Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да луче ли ны померети? Въдадимся[25] печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада". И тако совѣтъ[26] створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпраша*ше*:[27] „Что ради вѣче было?". И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: „Слышахъ, яко хочете ся передати печенѣгом". *Они же рѣша:* „Не стерпять людье глада". И рече имъ: „Послушайте мене[5] не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите". Они же, ради обѣщашася послушати. И рече имъ: „Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ". Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, в немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и встави*ти*[28] тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду. Они же шедше, взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши. И повелѣ росытити велми и въльяти в кадь в друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: „Поимѣте к собѣ таль нашь, а вы поидѣте до 10 мужь в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем". Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у них тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи ***в родехъ***[29] и

послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: „Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима". И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: „Не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами". Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты от колодязя, *и*[5] вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи печенѣзьстии, и подивишася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша.

998 В лѣто 6506.

999 В лѣто 6507.

1000 В лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь. В се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля.

1001 В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отець Брячиславль, сынъ Володимерь.

1002 В лѣто 6510.

1003 В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь.

1004 В лѣто 6512.

1005 В лѣто 6513.

1006 В лѣто 6514.

1007 В лѣто 6515. Пренесени святии в святую Богородицю.

1008 В лѣто 6516.

1009 В лѣто 6517.

1010 В лето 6518.

1011 В лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

1012 В лѣто 6520.

1013 В лѣто 6521.

1014 В лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ[30] от года до года, а ты-

сячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху. *И*[31] тако даяху *вси*[32] посадници новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше *к Кыеву*[32] отцю своему. И рече Володимеръ: „Требите путь и мостите мостъ", — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

В лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего; но богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, в се же время бяше у него Борисъ. Печенѣгом иду щемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася мѣсяца нуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмь, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю *двема*[32] клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше в коверъ й, ужи съвѣсиша на землю; възложьше й на сани, везъше поставиша й въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, бе-щисла снидошася и плакашася по немь, боляре аки[33] заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша й в корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемь, блаженаго князя. 1015

Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и сь створи подобно ему. Аще бо преже [н]а скверньную похоть желая, но послѣ же прилежа к покаянью, яко же апостолъ вѣщеваеть: „Идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать". Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша. Да аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили богу за нь, в день преставленья его, и видя бы богъ тщанье наше к нему, прославилъ бы й: намъ бо достоить за нь бога молити, понеже тѣмь бога познахом. Но дажь ти господь по сердцю твоему, и вся прощенья твоя исполни, его же желаше царства небеснаго. Дажь ти господь вѣнець с праведными, в пищи райстѣй веселье и ликъствованье съ Аврамомь и с прочими патриархы, яко же

Соломонъ рече: „Умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье“.

Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють бога въ молитвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще господеви, новии людье, просвѣщени святымь духомь, чающе надежи великаго бога[32] и спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неиздреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ.

О убьеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ бѣша с Борисомь. Борису[35] же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде к нему: „Отець ти умерлъ“.[36] И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: „Се дружина у тобе отьня и вои. Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни“. Он же рече: „Не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго: аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто“. И се слышавше вои, разидошася от него. Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же, исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголаше, яко „С тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамь ти“; а льстя под нимъ, како бы и̓ погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: „Прияете ли ми всѣмъ сердцемь?“. Рече же Путьша с вышегородьци: „Можемъ главы своя сложити за тя“. Онъ же рече имъ: „Не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса“. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломо*нъ*[37] рече: „Скори суть пролити кровь ... бес правды. Ти бо обьщаются[38] крови, сбирають собѣ злая. Сихъ путье суть скончавающих безаконье, нечестьемь бо свою душю емлють“. Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню: бѣ бо́ ему вѣсть уже, яко хотять погубити и̓. И вставъ нача пѣти, глаголя: „Гос-

поди! Что ся умножиша стужающии мнѣ. Мнози въстають на мя“; и пакы: „Яко стрѣлы твоя уньзоша во мнѣ, яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть“; и пакы глаголаше: „Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живый, яко погна врагъ душю мою“. И кончавъ ексапсалма,[39] увидѣвъ, яко послани суть губитъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя, яко „Обидоша мя унци тучни... И соборъ[40] злобивыхъ осѣде мя; Господи, боже мой, на тя уповах, и спаси мя, и от всѣхъ гонящих мя[32] избави мя“. Посемь же нача канунъ пѣти; таче, кончавъ заутреню, помолися, глаголя, зря на икону, на образъ владычень, глаголя сице: „Господи Иисусе Христе! Иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради наших, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противныхъ приимаю, но от брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха“. И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своем. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и̓ копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь. Бѣ бо *сей*[41] любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ угърескъ, именемь Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимь. Избиша[42] же и ины отрокы Борисовы многы. Георг*и*еви[43] же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша *гривну, а главу отвергоша прочь*;[32] тѣм же[44] послѣ же не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша и̓, и еще дышющю ему. Увѣдѣвъ[45] же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два варяга прикончатъ его. Онѣма же прищедшема *и видѣвшема*,[46] яко и еще живъ есть, единъ ею̀ извлекъ мечь, проньзе и̓ къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ, вѣнець при*и*мъ[47] от Христа бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с лики мученичьскыми водваряяся, Авраму на лонѣ почивая, видя

неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся *с лики*[48] святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьнии же си убийцѣ придоша къ Святополку, ак*и* *хвалу*[49] имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступником: Путьша, и Талецъ, Еловить, Ляшько, отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають, бѣси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. Ангел*и*[50] бо человѣку зла не творять,[51] но благое *мыслять*[52] ему всегда, паче же хрестьяномъ помагають и заступають от супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка богомь почтена,[53] и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо бога боятся, а золъ человѣкъ ни бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: „Се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?". И при*и*мъ[54] помыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: „Поиди вборзѣ, отець тя зоветь, не сдравить бо велми". Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь в рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску, и поиде от Смоленьска, яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ в насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: „Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ от Святополка". Се слышавъ, Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: „Увы мнѣ, господи! Луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское, умерлъ бых с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья. Да аще еси получилъ дерзновенье

у бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ. Луче *бы*[55] ми было с тобою *умрети*,[56] неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмь *жити*".[57] И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу. И ту абье послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша. Оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно. Принесеся на жертву богови, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнець, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. „Се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ!". Оканьнии же възвратишася въспять, яко же рече Давыдъ: „Да възвратятся грѣшници въ адъ". Онѣм же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку, яко „Створихом повелѣная тобою". Онъ же, се слышавъ, възнесеся сердце его болма, не вѣдый Давыда глаголюща: „Что ся хвалиши о злобѣ, силныи? безаконье весь день ... умысли языкъ твой".

Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша ѝ, и положиша ѝ у брата своего Бориса у церкве святаго Василья.

„И съвкуплена *тѣлома*,[58] паче же душама, у въладыкы всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣй, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа ицѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящим странным с вѣрою даета ицѣленье: хромым ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящим цѣлбы, окованым разрѣшенье, темницам отверзенье, печалным *утѣху*,[59] напастным избавленье. И еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и моляшася воину къ владыцѣ о своихъ людех. Тѣм же и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца христова, молящеся прилѣжно к нима, рекуще: Радуйтася, страстотерпца Христова, *заступника*[57] Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящим к *вама*[60] вѣрою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, единомысленая служителя,

верста единообразна, святымъ единодушьна; тѣмь стражющимъ всѣм ицѣленье подаета. Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита от кладязя воды живоносныя ицѣленья, истѣкають вѣрным людемъ на ицѣленье. Радуйтася, лукаваго змия поправша, *луча*[57] свѣтозарна явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклоньною. Радуйтася, недрѣманьное око стяжавша, душа на свершенье божь*ихъ*[61] святыхъ запов*едей*[62] приимш*а*[63] в сердци своемь, блаженая. Радуйтася, брата, вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, в славѣ неувядающей, ея же по достоянью сподобистася. Радуйтася, божьими свѣтлостьми явѣ облистаем*а*,[64] всего мира обиходита, бѣсы отгоняща, недуги ицѣляюща, свѣтилника предобрая, заступника теплая, суща съ богомь, божественами лучами ражизаема воину, добляя страстьника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людем. Възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы небесная; тѣмь красных всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмь житьи, славу, и райскую пищю, и свѣтъ разумный, красныя радости. Радуйтася, яко вся напаяюща сердца, горести и болѣзни отгоняща, страсти злыя ицѣляюща, каплями кровными, святыми очервивша багряницю, славная, ту же красно носяща съ Христомь царствуета всегда, моляшася за новыя люди хрестьяньскыя и сродникы своя. Земля бо *Руска*[57] благословися ваю кровью, и мощьми лежаща *въ церкви*[57] духомь божествен*ѣ*[65] просвѣщаета, в ней же съ мученцкы яко мученика за люди своя молитася. Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра въсходящии. Но христолюбивая страстотерпця и заступника наша! покорита поганыя подъ нозѣ княземъ нашим, моляшася къ владыцѣ богу нашему мирно пребывати в совокуплении и въ сдравии, избав*ляюща*[66] от усобныя рати и от пронырьства дьяволя, сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю честное торжьство, въ вся вѣкы до скончанья".

Святополкъ же сь оканьный и злый уби Святослава, пославъ *ко*[67] горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры. И нача помышляти, яко „Избью всю братью свою, и приму власть

русьскую единъ". Помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый яко „Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хощеть, дасть". Аще бо кая земля управится пред богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть, и судью, правящаго судъ. Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то многа отдаются согрѣшенья *земли;*[57] аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить богъ на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: „Согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людий". „Лютѣ бо граду тому, в немь же князь унъ", любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтникы. Сяковыя бо богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, яко же Исаия глаголеть: „Отъиметь господь от Иерусалима крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, *и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и*[57] разумна, послушлива. Поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими".

Святополкъ же оканный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другым кунами, и раздая множьство. Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: „Уже мнѣ сихъ не крѣсити". И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, *и*[68] обльстивъ *я*[69] исѣче. В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передъславы си: „Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику". Се слышавъ, печаленъ бысть о отци, *и о братьи,*[68] и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородець, Ярославъ рече: „О, люба моя, дружина, юже вчера избихъ, *а нынѣ быша надобе". Утерлъ слезъ, и рече имъ*[68] на вѣчи: „Отець мой умерлъ, а Святополкъ седи*ть*[70] Кыевѣ, избивая братью свою". И рѣша новгородци:

„Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти". И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочих вой *40 000*,[71] и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ: „Не я почахъ избивати братью, но онъ; да будеть отместьникъ богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведн*у*ю.[72] Еда и мнѣ сице же створить? Но суди ми, господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго". И поиде на Святопольска. Слышавъ *же*[73] Святополкъ, идуща Ярослава, пристрои бе-щисла вой, ***Руси и печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об***[68] онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

1016 Начало княженья Ярославля Кыевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ ***на Святополка***,[74] и сташа противу *оба*полъ[75] Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти новгородцѣ, глаголя: „Что придосте с хромьцемь симь, *а*[76] вы плотници суще? А приставимъ вы хоромов*ѣ*[77] рубити нашихъ".[78] Се слышавше новгородци, рѣша Ярославу, яко „Заутра перевеземъся на *ня*;[79] аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ *его*".[68] Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею. Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И вы*седше*[80] на брегъ, отринуша лодьѣ от берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромь печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко *о*зеру,[81] и въступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, ***видѣв же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав.***[68] Святополкъ же бѣжа в ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ[82] лѣтъ 28.

1017 В лѣто 6525. Ярославъ иде *в Киевъ*,[68] и погорѣ церкви.

1018 В лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомь на Ярослава с ляхы. Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, *и*[68] приде Волыню,

Подвиг юноши-кожемяки: „И удави (юноша-кожемяка) печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о зэмлю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 69.

Легенда о белгородском киселе: „И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому **кладязю**, и почерпоша сыты, и почаша **ясти** сами первое, потомь же печенѣзи“.

Миниатюра Радзивиловской летописи л. 72 об.

и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемь Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: „Да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое“. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смыслень. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: „Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну“. Всѣдъ на конь, вбреде в рѣку и по немь вои его. Ярослав же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь. И рече Болеславъ: „Разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ“, и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: „Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь“. Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы, *и*[83] вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: „Елико же ляховъ по город*омъ*,[84] избивайте я“. И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью. И людий множьство веде с собою, и городы червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ жа нача княжити Кыевѣ. И поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, *1019*
и Ярославъ собра множьство вой, и *изыде*[85] противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: „Кровь брата моего вопьеть к тобѣ, владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; — тако положи и на семь“. Помоливъся, и рекъ: „Брата моя! Аще еста и тѣломь *отошла*[86] отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго“. И се ему рекшю,

поидоша противу собѣ, и покрыша поле[87] Летьское обои от множьства вой. Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и ссступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче *сеча*хуся,[88] и сступашася трижды, яко по удольемь крови тещи́. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти *на кони*,[89] и несяхуть ѝ на носилѣхъ. Принесоша ѝ къ Бе*ресть*ю,[90] бѣгающе с нимь. Онъ же глаголаше: „Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ". Отроци же его всылаху противу: „Еда кто женеть по насъ?". И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимь. Он же в немощи лежа, *и*[83] въсхопивъся глаголаше: „Осе женуть, *о женуть*,[83] побѣгнѣте". Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой *в томъ мѣсте*.[83] Его же по правдѣ, яко неправед*на*,[91] суду нашедшю на нь, по *от*шествии[92] сего свѣта прияща мукы, оканьнаго". Показоваше явѣ . . . посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно вългна, и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золъ. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскым, да аще сии еще сице же створять, *се слышавше, ту же казнь приимуть; но и больши сее, понеже, вѣдая се, сътворять*[83] такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья прияти от бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, бывш*ую*[93] на прародител*ю*[94] его, створи убийство. „Рече бо Ламехъ къ своима жен*ама*:[95] мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношю въ язву мнѣ, тѣмь же, рече, 70 мьстий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се". Ламехъ уби два брата Енохова, и поя собѣ женѣ ею; се*й*[96] же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть.

Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

В лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему 1020
Володимеръ.

В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ 1021
Володимърь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже й ту. И побѣди Ярославъ Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотьску.

В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же вре- 1022
мена Мьстиславу сущю Тмутороканu[97] поиде на касогы. Слышавъ же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: „Что ради губивѣ дружину межи собою? Но *снидеве*[98] ся сама боротъ. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все". И рече Мьстиславъ: „Тако буди". И рече Редедя ко Мьстиславу: „Не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою". И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: „О пречистая богородице помози ми. Аще бо одолѣю[99] сему, съзижю[XI,1] церковь во имя твое". И се рекъ удари имь о землю. И вынзе ножь, *и*[2] зарѣза Редедю. *И*[2] шедъ в землю его, взя все имѣнье его, *и*[2] жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю̀, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани.

В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары 1023
и съ касогы.

В лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьсти- 1024
славъ ис Тъмутороканя Кыеву, и[3] не прияша его кыяне. Онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь *по*[4] дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в болгары,

и привезоша *жито*,[5] и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъимавъ волхвы, расточи, а другыя[6] показни, рекъ сице: „Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладом, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже“. И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду,[7] и посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ *съ лѣпъ*,[8] *и*[2] луда бѣ у него золотомь истъкана. И приде къ Ярославу; *и*[2] иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава. Мьстиславъ же слышавъ взиде противу има к Лиственому. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. *И*[2] рече Мьстиславъ дружинѣ своей: „Поидемъ на ня“.[9] И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу *ему*,[10] и сступися чело сѣверъ съ варягы, *и трудишася варязи секуще сѣверъ*,[2] *и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи варяги.*[11] И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземь варяжьскым, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своих сѣверъ и варягы Ярославлѣ, и рече: „Кто сему не радъ? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла“. И посла Мьстиславъ по Ярослав*а*,[12] глаголя: „сяди в своемь Кыевѣ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона“. И не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смиристася. И сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли. *В семъ же лѣтѣ*[13] родися *у Ярослава*[5] другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

1026 В лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братом своим Мьстиславомь у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися 3-й сынъ[14] Ярославу, и нарече имя ему Святославъ. *1027*

В лѣто 6536. Знаменье *змиево*[2] явися на небеси, яко видѣти всей земли. *1028*

В лѣто 6537. Мирно бысть. *1029*

В лѣто 6538. Ярославъ Белзы[15] взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Семь же лѣтѣ иде Ярославъ на чюдь, и побѣди я̀, и постави градъ Юрьевъ. В се же время умре Болеславъ Великый в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь. *1030*

В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣливша я̀. Ярославъ посади *своя*[5] по Рьси, и суть до сего дне. *1031*

В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити городы по Рьси. *1032*

В лѣто 6541. Мьстиславичь Еустафий умре. *1033*

В лѣто 6542. *1034*

В лѣто 6543. *1035*

В лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре. И положиша ѝ *в церкви*[16] у святаго Спаса, юже *бѣ*[2] самъ заложилъ бѣ бо въздано ея при немь възвыше, яко на кони стояще рукою[2] досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыма очима, хоброръ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоять Кыевъ. Ярославъ събра вои многы.[17] варягы и словѣни, приде Кыеву, и вниде в городъ свой. И бѣ печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, *и*[2] постави варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмь крилѣ новгородци; *и*[2] сташа пред градомь. Пече- *1036*

нѣзи приступ*ати*[18] почаша, и сступишася на мѣсте,[19] иде же стоить нынѣ святая Софья, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша[20] печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, *и овии бѣгающе*[5] тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в пору*б*ъ,[21] брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ к нему.

1037 В лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ свят*ыя* Богородиц*а*[22] благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая ѐ часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы,[23] ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго. Яко же бо се нѣкто землю разорет*ь*,[24] другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну, — тако и сь. Отець бо сего Володимеръ *землю*[25] взорà и умя*г*чи,[26] рекше крещеньемь просвѣтивъ. Сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий; а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжных. Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходищя м*уд*рости;[27] книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Со*ло*монъ[28] *по*хвалям*а*[29] глаголаше: „Азъ, премудрость, вселих свѣтъ *и*[25] разумъ и *с*мыс*л*ъ[30] азъ призвах. Страхъ господень . . . Мои свѣти, моя мудрость, мое утвержденье, моя крѣпость. Мною цесареве царствують, а силнии пишють правду. Мною вельможа

величаются и мучители держать землю. Азъ любящая мя люблю, ищющи мене обрящють *благодать*".[31] Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть с богомь, или святыми мужи. Почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, *и*[25] житья святыхъ отець, въсприемлеть душ*и*[32] велику ползу.

Ярославъ же се*й*,[33] якоже рек*о*хом,[34] любимъ бѣ кн*и*гамъ, *и*[25] многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ю̀ златомь и сребромь и сосуды[35] церковными, в ней же обычныя пѣсни богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмь есть поручено богомь, и приходити часто къ церквамъ. И умножишася прозвутери *и*[25] людье хрестьяньстии. Радовашеся Ярославъ, вид*я*[36] множьство церквий и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми.

В лѣто 6546. Ярославъ иде на ятвягы. *1038*

В лѣто 6547. Священа бысть церкы святыя Богородиця, *1039*
юже созда Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомь Феопем*п*томъ.[37]

В лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву. *1040*

В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовъшаны, въ лодьяхъ. *1041*

В лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на Ямь, и *1042*
побѣди[38] я. И помроша кони у вой Володимерь, яко и еще дышющимъ конемъ съдираху хзы с нихъ: толикъ бо бѣ моръ в коних.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на *1043*
Грькы, и вда ему вои мног*ы*,[39] а воево*д*ьство[40] поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, *и*[25] поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричь, воевод*а* Ярослав*ль*.[41] Прочии же вои Володимери в*ы*вержени[42] быша на брегъ, числомь 6000, и хотяще*мъ*[43] поити в Русь, и *не*[25] идяше с ними *никто же*[44]

от дружины княжее. И рече *Вышата:*[44] „Азъ поиду с ними". И высѣде ис корабля *к* нимъ,[45] и *рече:*[25] „Аще живъ буду, *то*[46] с ними,[47] аще погыну, то с дружиною".[48] И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть грькомъ, яко избило море Русь, и посла[49] царь, именемь Мономахъ, по Руси олядий 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идуть по немь, въспятивъся, изби оляди гречьскыя, и възвратися в Русь, *в*сѣдъше[50] в кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша Руси много. По трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь къ Ярославу. В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, *яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава.*[51]

1044 В лѣто 6552. Выгребоша[52] 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего", еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье.

1045 В лѣто 6553. Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

1046 В лѣто 6554.

1047 В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовщаны, и побѣди *я*,[53] и князя ихъ уби Моислав*а*,[54] и покори я Казимиру.

1048 В лѣто 6556.

1049 В лѣто 6557.

1050 В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгыни.

1051 В лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы.

И се да скажемъ, *чего*[55] ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому князю[56] Ярославу любящю Берестовое и церковь ту сущюю святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю,

Убиение Глеба Владимировича· „И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу".

Миниатюра Радзивиловской летописи л. 77.

Убийцы перевозят тело Глеба, спрятанное под насадом.

Миниатюра Сильвестровского сборника XIV в.

Дружина Ярослава иссекает нарочитых мужей новгородских; „И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, и обльстивъ я́ (их) исѣче“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 79 об.

Битва на Льте: „И сступашася трижды, яко по удольемь крови тещи́“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 82.

в них же бѣ презвутеръ, именемь Ларионъ, мужь благъ, книженъ и постникъ. *И*[51] хожаше с Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, *и*[51] ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя с Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту богу втайнѣ. Посемь же богъ князю вложи въ сердце, и постави й митрополитомь в святѣй Софьи, а си печерка тако ста. И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь, от града Любча; и възложи сему богъ в сердце в страну ити. Онъ же устремися в Святую Гору, и видѣ ту монастыря сущ*ая*,[57] и обиходивъ, възлюбивъ черночьскый образ, приде в манастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже й, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ черночьскому образу, и рече ему: „Иди в Русь опять, и буди благословленье от Святыя Горы, яко[58] от тебе мнози черньци быти имуть". Благослови й, и отпусти его, рекъ ему: „Иди с миромь". Антоний же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по манастыремъ, и не възлюби, богу *не*[59] хотящю. И поча ходити по дебремъ и по гора*мъ*,[60] ища, кдѣ бы ему богъ показалъ. И приде на холмъ, идѣ*же*[61] бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не, и нача молитися богу со слезами, глаголя: „Господи! Утверди мя в мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ".[62] И поча жити ту, моля бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то[63] чересъ день, и воды в мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, в трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и в молитвахъ. Посемь же увѣдѣша добрии человѣци, и приходяху к нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ. И прослу яко же великый Антоний: приходяще к нему про*ша*ху[64] у него благословенья. Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу, прия власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кыевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Русьскѣй земли; Изяславъ же, увѣдѣвъ житье его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ

бысть всѣми великый Антоний и чтимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача примати и постригати я̀, и собрася братьи к нему числомь 12, *и*[65] ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымь манастыремь. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоний: „Се богъ васъ, братья, сово*купи*,[66] и от благословенья есте Святыя Горы, имь же мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ перво*е*[67] от бога, а второе от Святыя Горы“. И се рекъ имъ: „Живѣте же *о*[51] собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся, *жити*“.[51] И постави имъ игуменомь Варлама, а самъ иде в гору, и ископа печеру, яже есть подъ новымь манастырем, в ней же скончя животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис печеры лѣт 40 ни*гда* же,[68] в ней же лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомь живяху *в печере*.[51] И умножившимся братьи в печерѣ *и не имущим ся вмѣстити*,[51] и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь. И приде игуменъ и братья ко Антонью, и рекоша ему: „Отче! Умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити в печеру; да бы богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры“. И повелѣ имъ Антоний. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя богородица Успенье. И нача богъ умножати черноризцѣ молитвами святыя богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомь поставити манастырь. И идоша братья ко Антонью, и рѣша: „Отче! Братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь“. Антоний же, радъ бывъ, *рече*:[69] „Благословенъ богъ о всемь, и молитва святыя богородица и сущихъ отець иже в Святѣй Горѣ да будеть с вами“. И се рекъ, посла единого от братьѣ ко Изяславу князю, река тако: „Княже мой! Се богъ умножаеть братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою“. Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имь гору ту. Игуменъ же и братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша

столпеемь,[70] кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ поча*ся*[71] Печерскый манастырь, имь же бѣша жили черньци преже в печерѣ, а от того прозвася Печерскый манастырь. Есть же манастырь Печерскый от благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство к святому Дмитрию, хотя створити вышний сего манастыря, надѣяся богатьству. Мнози бо манастыри от цесарь и от бояръ и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь. Антоний бо не имѣ злата, ни србра, но стяжа слезами и пощеньем, яко же глаголахъ. Варламу же шедъшю к святому Дмитрию, совѣтъ[72] створше братья, идоша к старцю Антонью и рекоша: „Постави намъ игумена". Онъ же рече имъ: „Кого хощете?". Они же рѣша: „Кого хощеть богъ и ты". И рече имъ: „Кто болий въ васъ, акъ же Федосий,[73] послушьливый, кроткый, смѣреный, да сь будеть вамъ игуменъ". Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Феодосья игуменом братьѣ числомь 20. Феодо*сиеви*[74] же приемшю манастырь, поча имѣти въздержанье, и велико *по*щенье,[75] и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомь 100. И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернецъ манастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомь Георгиемь, и нача у него искати устава чернець студийскых. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемь, како пѣти пѣнья манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный *и на*[76] тряпезѣ сѣданье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемь. Феодосий все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему. От того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмь же почтенъ есть манастырь Печерьский стар*ей* вс*ѣхъ*.[77] Феодосьеви же живущю в манастыри, и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же

и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьскый. А о Феодось*ев*ѣ[78] житьи *паки*[79] скажемъ.

1052 В лѣто 6560. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль ста*рей*,[80] Новѣгородѣ, и положенъ бысть в святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ.

1053 В лѣто 6561. *У*[81] Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицѣ грькынѣ.

1054 В лѣто 6562. Преставися великый князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, богъ будеть в васъ, и поко*рить*[82] вы противныя подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете сами, *и*[83] *погубите*[84] землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, *юже*[85] налѣзоша трудомь своимь великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да то*й*[86] вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, *а Игорю Володимерь*,[87] а Вячеславу Смолинескъ". И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: „Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять". И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю..., а Святославу Володимери, Всеволоду[88] же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемь паче все*я*[89] братьи, *его* же[90] имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою *богу*,[83] в суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша ѝ Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни. Плакашася по немь людье; *и*[83] принес*ше*[91]

положиша й, в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ. И плакася по немь Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣт 70 и 6.

Начало княженья Изяславля Кыевѣ. Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ Смолиньскѣ. В се же лѣто иде Всеволодъ на торкы *зимѣ к Воиню*,[83] и побѣди торкы. В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половьци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася *половци*[83] вспять, отнюду же пришли.

В лѣто 6564. *1056*

В лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолиньскѣ, и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше.[92] *1057*

В лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голяди. *1058*

В лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя[93] своего *Судислава*[94] ис поруба, сидѣ бо лѣт 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемь. *1059*

В лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. В семь же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупи*ша*[95] вои бещислены, *и*[83] поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещислено множьство, на торкы. Се слышавше торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, божьимь гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь божьимъ. Тако богъ избави хрестьяны от поганыхъ. *1060*

В лѣто 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воеватъ; Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день. И бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искалъ. *1061*

В лѣто 6570. *1062*

В лѣто 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша й въ церкви святаго Георгия. В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ. *1063*

1064 В лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ Ярославль, *и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромирь воеводы Новгородьского. И. пришедъ выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.*

1065 *В лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю.*[84] Ростиславъ же отступи кромѣ изъ гра*да*,[96] не убоявъся его, но не хотя противу стр*ы*еви[97] своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего пакы Глѣба, *и*[83] възвратися опять. Ростиславъ же пришедъ, пакы выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. В се же лѣто Всеславъ рать почалъ.

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ мног*ы*[98] и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье.[99] В си же времена бысть дѣтищь вверьженъ в *Сѣ*томль;[XII,1] *с*его[2] же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша ѝ в воду. Бяшеть бо сиць: на лици ему срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради. Пред симь же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ. Яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имущ*емъ*[3] одеж*а*,[4] и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженье Антиохово[5] на Иерусалимъ. Посемь же при Неронѣ цесари в том же Иерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копийный, надъ градомь: се же проявляше нахоженье рати от римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звѣзда восия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посем же бысть звѣздамъ

теченье, с вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и пакы солнце без лучь сьяше: се же проявляше крамолы, недузи человѣкомъ умертвие бяше. Пакы же при Маврикии цесари бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и без руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ приреслъ; и песъ родися шестоногъ; въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-х ногахъ, а другый о двою главу. Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци *цари*,[6] сына Леонова: теченье звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящим мнѣти кончину; тогда же въздухъ възлияся повелику; в Сурии же бысть трусъ великъ, земли расѣдшися трий поприщь, изиде дивно и-землѣ мъска, человѣчьскымь гласомь глаголющи и проповѣдающи наитье языка, еже и бысть: наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздах, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не *на*[7] благо бывають;[8] но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють.[9]

В лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань 1066
у касогъ и у инѣхъ странъ,[10] сего же убоявшеся грьци, послаша с лестью котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть й Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: „Княже! Хочю на тя пити“. Оному же рекшю: „Пий“. Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю *пити*,[11] дотиснувъся палцемь в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко в сий день умреть Ростиславъ, яко же и бысть. Сего же котопана побиша каменьемь корсуньстии людье. Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь, и милостивъ убогымъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, По- 1067
лочьскѣ, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Все-

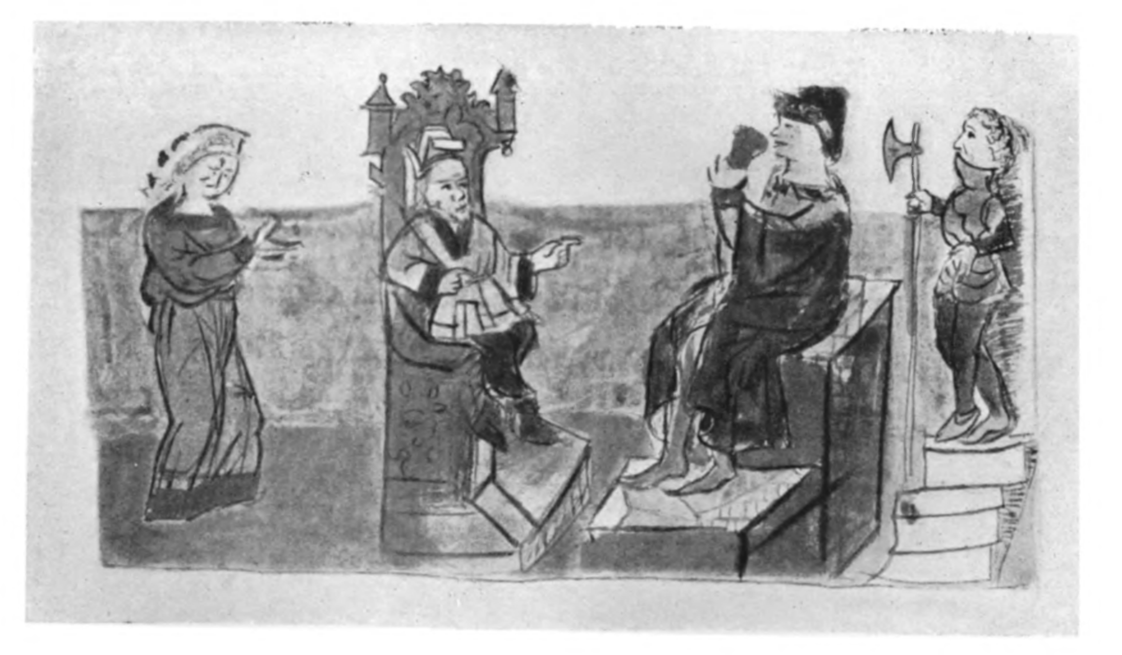
слава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, *и*[6] исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, *и*[6] поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа. По семь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ *и*[6] Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „Приди к намъ, яко не створимъ ти зла". Он же, надѣявъся цѣлованью креста, пер*е*ѣха[12] в лодьи чересъ Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше[13] крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и̇ в порубъ съ двѣма сынома.

1068 В лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, половьци мнози. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имь на Льто. И бывши нощи, подъидоша противу собѣ. Грѣхь же ради нашихъ пусти богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци.

Наводить бо богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ богу; усобная же рать бываеть от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; *а*[14] дьяволъ радуется злому убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрешивш*и*[15] которѣй любо, „казнить богъ смертью, ли гладомъ, ли наведенье*мъ*[16] поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны богъ велить жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: „Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимъ, постомъ и плачемъ". Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмь присно каляющеся, и тако пребываемъ. Тѣм же пророкомъ нам глаголеть: „*Разу*мѣхъ,[17] — рече, — яко жестокъ еси, и шия железная твоя", того ради „Удержахъ от васъ

Водворение Ярослава в Киеве: „Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 83.



Отравление князя Ростислава греческим котопаном: „Онъ же (котопан), испивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувъся пальцемь в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенье смертное“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 96 об.

дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше"; „*И*[18] поразихъ вы зноемь и различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ". Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголеть господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. „Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя", и на скоты казнь свою послах, „то и ту не обратистеся", но рѣсте: „Мужаемъся". Доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ? Вы бо уклонистеся от пути моего, глаголеть господь, и соблазнисте многы; сего ради „Буду свѣдѣтель скоръ на противьныя, и на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемь моимъ во лжю, и на лишающая мьзды наимни*ка*,[19] насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ. Почто не сдерзастеся о грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. Обратитеся ко мьнѣ, — и обращюся к вамъ, глаголеть господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращю от васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуеть вамъ, и не имуть изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй богу". ***Тѣм же***[18] „Усты[20] чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоить мене". Сего ради, их же просимъ, не приемлемъ; „Будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послуша*ю*[21] васъ". Взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по, путемъ моим; да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ *въ дождя*[22] мѣсто пуская, ово ли мразомь плоды узнабляя и землю зноемь томя, наших ради злобъ. Аще ли ся покаемъ от злобъ наших, то „Акы чадомъ своимъ дасть нам вся прошенья, и одожди*ть*[23] намъ дождь ранъ и позденъ. И наполнятся гумна ваша пшеницѣ. Пролѣются точила винная и масльная. И въздам вамъ за лѣта, яже пояща прузи, и хрустове и гусѣниця; сила моя великая, юже послах на вы", глаголеть[24] господь вседержитель. Си слышаще, въстягнѣмъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся господи бозѣ нашемъ, постомъ, и рыданьем *и*[25] слезами омывающе вся прегрѣшенья *наша*,[25]

не словомь нарицяющеся хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, *ли*[26] единець, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сию держать; друзии же и закыханью вѣрують, еже бываеть на *з*дравье[27] главѣ. Но сими дьяволъ лстить и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны от бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людий много множьство *на них*,[25] яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви. Да сего ради казни приемлемъ от бога всячскыя, и нахоженье ратных, по божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших".

Мы же на предълежащее *паки*[25] възвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними". Изяслав же сего не послуша. И нача*ша* людие *гово*рити[28] на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: „Поидем, высадим дружину свою ис погреба". И раздѣлишася надвое: половин*а*[29] ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по Мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящю и дружинѣ стоящ*и*[30] у князя, рече Тукы, братъ Чюдинь, Изяславу: „Видиши, княже, людье възвыли; посли, атъ Всеслава блюдуть". И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: „Се зло есть; посли ко Всеславу, атъ призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемь". И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людье же высѣкоша

Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша ѝ средѣ двора къняжа. Дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

Посемь же половцемъ воюющим по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собравъ дружины нѣколико, изиде на *ня*[31] ко Сновьску. И узрѣша половци идущь полкъ, пристроишася противу. И видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: „Потягнѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти". И[32] удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бьеми, а друзии потопоша въ Снови,[33] а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ.

Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я ѝ; тѣм же наведе богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: „О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровах, избави мя от рва сего". Богъ же показа силу крестную *на*[34] показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ прииметь казнь и на придущемь вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомь бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестъ[35] бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ сгражаеми вѣрнии людье побѣжають супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляеть от напастий призывающим его с вѣрою. *Ничего*[36] же ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Кыевѣ мѣсяць 7.

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомь на Всеслава; *1069*
Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же *видѣвше*[37] людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, *и*[34] послашася къ Святославу и къ

Всеволоду, глаголюще: „Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ве*деть*[38] на ны Лядьскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: заж*егше*[39] град свой, ступим въ Гречьску землю". И рече имъ Святославъ: „Вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть с миромь, то в малѣ придеть дружинѣ". И утѣшиста кыяны. Святослав же и Всеволодъ посласта к Изяславу, глаголющ*а*[40] „Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити град, то вѣси, яко нама жаль отня стола". То слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляховъ поимъ; посла же пред *собою*[41] сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстиславъ, исѣче *кияны*,[41] иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща ляхы на покормъ, *и*[41] избиваху ляхы отай; *и*[41] възвратися в ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьскѣ; он же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата *его*[42] Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

1070 В лѣто 6578. Родися у Всеволода сынъ, и нарекоша именем Ростиславъ. В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи.

1071 В лѣто 6579. Воеваша половци у Растовьця и у *Не*ятина.[43] В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си *же*[41] времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сице повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли *на Руской*,[41] а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ изменитися. Его же невѣгласи послушаху, вѣр-

нии же *смеяхуться*,[44] глаголюще ему: „Бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ". Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти.

Бѣси бо подътокше на зло вводять; посем же насмисаются ввергъше и в пропасть смертную, научивше глаголати. Яко же се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство.

Бывш*и*[45] бо единою скуд*ости*[46] в Ростовьстѣй области, встаста два волъхва от Ярославля, глаголюща, яко „Вѣ свѣвѣ, кто обилье держить". И поидоста по Волзѣ, кдѣ приицу*ча* в погостъ,[47] ту же нар*екаста*[48] лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору.[49] И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавш*а*[50] за плечемь, в*ын*имаста[51] любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, *и*[41] имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у не*ю*[52] люди*й* инѣ*хъ*[53] 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя". Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: „Не ходи безъ оружья, осоромять тя". Он же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимь, и поиде к ним *к*[54] лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „Вида идеши на смерть, не ходи". Оному повелѣвшю бити[55] я̀, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янь же оборотя топоръ удари ѝ тыльемь, повелѣ отроком сѣчи я̀. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же, вшедъ в град к бѣлозерцем, рече имъ, „Аще не имете[56] волхву сею, не иду от васъ и за лѣто". Бѣлозерци же шедше яша я̀, и приведоша *я̀*[57] къ Яневи. И рече има: „Что ради погубиста толико человѣкъ?" Онѣма же рек-

шема, яко „Ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то пре*дъ*[58] тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли ѝно что“. Янь же рече: „По истинѣ лжа то; створилъ богъ человѣка от землѣ, сставленъ костьми и жылами от крове; нѣсть в немь ничто же и не вѣсть ни*к*то же,[59] но токъмо единъ богъ вѣсть“. Ѝна же рекоста: „Вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ“. Он же рече: „Како?“. Ѝна же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, *отерся*[60] вѣ*хтемъ*,[61] и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с богомь, кому в немь створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а богъ душю в*о нь*[62] вложи. Тѣм же, аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к богу“. Рече има Янь: „Поистинѣ прельстилъ вас есть бѣсъ; коему богу вѣруета?“. Ѝна же рекоста: „Антихресту“. Он же рече има: „То кдѣ есть?“. Ѝна же рекоста: „Сѣдить в безднѣ“. Рече има Янь: „Какый то богъ, сѣдя в безднѣ? То есть бѣсъ, а богъ есть на небеси, сѣд*яй*[63] на престолѣ, славим от ангелъ, иже предстоять ему со страхом, не могуще на нь зрѣти. Сих бо ангелъ сверженъ бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъверженъ бысть с небесе, и есть в безднѣ яко же то вы глаголета, жда, егда придеть богъ с небесе. Сего имъ антихреста свяжеть узами и посадить ѝ, емъ его, с слугами *его*[64] и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо“. Ѝнѣма же рекшема: „Нама бози повѣдають, не можеши нама створити ничтоже“. Он же рече ѝма: „Лжють вама бози“. *Она же рекоста:*[65] „Нама стати пред Святославомь, а ты не може*ши*[66] створити ничтоже“. Янь же повелѣ бити ѧ̀ и поторгати[67] брадѣ ею̀. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече ѝма Янь: „Что вама бози молвять?“ Ѝнѣма же рекшема: „Стати нам пред Святославом“. И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има и привязати я къ упругу, и пусти пред собою *въ*[65] лодьѣ, и самъ по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече ѝма Янь: „Что вам бози молвять?“ Она же рѣста: „Сице нама бози молвять, не быти нама живы*мъ*[68] от тобе“. И рече има Янь: „То ти

вама право повѣдали". Она же рекоста: „Но аще на пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль примешт и зло". Он же рече има: „Аще ваю пущю, то зло ми будеть от бога; *аще ль вас погублю, то мзда ми будеть*".[69] И рече Янь повозником: „Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?". Они же рѣша: „Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье". Онъ же рече имъ: „Мьстите своихъ". Они же поимше, убиша я и повѣсиша *я*[70] на дубѣ: отмьстье приимш*а*[71] от бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, в другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущеньемь бѣсовьскым, инѣмъ ведущ*а*,[72] а свое*а*[73] пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, иде же ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „Не умрети нама", оному мыслящю убити я̑? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьск*ыя*,[74] но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже; суть бо немощни и худи взоромь.

Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему новгородцю прити в Чюдь, и приде *к*[75] кудеснику, хотя волхвованья от него. Онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оц*епѣвъ*,[76] и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ рече новгоро*д*цю:[77] „Бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся". Он же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое. Он же нача опять призывати бѣсы. Бѣси же метавше имь, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемь же поча прашати его: „Что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста?". Онъ же рече: „То[78] есть знаменье небеснаго бога, его же наши бози боятся". Он же рече: „То каци суть бози ваши, где живуть?". *Онъ же рече:*[79] „В безднахъ. Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще; всходять же и подъ небо,[80] слушающе вашихъ боговъ. Ваши бо *бози*[81] на небеси суть. Аще кто умреть от вашихъ людий, то

възносимъ есть на небо; аще ли от наших умираеть, то носимъ к нашимъ богомъ в бездну“. Яко же и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмь жилищѣ водваряются со ангелы.

Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь. Тѣм же прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и тако волхвують наученьемь бѣсовьскым. Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако в си роди много волхвують жены чародѣйством, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бывають от бѣсовъ невѣрнии, яко се въ пер*выя* роды,[82] при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, *иже*[83] творяше волшьствомь псомъ глаголати человѣчьск*и*,[84] и сам премѣняшется, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образ, в мечтаньи. Сице творяше Аньний *и* Ма*м*ъврий,[85] волъшвеньемь чюдеса *творяшета*[86] противу Моисиови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисиови, но и К*у*но*п*ъ[87] творяше мечтанье бѣсовьско, яко и по водам ходити, *и*[88] ина мечтанья творяше, бѣсомь льстим, на погубу собѣ и инѣмъ.

Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы богъ, *и*[89] многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко *провѣде*[90] вся и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо, яко „Переиду по Волхову предъ всѣми“. И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: „Иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутом, приде к волхву и рече ему: „То вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?“. Он же рече: „*Провѣде*[91] вся“. И рече Глѣбъ: „То вѣси ли, что *ти*[89] хощеть быти днесь?“. „Чюдеса

велика створю“, рече. Глѣбъ же, вынемь топоръ, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася. Он же погыбе тѣломь, и душею предавъся дьяволу.

В лѣто 6580. Пренесоша[92] святая страстотерпця Бориса *1072*
и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, ***Михаилъ Гургевьский,***[89] Феодосий же игуменъ Печерьскый, Софроний святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваша свѣтло, ***и***[89] преложиша я̀ в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ. И вземше первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя понесоша, предъидущем черноризцем, свещ*а*[93] держаще в рукахъ, и по них дьякони с кадилы, и посемь презвитери, и по них епископи с митрополитом; по сих с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня[94] благы; видѣвше же се, прославиша бога. И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ верою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша ѝ в раку камену. Посем же вземше Глѣба в рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа везоша и. Яко быша въ дверех, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“, и повезоша ѝ. И положиша я̀, мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. Посем же разидошася всвояси.

В лѣто 6581. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. *1073*
Бывши распри межи ими, быста съ собе Святославъ со Всеволодомь на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ, мѣсяца марта 22, и сѣдоста на столѣ на Берестовомь, преступивш*а*[95] заповѣдь отню. Святослав же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя, яко „Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не ***варивѣ,***[89]

имать на прогнат*и*.[96] И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде в ляхы со имѣньем многым, глаголя, яко „Симь налѣзу вои". Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же божью. Велий бо есть грѣх преступа*ти*[97] заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣт отмьщенье прияша от бога, от племене бо Сифова суть еврѣи, *иже*[98] избивше Хананѣйско племя, всприяша свой жребий и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего. В се же лѣто основана бысть церкы Печерьская игуменомь Феодосьемь и епископомь Михаиломь, митрополиту[99] Георгию тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю.

1074 В лѣто 6582. Феодосий, игуменъ печерьскый, преставися. Скажемъ же о успеньи его мало. Феодосий бо обычай имяше приходящ*ю*[XIII,1] постному времени, в недѣлю Масленую, вечеръ, по обычаю цѣловавъ братью всю и поучивъ ихъ, како проводити постное время, в молитвахъ нощных и дневных, блюстися от помыслъ скверньных, от бѣсовьскаго насѣянья. „Бѣси бо, — рече, — насѣвають черноризцем помышленья, похотѣнья лукава, в*жа*гающе[2] *имъ*[3] помыслы, и тѣми врежаеми бывають имъ молитвы; да приходящая таковыя мысли възбраняти знаменьем крестнымъ, глаголюще сице: Господи Иисусе Христе, боже нашь, помилуй насъ, аминь. И к симъ воздержанье имѣти от многаго брашна; въ яденьи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастають помысли лукавии, помыслом же въздрастъшим стваряется грѣхъ". „Тѣм же, — рече, — противитеся бѣсовьскому дѣйству и пронырьств*у*[4] ихъ, блюстися от лѣности и от многаго сна, бодру быти на пѣнье церковное, и на преданья отечьская и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь Давыдовъ подобаеть черноризцем, — симь[5] прогонити бѣсовьское унынье, паче же имѣти *в*[6] собѣ любовь всѣм меншим и к старѣйшим покоренье и послушанье, старѣйшимъ же к меншимъ любовь и наказанье, и образ бывати собою въздержаньем

и бдѣньемь, хоженьем и смѣреньем; тако наказывати меншая,[7] и утѣшати я и тако проводити постъ". Глаголеть бо сице, яко „Богъ далъ есть намъ 40 дний сию на очищенье души; се бо есть десятина, даема от *лѣта*[8] богу: дний бо есть от года до года 300 и 60 и 5, а от сихъ дний десятый день въздаяти богови десятину, еже есть постъ 40-тный, в ня же дни очистившися душа, празднуеть свѣтло на Вскресенье господне, веселящися о бозѣ. Постное бо время очищаеть умъ человѣку. Пощенье бо исперва проображено[9] бысть: Адаму первое не вкушати от древа единого; поставивъ бо ся Моиси дний 40, сподобися прияти законъ на горѣ Синайстѣй, и *видѣ*[10] славу божью; постомъ Самоила мати роди; постившеся ниневгитяне гнѣва божья избыша; постився[11] Данилъ видѣнья велика сподобися; постивъся Илья акы на небо взятъ бысть в пищю породную; постившеся 3 отроци угасиша силу огньную; постивъся и господь 40 дний, намъ показа[12] постное время; постомь апостоли иско*рени*ша[13] бѣсовьское ученье; постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ, иже сияють и по смерти, показавше труды великыя и въздержанье, яко *сей*[14] великый Антоний, и Еуфимий, и Сава и прочии отци, их же мы поревнуемъ, братья". И сице поучивъ братью, цѣлова вься по имени, и тако изидяше из монастыря, взимая мало коврижекъ; *и*[15] вшедъ в печеру, и затворяше двери печерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никому же; аще ли будяше нужьное орудье, то оконцемъ ма*ломъ*[16] бесѣдоваше в суботу ли в недѣлю, а во ины дни пребываше в постѣ и в молитвах, вздержася крѣпко. И приходяше в манастырь в пятокъ на канунъ Лазаревъ; *в сей*[17] бо день кончается постъ 40 дний, начинаем от перваго понедѣлника наставш*и*[18] Феодоровы недѣли, кончаваеть же ся в пятокъ Лазаревъ; а страстьная недѣля уставлена есть поститися страстий ради господень. Феодосьеви же пришедшю по обычаю братью целова,[19] и празднова с ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, по обычаю празднова свѣтло, впаде в болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю дний 5, посемь, бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же,

веземше и̂ на сани, поставиша и̂ прямо церкви. Он же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше в било, и собрашася вси. Он же рече имъ: „Братья моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от васъ, яко же яви ми господь в постное время, в печерѣ сущю ми, изити от свѣта сего. Вы же кого хощете игуменом имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ бых ему?“. Они же рекоша *ему*:[20] „Ты еси намъ всѣмь отець, да его же изволиши самъ, то намъ буди отець и игуменъ, и послуша*емъ*[21] его, яко и тобе“. Отець же нашь Феодоси рече: „Шедше кромѣ мене нарьцѣте, его же хощете, кромѣ двою брату, Николы и Игната; в прочих кого хощете, от старѣйших и до меншихъ“. Они послушавше его, отступиш*а*[22] мало къ церкви, сдумавше, послаша брата два, глаголюще сице: „Его же изволить богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци“. Феодосий же рече имъ: „Да аще от мене хощете игумена прияти, то азъ створю вам не по своему изволенью, но по божью строенью“; и нарече имъ Иякова презвитера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще яко „Не здѣ есть постриганъ“. Бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца с братом своимъ Паулом. И[23] начаша братья просити Стефана деместника, суща тогда ученика Феодосьева, глаголюще, яко „Сесь взрослъ есть подъ рукою твоею, и у тобе послужилъ есть; сего ны вдай“. Рече же имъ Феодосий: „Се азъ, по божью повелѣнью, нареклъ бяхъ Иякова; се же вы свою волю створити хощете“. И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будеть имъ игуменъ. И благослови Стефана, и рече ему: „Чадо! Се предаю ти манастырь, блюди со опасеньемь его, и яже устроихъ въ службах, то держи. Преданья манастырьская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину манастырьску“. И посемь, веземше и̂ братья, несоша в кѣлью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде к нему Святославъ с сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема *има*[24] у него, рече ему Феодосий: „Се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье в немь. И се поручаю игуменьство Стефану, не дай[25]

его въ обиду". Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися манастыремъ, и иде от него. Семому же дни пришедшю, призва Стефана и братью, уже изнемагающю, и нача имъ глаголати сице: „Аще по моемь ошествии свѣта сего, аще буду богу угодилъ и приялъ мя будеть богъ, то по моемь ошествии манастырь *ся*[26] начнеть строити и прибывати в нем: то вѣжьте, яко приял мя есть богъ. Аще ли, по моей смерти, оскудѣвати начне*ть*[27] манастырь черноризци и потребами манастырьсками, то вѣдуще буд*ете*,[28] яко не угодилъ есмъ богу". И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: „Отче! Молися за ны к богу; вѣмы бо, яко богъ труда твоего не презрить". И пресѣдящи братьѣ нощь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2-ю суботу по Пасцѣ, въ час 2 дне, предасть душю в руцѣ божии, мѣсяця мая въ 3 день, индикта в 11 лѣто. Плакашася по немь братья. Бѣ же Феодосий заповѣдалъ положити ся в печерѣ, идѣ же показа труды[29] многы, рек сице: „В ночь похороните тѣло мое", яко же и створиша. Вечеру бо приспѣвшю, братья вземше тѣло его, и положиша ѝ в печерѣ, проводивше с пѣсньми, с свѣщами, честно, на хвалу богу нашему Иисусу Христу.

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий . . .[30] такы черньцѣ, яко свѣтила в Руси сьяють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чресъ день и чресъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ с водою, ини зелье варено, друзии сыро. Въ любви пребывающе, меншии покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемь и с послушаньем великымъ. Тако же и старѣйшии им*яху*[31] любовь к меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенье впадаше, утѣшаху, и епитемью *единого брата раздѣляху*[32] 3 ли, 4, за великую любовь: тако бо бяше любы в братьи той *и*[33] вздержанье велико. Аще братъ етеръ выидяше из манастыря, вся братья имяху о томь печаль велику, посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедше вси кланяхуся игумену, и моляху

игумена, и приимаху брата в манастырь с радостью. Таци бо бѣша любовници, и *въздержьници*,[34] и постници, от них же намѣню нѣколико мужь чюдных.

Яко се первый Демьянъ презвутеръ бяше тако постникъ и въздержник, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своея. Аще кто коли принесяше дѣтищь боленъ, кацѣмь любо недугом одержим, принесяху в манастырь, ли свер*шен*ъ[35] человѣкъ, кацѣм любо недугомь одержим, приходяще в манастырь къ блаженому Феодосью, повелѣваше сему Дамьян*у*[36] молитву створити болящему; и абье створяше молитву, и масломь помазаше, и приимаху ицѣленье приходящии к нему. Разболѣвшю же ся и конець прияти лежащю ему в немощи, приде ангелъ к нему въ образѣ Феодосьевѣ, даруя ему царство небесное[37] за труды его. Посем же приде Феодосий с братьею, и присѣдяху у него, оному же изнемагающю, възрѣвъ на игумена, рече: „Не забывай, игумене, еже *ми*[38] еси обѣщалъ“. И разум*ѣ*[39] великый Феодосий, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: „Брате Дамьяне! Еже есмь обещалъ, то ти буди“. Он же сомжаривъ очи, предасть духъ в руцѣ божии. Игумен же и братья похорониша тѣло его.

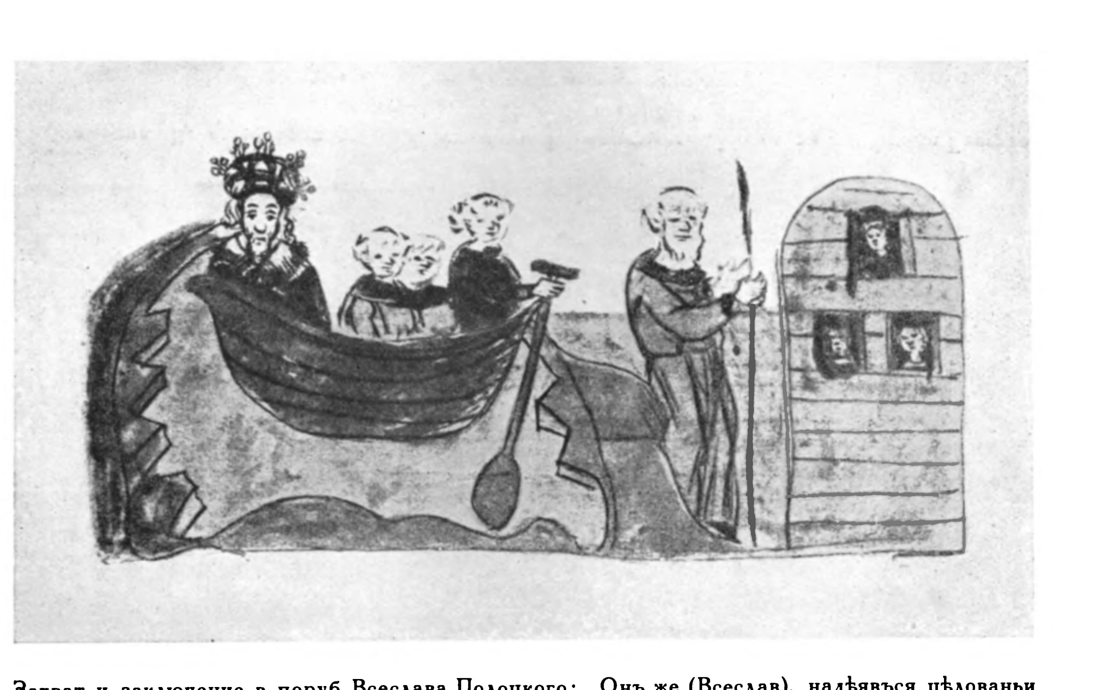
Такъ же бѣ и другый брат, именемь Еремия, иже помняше крещенье землѣ Руськыя. Сему бѣ даръ дарованъ от бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше в помышленьи, обличаше и втаинѣ, и наказаше блюстися от дьявола. Аще который братъ умышляше ити из манастыря, и узряше и, пришедъ к нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата. Аще *кому*[40] что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово.

Бѣ же и другый старець, именемь Матфѣй: бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящю в церкви на мѣстѣ своемь, възведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоять поюще по обѣма странами *на крилосѣ, и*[41] видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ ляха, в лудѣ, и носяща в приполѣ цвѣт*ъкъ*,[42] иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая из лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ в поющихъ от братья, мало постоявъ и раслабленъ умом, вину створь каку любо,

изидяше ис церкви, шедъ в кѣлью, и усняше, и не възвратяшется в церковь до отпѣтья; аще ли вержаше на другаго, и неприлняше к нему цвѣтокъ, стояше крѣпок в пѣньи, донде же отпояху утренюю, и тогда изидяше в кѣлью свою. Се же вида старець, повѣдаше братьи своей. Пакы же видѣ старець се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ, *сь*[43] же старець послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему единою,[44] сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подале церкве, видѣ се, яко толпа поиде, от воротъ, възведъ очи свои, видѣ единого сѣдяща на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имъ старець: „Камо идете?". И рече сѣдя на свиньи бѣсъ: „По Михаля по Тольбековича". Старець же знаменася крестнымь знаменьем, и приде в кѣлью свою. Яко бысть свѣтъ, и разумѣ старець, рече кѣлейнику: „Иди, впрашай, е ли Михаль в кельи?". И рѣша ему, яко „Давѣ скочилъ *есть*[45] со столпья по заутрени". И повѣда старець видѣнье се игумену и братьи. При сем бо старци Феодосий преставися, и бысть Стефанъ игуменъ, и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игуменъ. Тако же и ина многа видѣнья провидѣ[46] старець, и почи[47] в старости добрѣ в манастыри семь.

Яко се бысть другый черноризець, именемь Исакий, яко же и еще сущю ему в мирѣ, в житьи мирьстѣмь, и богату сущю ему, бѣ бо купець, родом торопечанинь, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующим и манастыремъ, и иде к великому Антонью в печеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ. И приять и Антоний, *и*[48] възложи[49] на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему Чернь. Сей[50] же Исакий въсприятъ житье крѣпко: облече бо ся во власяницю, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одра мѣхомъ козелъ, и *възвлече*[51] на власяницю, и осше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ, въ единой улици, въ кельици малѣ, яко четырь лакотъ, и ту моляше бога со слезами. Бѣ же ядь его

проскура едина, и та жеココ денъ, воды в мѣру пьяше. Приносяшеть же ему великый Антоний, и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣстяше рука, тако приимаше пищю. И того створи лѣт 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не лѣгавъ, но сѣдя мало приимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшется, сѣдяше на сѣдалѣ своем. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапу свѣт восья, яко от солнца,[52] в печерѣ, яко зракъ вынимая человѣку. И поидоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице ею̀, акы солнце, и глаго*ласта*[53] к нему: „Исакие! Вѣ есвѣ ангела, а се идеть к тобѣ Христос, падъ поклонися ему“. Он же не разумѣ бѣсовьскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, выступ*ивъ*[54] поклонися, акы Христу, бѣсовьску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: „Нашь еси, Исакие, уже“; *и*[55] введше ѝ в кѣльицю, и посадиша ѝ и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица печерская. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христосъ: „Възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте ат ны Исакий спляшеть“. И удариша в сопѣли *и*[56] в *гусли*,[57] и в бубны, *и*[58] начаша имъ играти. И утомивше ѝ, оставиша ѝ *оле жыва*,[59] и отъидоша, поругавшеся ему̀. Заутра же бывшю свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоний по обычаю ко оконцю, и глагола: „Господи, благослови, отче Исакие!“. И не бысть отвѣта; и рече Антоний: „Се уже преставился есть“. И посла в манастырь по Феодосья и по братью. И откопавше,[60] кде бѣ загражено устье, пришедше взяша ѝ, мертва мняще *и*[61] вынесше положиша ѝ пред пещерою. И узрѣша, яко живъ есть. И рече игуменъ Феодосий, яко „Се имать быти от бѣсовьскаго дѣйства“. И положиша ѝ на одрѣ *и*[62] служаше около его Антоний. В си же времена приключися прити Изяславу из Ляхов, *и*[62] нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава. И прис*лавъ*[63] *Святославъ*,[62] в ночь поя Антонья Чернигову. *Антоний же пришед к Чернигову*[62] възлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся всели. *И*[62] есть ту манастырь святое Богородици, на Болдиных горахъ, и до сего *дни*.[64]



Захват и заключение в поруб Всеслава Полоцкого: „Онъ же (Всеслав), надѣявъся цѣлованьи креста, переѣха в лодьи чересъ Днѣпръ... Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и́ (Всеслава) в порубъ съ двѣма сынома“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 97 об.

Освобождение Всеслава из поруба восставшими киевлянами: „Людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 99 об.

Расправа Мьстислава с восставшими киевлянами: „И пришед Мьстиславъ, исѣче кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 101 об.

Расправа князя Глеба с волхвом в Новгороде: „Глѣбъ же, вынемь топоръ, ростя и҆ (волхва), и паде мертвъ, и людье разидошася“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 106.

Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний шелъ Чернигову, шедъ с братьею взя Исакия и принесе и̂ к собѣ[65] в кѣлью, и служаше около его, бѣ бо расслабленъ тѣломь, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ, подъ ся *поли*ваше,[66] многажды и червье въкыняхуся подъ бедру ему с моченья и с полѣванья. Феодосий же сам своима рукама омываше и спряташеть и̂, за 2 лѣта *се сотвори около его. Се же бысть дивно чюдно; яко за 2 лѣта лежа си ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни от какаго брашча, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глух лежа за 2 лѣта.*[62] Феодосий же моляше бога за нь, и молитву творяше над нимь день и нощь, донде же на 3-ее лѣто проглагола, и слыша*ти*[67] и на ногы нача встаяти акы младенець, и нача ходити. И не брежаше в церковь ходити, нужею привлечахуть *и* к церкви; *и тако по малу научиша и.*[62] И посем научи *и̂*[68] на тряпезницю ходити, и посажа*ху*[69] и̂ кромѣ братьи, *и*[62] положаху пред ним хлѣбъ, и не възмяше его, но ли вложити в руцѣ ему. Феодосий же рече: „Положите хлѣбъ пред ним, а не вкладайте в рукы ему, атъ сам ѣсть“, и не *б*реже[70] за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти и тако избави *и*[68] Феодосий от козни дьяволя. Исакий же всприятъ въздержанье пакы жестоко. Феодосью же преставльшюся, и Стефану в него мѣсто бывшю, Исакий же рече: Се уже прелстил мя еси былъ дьяволе, сѣдяща на едином мѣстѣ; а уже не имам ся затворити в печерѣ, но имам тя побѣдити, ходя в манастырѣ. И облечеся въ власяницю и на власяницю свиту вотоляну, и нача уродство творити, и помагати поча поваром, варя на братью. И на заутреню ходя[71] преже всѣх, стояше крѣпко и неподвижимо. Егда же приспѣяше зима и мрази лютии, *стояше*[72] в прабошнях в черевьях в протоптаных, яко примерзняшета нозѣ его *к*[73] камени, и не движаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше в поварьницю, и приготоваше[74] огнь, воду, дрова, и придяху прочии повари от братьѣ. Един же поварь[75] тако же бѣ именем тѣм же, Исакий, и рече посмихаяся Иса-

кию: „Оно ти сѣдить вранъ черный, иди, ими й". Он же, поклонивъся ему до землѣ, шедъ я ворона и принесе ему предо всѣми повары, и ужасошася, *и*[76] повѣдаша игумену и братьи, и начаша братья чтити й. Онъ же, не хотя славы человѣчскыя, нача уродьство творити, *и*[76] пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мирьскым человѣкомъ, да друзии раны ему даяху. И поча по миру ходити, тако же уродом ся творя. Вселися в печеру, в ней же преже былъ, уже бо *бѣ*[76] Антоний преставился, и совъкупи к собѣ уных, и вскладаше на нь порты чернечьскыя, да ово от игумена Никона приимаше раны, ово от родитель тѣхъ дѣтьскых. *Сей*[77] же то все терпяше, приимаше раны и наготу, *и*[76] студень день и нощь. Въ едину бо нощь вжегъ пещь в ыстобцѣ у пещеры, яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами. Оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма, ста на пламени, дондѣ же изгорѣ пещь, *и*[76] излѣзе. И ина многа повѣдаху о немь, а другое и самовидець бых. И тако взя побѣду на бѣсы, яко *и*[76] мухы ни во что же имяше страшенья ихъ и мечтанья ихъ, глаголашеть бо к нимъ: „Аще мя бѣсте прелстили в печерѣ первое, понеже не вѣдяхъ козний ваших, и лукавьства; нонѣ же имамъ господа Иисуса Христа и бога моего и молитву отца моего Феодосья, надѣюся *на Христа*,[76] имам побѣдити *вас*".[76] Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему, и глаголаху: „Нашь еси, и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ". Он же глаголаше: „Вашь старѣйшина антихрестъ есть, а вы бѣсы есте". *И*[78] знаменаше лице свое крестнымъ образом, и тако ищезняху. Овогда же пакы в нощи прихожаху к нему, страхъ ему творяче в мечтѣ, яко се многъ народъ, с мотыками, *и*[76] лыскарѣ, глаголюще: „Раскопаемъ печеру сию, и сего загребем здѣ". Ини же глаголаху: „Бѣжи, Исакие, хотять *тя*[76] загрести". Он же глаголаше к нимъ: „Аще бысте человѣци *были*,[76] то въ дне бы есте пришли, а вы есте тма, и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ". И знамена я крестомъ *и*[76] ищезнуша. Другоици бо страшахуть й въ образѣ медвѣжи; овогда же лютым звѣремь, ово въломъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, *и*[76] мыши

и всякъ гадъ. *И*[76] не могоша ему ничто же створити, и рѣша ему: „Исакие! Побѣдил еси нас“. Онъ же рече: „Якоже бѣсте мене вы *первое*[76] побѣдили въ образѣ Иисусу Христовѣ и въ ангельстѣмь, недостойни *су*ще[79] того видѣнья; но се поистѣнѣ являетеся топерво въ образѣ звѣринѣмь и скотьемь, и змеями, и гадом, аци же и сами есте *скверни и зли в видѣнии. И абие погибоша бѣси от него,*[76] и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ, яко же самъ повѣдаше се яко „Се бысть ми за 3 лѣта брань си“. Потомь поча жити крѣплѣ и въздержанье имѣти пощенье *и*[76] бдѣнье. И тако живущю ему, скончა житье свое. И разболѣся в печерѣ, и несоша и̓ болна в манастырь, и до осмаго дне о господѣ скончася. Игумен же Иоанъ и братья спрятавше тѣло его, и погребоша и̓.

Таци ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять бога за сдѣ сущюю братью, и за мирьскую братью, и за приносящая въ манастырь, в нем же и донынѣ добродѣтелное житье живуть, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу богу всемогущему, и Феодосьевами молитвами сблюдаеми, ему же слава *в вѣки,*[76] аминь.

В лѣто 6583. Почата бысть церкы Печерьская надъ осно- *1075* ваньемь Стефаномь игуменомь; изъ основанья бо Феодосий почалъ, а на основан*ии*[80] Стефанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца иуля 11 день. В се же лѣто придоша сли из нѣмець къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое. Они же видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и поволокы, и рѣша: „Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего“. Сице ся похвали Иезекий, цесарь июдѣйскъ, к *послом*ъ[81] цесаря асурийска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье расыпася разно.

В лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, *1076* сынъ Святославль, ляхомъ в помочь на чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27,

от рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса. И сѣде по немь Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря, *в 1 день*.[82]

1077 В лѣто 6585. Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю к Романови. Всеволодъ же *иде*[76] противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, мѣсяца иуля 15 день, Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

1078 В лѣто 6586. Бежа[83] Олегъ, *сынъ*[76] Святославль, Тмутороконю от Всеволода, мѣсяца априля *10*.[76] В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии. Бѣ *же*[84] Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день. Сѣдящю Святополку в него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ и побѣдиша половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичь, и Тукы, Чюдинь братъ, *и*[85] Порѣй,[86] и ини мнози, *мѣсяца августа*[85] въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взищеть богъ от руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленыа[87] душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде к брату своему Изяславу Киеву, цѣловавшася[88] и сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: „Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ? Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю, брату своею? Не блудилъ ли бѣх по чюжимъ землям, имѣнья лишенъ,[89] не створих зла ничто же? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будеть нама причастье в Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба. Азъ сложю главу свою

за тя". И се рек, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои от мала до велика. И поиде Изяславъ съ Ярополъкомъ, сыномъ своим, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и черниговци затворишася в градѣ. Олег же и Борисъ *не*[90] бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, от Стрежени, и отя врата, и *взяша*[91] градъ околний, и пожгоша и҆, людемъ же вбѣгшим въ дънѣшний градъ. Изяслав же и Всеволодъ слышаста, яко идеть Олегъ и Борисъ противу, Изяслав же и Всеволодъ уранивше, поидоста от града противу Олгови. Рече же Олегъ к Борисови: „Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ, но пос*ли*вѣ[92] с молбою къ стр*ы*ема[93] своима". И рече ему Борисъ: „Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ"; похваливъся велми, не вѣдый, яко богъ гордымъ противится, смѣренымъ даеть благодать, да не хва*лить*ся[94] силный силою своею. И по*и*доста[95] противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла. Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. Изяславу же стоящю въ пѣшцихъ, и внезапу приѣхавъ единъ, удари и҆ копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Продол*жене*[96] бывъши сѣчи, побѣже Олегъ в малѣ дружинѣ, и одва утече, бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть княвь Изяславъ мѣсяца октямбря въ 3 день. И веемше тѣло его, привезоша и҆ в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и҆, съ пѣснми попове и черноризци понесоша и҆ в град. И не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи велицѣ *и*[97] вопли; плака бо ся по немь весь град Киевъ, Ярополкъ же идяше по немь, плачася с дружиною своею: „Отче, отче мой! Что еси пожилъ бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти приимъ от людий и от братья своея? Се же погыбе не от брата, но за брата своего положи главу свою". И принесше положиша тѣло его в церкви святыя Богородица, вложивъше и҆ в раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ

красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немь лсти, но простъ мужь умом, не воздая[98] зла за зло. Колико бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не вьзда[99] противу тому зла. Аще ли кто дѣеть вы: сѣчець исѣче, то не сь то створи, но сынъ его. Пакы же брата его прогнаста и̂, и ходи по чюжей земли, блудя. И сѣдящю ему пакы на столѣ своемь, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, не рече ему: „Колико от ваю приняхъ?“, не вдасть зла за зло, но утѣши, рек: „Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарек мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя“, еже и бысть. Не рече бо ему: „Колико зла створиста мнѣ, и се нонѣ тобѣ ся сключи“, не рече: „Се кромѣ мене; но на ся перея печаль братнюю, показая любовь велику, свершая апостола, глаголюща: „Утѣшайте печалныя“. По истинѣ, аще что створилъ есть в свѣтѣ семь, етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но *за*[90] братню обиду. О сяковыхъ бо господь рече: „Да кто положить душю свою за другы своя“. Соломонъ же рече: „Братья, в бѣдах пособива бывають“. Любы бо есть выше всего. Яко же Иоан глаголеть: „Богъ любы есть, пребываяй в любви, в бозѣ пребываеть, и богъ в немь пребываеть. О семь свершается любы, да достоянье имам в день судный, да яко же онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь. Боязни нѣсть в любви, но свершена любы вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученье имать. „Бояй же ся нѣсть свершенъ в любви. Аще кто речеть: любьлю бога, а брата своего ненавижю, ложь есть. Не любяй бо брата своего, его же видить, бога, его же не видить, како можеть любити? Сию заповѣдь имам от него, да любяй бога любить брата своего“. В люб*ви*[XIV,1] бо все свершается. Любве ради и грѣси расыпаются. Любве бо ради сниде господь на землю и распяться за ны грѣшныя, вземъ грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовьское. Любве

ради мученици прольяша крови своя. Любве же ради сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь господню.

Начало княжения Всеволожа в Киеве.[2] Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, *приимъ*[3] власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половци къ Воину. Всево- *1079*
лодъ же ста у Переяславля, и створи миръ с половци. И възвратися Романъ с половци въспять, *и*[2] убиша и̓ половци, мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ *лежаче тамо,*[2] сына Святославля, внука Ярославля. А Олга емше *козаре*[2] поточиша и̓ за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

В лѣто 6588. Заратишася торци переяславьстии на Русь, *1080*
Всеволодъ же посла *на ня*[2] сына своего Володимера. Володимеръ же шедъ побѣди търкы.

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревичь Давыдъ с Володаремь Рости- *1081*
славичемь, мѣсяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани.

В лѣто 6590. Осень умре, половечьскый князь. *1082*

В лѣто 6591. Приде Олегъ из Грекъ Тмутороканю; и я̓ Да- *1083*
выда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани. *И*[4] исѣче козары, иже бѣша свѣтници на убь*енье*[5] брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ *1084*
день. В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедш*а*[6] прогнаста Ярополка, и посла Всево*лодъ*[7] Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. Всеволодъ же, пославъ, приведе и̓, и вда ему Дорогобужь.

В лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, по- *1085*
слушавъ злых совѣтникъ.[8] Се увѣда*въ*,[9] Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ

матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа в Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася лучане. Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а матерь Ярополчю, и жену его и дружину его приведе Кыеву, и имѣнье веземъ его.

1086 В лѣто 6594. Приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромь, и иде Володимеръ вспять Чернигову. Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдев мало *дний*,[10] иде Звенигороду. И не дошедшю ему града, и прободенъ бысть от проклятаго Нерадьця, от дьяволя науче*нъ*[11] и от злыхъ человѣкъ. Лежащю *ему*[12] ту на возѣ, саблею с коня прободе й, мѣсяца ноямбря въ 22 день. И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великым гласомь: „Охъ, тот мя враже улови". Бѣжа Нерадець треклятый[13] Перемышлю к Рюрикови, и Ярополка веземше отроци на конь передъ ся, Радъко, Вънкина *и*[14] инии мнози, несоша й Володимерю, а оттуду Кыеву. *И*[14] изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ с своима сынъма, — с Володимеромь и Ростиславомь, — и вси боляре, и блаженый митрополитъ Иоан с черноризци и с прозвутеры. И вси кияне великъ плачь створиша над нимь, со псалмы и пѣснми проводиша й до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, с честью положиша й в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приятъ, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженый сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше бога всегда, глаголя: „Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, от *чюжею*[15] руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, *и*[14] избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражии". Его же прошенья не лиши его благый богъ: въсприя благая она, их же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова богъ любящимъ его.

Погребение Глеба.

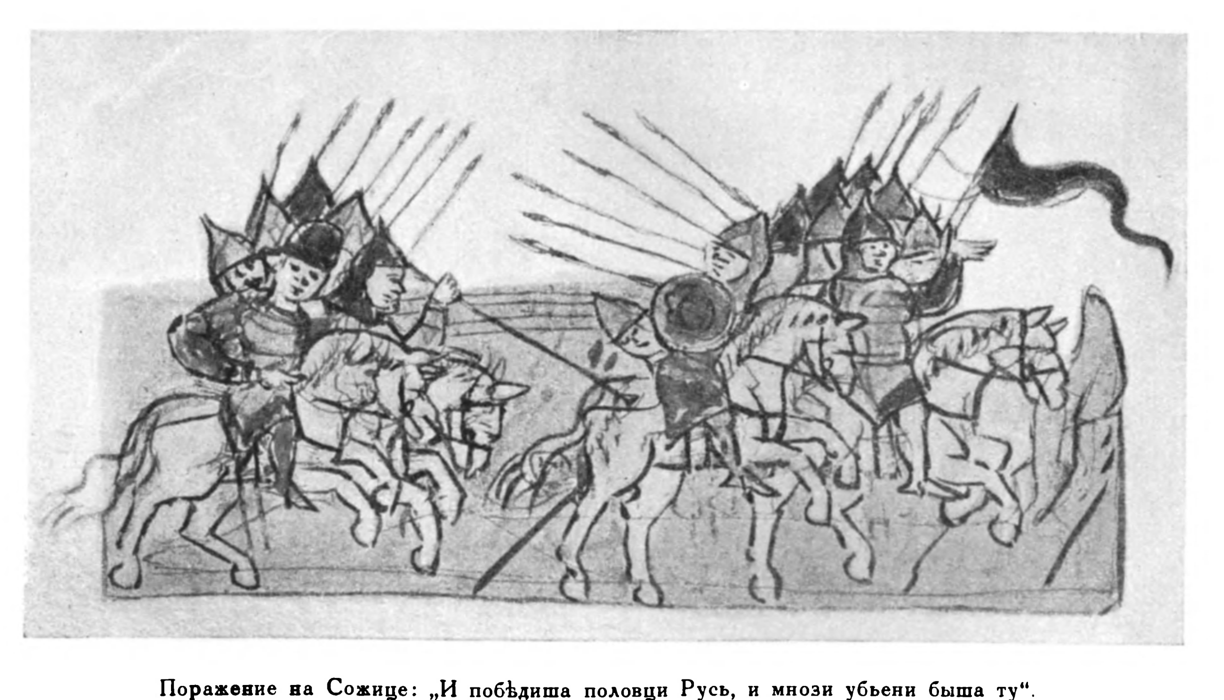
Миниатюра Сильвестровского сборника XIV в.

Пир по поводу построения князем Изяславом церкви в честь Бориса и Глеба в Вышгороде.

Миниатюра Сильвестровского сборника.

Исакий пляшет под музыку бесов: „И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ат ны Исакий спляшеть». И удариша в сопѣли, и в гусли, и в бубны, и начаша имъ играти“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 112.



Поражение на Сожице: „И побѣдиша половци Русь, и мнози убьени быша ту“.

Миниатюра Радзивиловской летописи л. 115 об.

В лѣто 6595. 1087

В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаила ма- 1088
настыря Всеволожа митрополитомь Иваномь *и епископы Лукою, Исаиемъ, Иваномъ*,[16] а игуменьство тогда держащю того манастыря Лазъреви. *Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити. В се же лѣто умре Никонъ игуменъ Печерскый. В се же лѣто възяша болгаре Муром.*

*В лѣто 6597. Священа бысть церкви Печер*ская[16] святыя 1089
Богородица манастыря Феодосьева Иоаномь митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородьскымь епископомь, Исаиемь, Черниговьскым епископомь, при благородьнѣмь князи Всеволодѣ, державн*емь*[17] Русьскыя земля, и чад*у*[18] его, Володимере[19] и Ростиславе,[20] воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи, игуменьство держащю Иоану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть сякъ. В се лѣто иде Янъка *в Грекы, дщи*[16] Всеволожа, реченая[21] преже. *И*[16] приведе Янка митрополита Иоана скопьчину, его же *видѣвше*[22] людье вси рекоша: Се *навье*[23] пришелъ". От года бо до года пребывъ умре. Бѣ же сей[24] мужь *не*[22] книженъ, но умомъ простъ и *просторѣкъ*.[25] В се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила *Переяславьская*[22] Ефрѣмом, митрополитомь тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды.[26] *Сий*[27] бо Ефрѣмъ бѣ скопець, высокъ тѣломъ. Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное *камено*,[22] сего же не бысть преже в Руси. И град бѣ заложилъ каменъ, от церкве святаго мученика Феодора, *и украси город Переяславьский здании церковными*[22] и прочими зданьи.

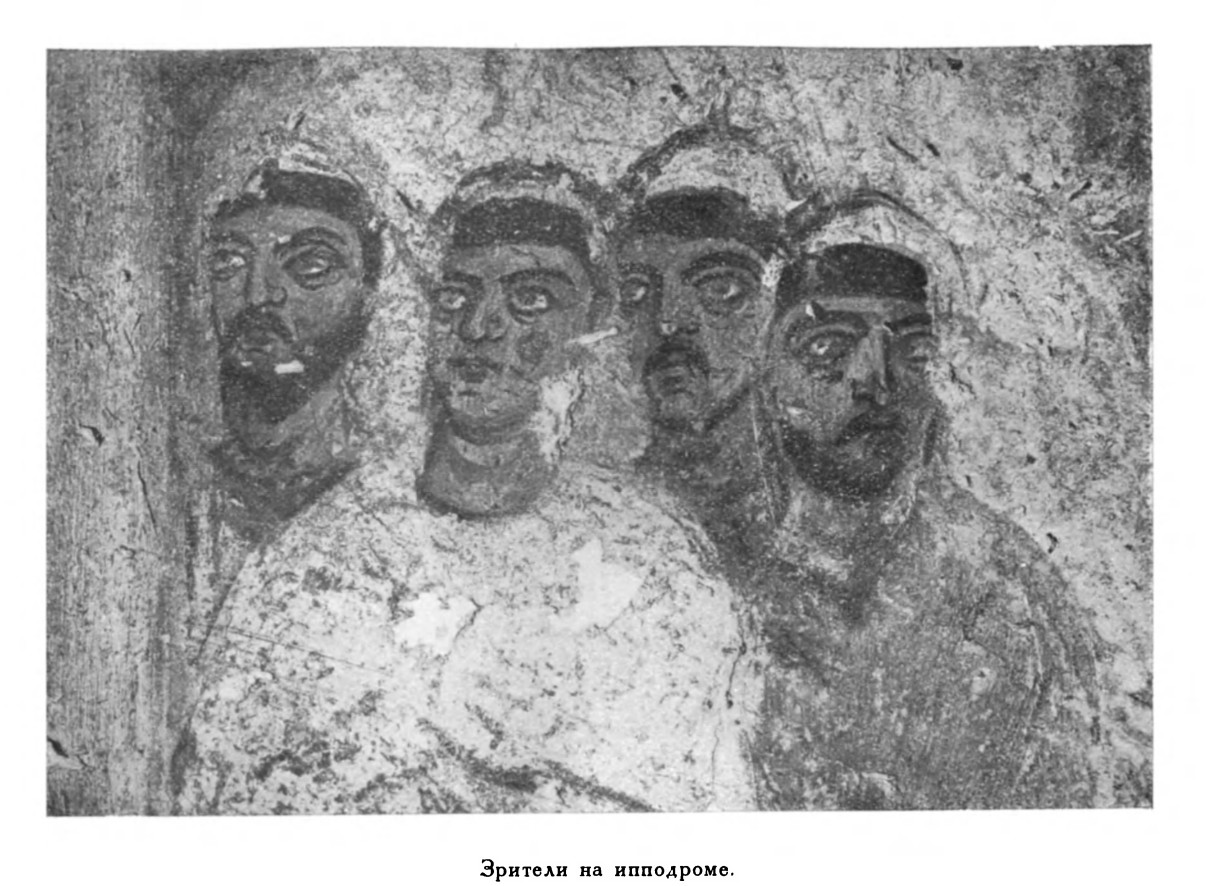
1091 В лѣто 6599. Игуменъ и черноризци съвѣтъ[28] створше, рѣша: „Не добро есть лежати отцю нашему Феодосьеви кромѣ манастыря *и*[22] церкве своея, понеже *той*[29] есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ“. Совѣтъ[30] створше, повелѣша устроити мѣсто, идѣ же положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ треми деньми, повелѣ игуменъ рушити кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Феодосья, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидець, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: „Поидевѣ в печеру к Феодосьеви“. Азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никому же, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: „Не мози повѣдати никому же *от братьи, да не увѣдаеть никто же*;[22] но поими, его же хощеши, да ти поможеть“. Азъ же пристроихъ *семь*[31] дний рогалие, ими же копати. И въ вторникь, вечер *в сумо-рок*,[32] пояхъ с собою 2 брата, не вѣдущю никому же, придох в печеру, и отпѣвъ псалмы, почах копати. *И*[32] *у*трудився[33] вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же вземъ рогалью начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „Удар*иша*[34] в било“. И азъ в тѣ[35] чинъ прокопах на мощѣ Феодосьевы. Оному глаголющю ко мнѣ: „Udариша в било“; мнѣ же рекущю: „Прокопахъ уже“. Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начах звати: „Господи помилуй!“. О се чинь же сѣдяста 2 брата в манастыри, еда игуменъ, утаивъся, нѣ с *кымъ*[36] пренесеть его отай, к печерѣ зряща. Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, иде же положенъ бысть Феодосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игуменъ, — в се же время бысть епископъ, — видѣ въ своемь манастыри чрес поле зарю велику надъ печерою; мнѣвъ, яко несуть Феодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемь единѣмъ, и сжаливъси, яко без него преносять[37] и, всѣдъ на конь, вборзѣ поѣха, поимъ с со-

бою Климе*н*та[38] его же игумена постави в свое мѣсто. И идяста, видуче зарю велику. *И*[39] яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста к печерѣ, *и*[32] не видѣста ничто же, и придоста дну в печеру нам сѣдящемъ у мощий его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: „Приди да вынемемъ й". Игумен же приде з двѣма братома; *и*[32] прокопах велми, и влѣзохом, и *видѣхом*[32] лежащь мощьми, но состави[40] не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. *И*[32] взложьше й на вариманътью и *earth* вынесоша й предъ пещеру. На другый же день собрашася епископи: Ефрѣмъ Переяславьскый, Стефанъ Володимерьскый, Иоан Черниговьскый, *Маринъ Гурьгевьский*,[32] игумени от всѣхъ манастыревъ с черноризци; придоша и людье благовѣрнии, и взяша мощѣ Ѳеодосьевы с тѣмьяномъ и съ свѣщами. И принесше положиша й в церкви своей ему, в притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лѣта . . . *И*[32] праздноваша свѣтло въ тъ день.

Се же повѣмь мало нѣчто, еже ся събысть прореченье Феодосьево: игуменьство бо Феодосью держащю в животѣ своемь, правящю стадо, порученое ему богомь, черноризци, не токмо *же*[42] си едины, но и мирьскыми печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися, паче же о духовныхъ сынѣхъ своихъ, утѣшая и наказая приходящая к нему, другои*ци*[43] в домы ихъ приходя и благословенье имъ подавая. Единою бо ему пришедшю в домъ Яневъ къ Яневи и к подружью его Марьи, — Федосий бо бѣ любя я̀, зане же живяста по заповѣди господни и в любви межи собою пребываста, — единою же ему пришедшю к нима, и учашеть я̀ о милостыни къ убогымъ, о цесарьствии небеснѣмь, еже прияти праведником, а грѣшником муку, *и*[41] о смертнѣмь часѣ. И се ему глаголющю *и*[41] о положении тѣла в гробѣ има, рече ему *Яневая*.[44] „Кто вѣсть, кдѣ си мя положать?". Рече же ей Феодосий: „Поистинѣ идѣ же лягу азъ, ту и ты положена будеши". Се же сбысться. Игумену же бо преставльшюся преже, о 18 лѣто се сбысться: в се бо лѣто преставися Яневая, именемь Марья, мѣсяца августа

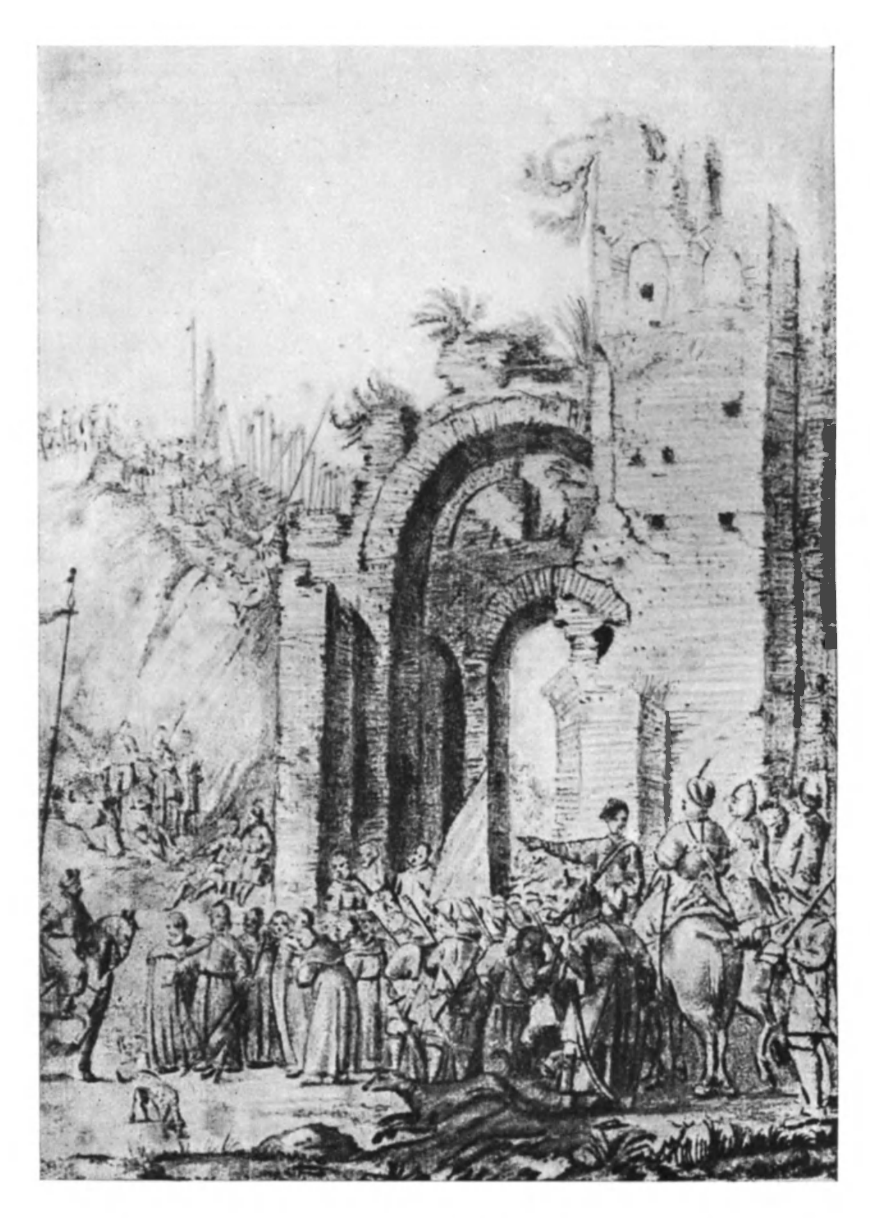
16 день, и пришедше черноризьци, пѣвше обычныя пѣсни, и принесше[45] положиша ю̀ в церкви святыя Богородиця, противу гробу Феодосьеву, на шюей странѣ. Феодосий бо положенъ бысть въ 14, а *сия*[46] въ 16.

Се же сбысться прореченье блаженаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с расмотреньемь, блюда ихъ и бдя за *ня*,[47] моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьяньскыя, за землю Русьскую, иже и по *от*шествии[48] твоемь от сея жизни молишися за люди вѣрныя и за своя ученикы, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, *и*[49] прославляють бога. Азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ недоумѣю, чимь похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто: „Радуйся, отче нашь и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, богу послужилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомь житьи, всяко собѣ принесенье божественое принеслъ еси, пощеньемь превозвышься, плотьскых страстий и сласти възненавидѣвъ, красоту и желанье свѣта сего отринувъ, вслѣдуя стопам*а*[50] высокомысленымъ отцемь, ревнуя *им*,[51] молчаньем възвышаяся, смѣреньем и украшаяся, в словесѣхъ книжных веселуяся. Радуйся, укрѣплься надежею вѣчныхъ благъ, *их же*[52] приимъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконья и мятежь, преподобне, бѣсовьскых козн*ей*[53] избѣгъ и от сѣти его с праведными, отче, почилъ еси, въсприимъ противу трудомъ своимъ възьмездье, отцемь наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя“. Паче же ревноваше великому Феодосью нравомь и житьемь, подобяся житью его и въздеръжанью ревнуя, послѣдьствуя обычаю его, и преходя от дѣла в дѣло уньшее, и обычныя молбы богу въздая, в воню благоуханья принося кадило молитвеное, темьянъ благовоньный. Побѣдивъ мирьскую похоть и миродержьця князя вѣка сего, супротивника поправъ дьявола и его козни, побѣдникъ явися, противным его стрѣлам и гордымъ помысъломь ставъ супротивно, укрѣпивъся оружьемь крестнымь и вѣрою



Зрители на ипподроме.

Деталь фрески южной башни киевской Софии.



Золотые ворота.

По рисунку XVII в. голландского художника Вестенфельда.

Новгородская София. 1045 г.

Елена царица.

Деталь фрески новгородской Софии (по определению Ю. Н. Дмитриева — наружная фреска XI в.).

непобѣдимою, божьею помощью. Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сѣти неприязнины, и от противника врага сблюди мя твоими молитвами.

В се же лѣто *бысть*[54] знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия 21 день. В се же лѣто бысть, Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змий отъ небесе, *и*[55] ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лѣто[56] волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

В лѣто 6600. Предивно бысть *чюдо*[54] Полотьскѣ въ мечтѣ:[57] *1092* бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. По семь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тѣмь и человѣци глаголаху: яко *навье*[58] бьють полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска. В си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. В се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; *и*[59] многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бяше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Пѣсоченъ, Переволоку, *Прилукъ*,[54] и многа села воеваша по обѣма странома. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Василькомь Ростиславичемь. В се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. В си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, яко же глаголаху продающе *и*[60] корсты, яко „Продахомъ корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячь“. Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши *и*[59] неправды. Се же наведе на ны богъ, веля нам имѣти покаянье и въстягнутися от грѣха, и от зависти и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнинъ.

1093 В лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися великый князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь, мѣсяца априля

въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстнѣй и дни сущю четвертку, в онь же положенъ бысть въ гробѣ в велицѣй церькви святыя Софья. Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци, *и*,[59] подаяше требованье имъ. Бѣ же и самъ въздержася от пья*нь*ства[61] и от похоти, тѣмь любимъ бѣ отцемь своимъ, яко глаголати отцю к нему: „Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемь, то егда богъ отведеть тя от житья сего, да ляжеши, иде же азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“. Се же сбысться *глаголъ*[59] отца его, яко же глаголалъ бѣ. Сему приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего. С*ь*[62] же Кыевѣ княжа, быша ему печали бол*ьши*[63] паче, неже сѣдящю ему в Переяславли. Сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему от сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти ***ов сея, ово же другие; сей же, омиряя их, раздаваше власти***[64] имъ. В сихъ печал*и*[65] всташа и недузи ему, *и*[64] приспѣваше старость к симъ. И нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити ѝ, негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати, сему не вѣдущ*у*[66] в болѣзнех своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего[67] Володимера Чернигову. Пришедшю Володимеру, видѣвъ ѝ велми болна сýща, и плакася.[68] Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко и *приложися*[69] ко отцемъ своимъ, княживъ лѣт 15 Кыевѣ, а в Переяславли лѣто, а в Черниговѣ лѣто. Володимеръ же плакавъся с Ростиславомъ, братом своимъ, спрятаста тѣло его. И собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простни людье, *и*[64] вземше тѣло его, со обычными пѣсньми положиша ѝ въ святѣй Софьи, яко же рекохом преже.

Володимеръ нача размышляти, река: „Аще сяду на столѣ отца своего, то имам рать съ Святополком взяти, яко есть столъ преже отца[70] его былъ“. И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшю велику дни, прешедши Празднѣй недѣли, в день антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день, приде Святополкъ Кыеву. *И*[64] изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша ѝ с радостью, *и*[64] сѣде на столѣ отца своего и стр*ыя*[71] своего. В се время поидоша половци на Русьскую землю; слышавше яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и стр*ыя*[71] своего, сов*ѣ*тъ[72] створи с пришедшими с нимъ, *и*[64] изъимавъ слы, всажа ѝ в-истобъку. Слышавше же се половци, почаша воевати. И придоша половци мнози, и оступиша Торцийскый град. Святополкъ же пусти слы половецьскыѣ, хотя мира. И не всхотѣша половци мира, и ступиша половци воюючи. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на н*я*.[73] И рѣша ему мужи смыслении: „Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой“. Он же рече: „Имѣю отрокъ своих 700, иже могуть противу имъ стати“. Начаша же друзии несмыслении глаголати: „Поиди, княже“. Смыслении же глаголаху: „Аще бы *ихъ*[64] пристроилъ и 8 тысячь, не лихо т*и*[74] есть: наша земля оскудѣла есть от рати и от продажь. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помоглъ“. Святополкъ же, послушавъ ихъ, посла к Володимеру, да бы помоглъ ему. Володимеръ же собра вои свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшю Киеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и уладивш*а*ся,[75] цѣловаста крестъ межи собою, половцемъ воюющим по земли, и рѣша има мужи смыслении: „Почто вы распря имат*а*[76] межи собою? А погании губять землю Русьскую. Послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью“. Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати. И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю,

и[77] придоша къ Стугнѣ.[78] Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на совѣтъ,[79] хотяче поступити чересъ рѣку, и начаша думати. *И*[80] глаголаше Володимеръ, яко „Сдѣ стояче чересъ рѣку, в грозѣ сей, створимъ миръ с ними". И пристояху совѣту сему смыслении мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша *совѣта сего,*[81] но рекоша: „Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки". *И*[82] възлюбиша съвѣтъ[83] сь, и преидоша Стугну рѣку. Бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша. И идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ. *И*[82] минувше Треполь, проидоша валъ. И се половци идяху противу, и стрѣлци *противу*[82] предъ ними; нашимь же ставшимъ межи валом*а*,[84] поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стягы своѣ, и налег*о*ша[85] первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратных противленья и *послеже*[82] побѣже Святополкъ. Потомь наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ *и вои его.*[82] *И*[81] прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ с Ростиславомъ, *и*[82] нача утапати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же п*р*ебредъ[86] рѣку с малою дружиною, — мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша, — и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, и *иде*[87] Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже в Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву. Половци же видѣвше сдолѣвше пустиша по земли воююче, а друзии възвратишася к Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша в рѣцѣ; *и*[82] вземше принесоша й Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. И собрашася епископи и по-

Примирение Всеволода и Изяслава: „Всеволод же приде к брату своему Изяславу Киеву, цѣловавшася и сѣдоста“.

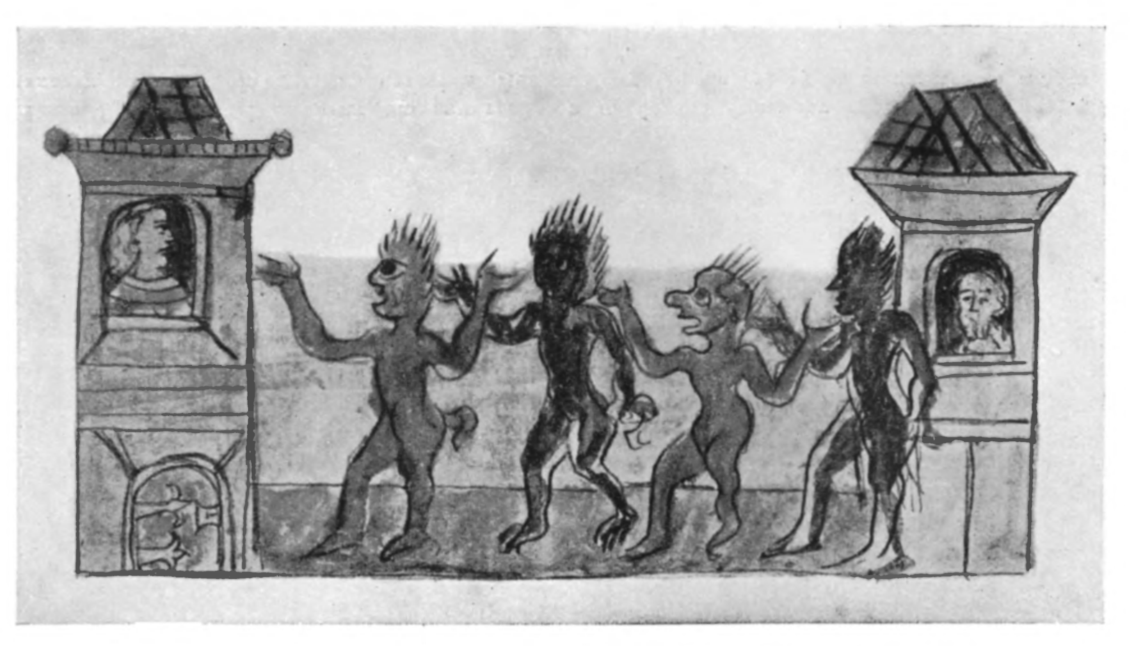
Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 115 об.

Военные действия под Черниговом: „Володимеръ же (Мономах) приступи ко вратомъ всточнымъ, от Стредени, и отя врата, и взяша градъ околный, и пожгоша и̓ (его)“.

Миниатюра Радзивиловской летописи. л. 116.

Убийство Ярополка: „И не дошедшю ему града, и прободенъ бысть от проклятаго Нерадьця, от дьяволя наученъ, и от злыхъ человѣкъ. Лежащю ему (Ярополку) ту на возѣ, саблею с коня прободе й (его)“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 119.



Изображение морового поветрия в Полотске: „Предивно бысть чюдо Полотьскѣ въ мечтѣ: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 124.

пове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша и̂ у церкви святыя Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся торкомъ и крѣпко борющимъся из града, убиваху многы от противных. Половци же начаша налѣгати, и отъимаху воду, и изнемагати начаша людье в градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: „Аще не пришлеши брашна, предатися имамы". Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися в градъ множьствомь вой ратных. *И*[81] стояш*а*[88] около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: един*и*[89] сташа у града, рать борюще, а друзии поидоша Кыеву, *и*[82] пустиша на воропъ межи Киевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде[90] на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣписся брань. *И*[82] побѣгоша наши пред иноплеменьникы, *и*[82] падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша, *и быша*[82] мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Киеву самъ третий, а половци возвратишася к Торцьскому. Быша си злая мѣсяца иуля въ 23. Наутри*я* же[91] въ 24, въ свят*у*ю[92] мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь *великъ*[82] в градѣ, а не радость, грѣхъ ради наших великихъ и неправды, за умноженье безаконий наших.

Се бо на ны богъ попусти поганы*я*,[93] не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых дѣлъ. Симь казнить ны нахоженьемь поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего. Сего ради в праздникы богъ нам наводить сѣтованье, яко же ся створи в се лѣто первое зло на Възнесенье господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради пророкъ глаголаше: „Преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье". *Сотвори бо ся плачь великъ в*[94] земли *н*ашей,[95] опустѣша села наша и городи наши, быхом бѣгаючи пред врагы нашими. Яко же пророкъ глаголаше: „Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящии вас, и побѣгнете, никому женущю вас. Скрушю руганье гордыни вашея, и будеть

в тщету крѣпость ваша, убьеть вы приходяй *мечь,*[96] *и*[94] будеть земля ваша пуста, и двори ваши пусти будуть. Яко вы худи есте и лукави, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою". Тако глаголеть господь богъ израилевъ. *Ибо*[97] лукавии сынове измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемь, да не чюдится никто же о семь: „Идеже множьство грѣховъ, ту видѣнья всякого показанье". Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведуться полонени, друзии посѣкаеми бывають, *друзии на месть даеми бывають,*[94] горкую смерть приемлюще, друзии трепечють, зряще убиваемых, друзии гладомъ умаряеми и водною жажею. Едино прѣщенье, едина казнь, многовещныя имуще раны, различныя печали и страшны мукы, овы вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держими и ураняеми. И се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьяньствѣ родѣ страхъ, и колѣбанье *и*[94] бѣда упространися. Праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имем, кажеми есмы: подобаше нам „*Преданымъ быти*[98] в рукы языку странну и безаконьнѣйшю всея земля". Рцѣмъ велегласно: „Праведенъ еси, господи, и прави суди твои". Рцѣмъ по оному разбойнику: „Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхом". Рцѣмъ и со Иовомъ: „Яко господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя господне благословено в вѣкы". Да *на*хожениемъ[99] поганых и мучими ими владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахом; прославлени бывше, не прославихом; почтени бывше, не почтохом; освятившеся, не разумѣхом; куплени бывше, не поработахом; породивъшеся, не яко отца постыдѣхомся. Согрѣшихомъ, и казними есмы; яко же створихом, тако и стражем: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, иде же пасом*а*[100] бѣша стада конь, овця и волове, все тъще[XV,1] нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость божью; кажеть бо ны добрѣ благый владыка, „Не по безаконью нашему створи нам и по грѣхомъ нашим въздасть нам"; тако подобаеть благому владыцѣ казати не по множьству грѣховъ. Тако господь створи нам: созда, падшая *въстави,*[2] Адамле пре-

ступленье прости, баню нетлѣнья дарова и свою кровь за ны излья. Яко же ны видѣ не право пребывающа, нанесе нам сущюю рать и скорбь, да *и*[3] не хотяще всяко в будущий вѣкъ обрящем милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость в будущий вѣкъ обрящеть и лготу от мукъ, не мьстить бо господь дважды о томь. О неиздреченьному человѣколюбью! яко же видѣ ны *не*волею[4] к нему обращающася. О тмами любве, еже к намъ! понеже хотяще уклонихомся от заповѣдий его. Се уже не хотяще терпим, се с нужею, *и*[3] понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? Ноне же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицам упространися избьеных ради, иже избиша безаконьнии.

Половци воеваша много, и възвратишася к Торцьскому, и изнемогоша людье в градѣ гладомь, и предашася ратнымъ. Половци же, приимше град, запалиша и̂ огнем, *и*[5] люди раздѣлиша, и ведоша в вежѣ к сердоболем своимъ и сродником своимъ; мъного роду хрестьяньска: стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; незнаем*ою*[6] страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „Азъ бѣхъ сего города“, и други: „Язъ сея вси“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюче, очи возводяще на небо к вышнему, свѣдущему тайная.

Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими богомь есмы! Да не будеть. Кого бо тако богъ любить, яко же ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же! Им же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣх почтени бывше, горѣе всѣх сдѣяхом грѣхы. Якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, владычню волю *ведуще*,[7] и презрѣвше, в лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбря въ 1 день; а погребенъ

бысть ноямбря въ 16, в церкви святыя Богородиця Десятиньныя.

1094 *В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с половци, и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго.*[3] Том же лѣтѣ приде Олегъ с половци ис Тъмутороконя, *и*[3] приде Чернигову, Володимеръ же затворися в градѣ. Олегъ же приде к граду и пожже около града, и манастырѣ пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде из града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не възбраняющю,[8] бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую, его же грѣха дабы й богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям. В се же лѣто придоша прузи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, *и*[3] поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днехъ первых в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерскый Стефан, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 нощи, бывъ преже игуменъ Печерьскому манастырю.

1095 В лѣто 6603. Идоша половци на Грькы с Девгеневичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь *я*[9] Девгенича, и повелѣ й слѣпити. В то же лѣто придоша половци, Итларь и Кытанъ, к Володимеру на миръ. Приде Итларь в градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валома с вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть в градѣ с лѣпшею дружиною.[10] В то же время бяше пришелъ Славята ис Кыева к Володимеру от Святополка *на нѣкое орудие;*[3] и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимером о погубленьи *И*тларевы[11] чади, Володимеру же не хотящ*у*[12] сего створити, отвѣща бо: „Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ". Отвѣщавше же дружина, рекоша[13] Володимеру: „Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани". И послуша ихъ Володимеръ, и в ту нощь посла

Володимеръ Славяту с нѣколикою дружиною и с торкы межи валы. *И*[14] выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареви въ ту нощь лежащю у Ратибора на дворѣ с дружиною своею и не вѣ*дущю*,[15] что ся надъ Кытаномь створи. Наутрия *же*,[16] в недѣлю, заутрени сущ*и*[17] годинѣ, пристрои Ратиборъ отрокы в оружьи, *и*[14] истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадь, и рече Бяндюкъ Итлареви: „Зовет вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся в теплѣ избѣ *и*[14] заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ". И рече Итларь: „Тако буди". *И*[18] яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше на истобку, прокопаша верхъ,[19] и тако Ольбегъ Ратиборичь приимъ[20] лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день. Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Ольгови, веля*ща*[21] ему поити на половци с собою. Олегъ же обѣщавъся с нима, и пошедъ, не иде с нима в путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, *и*[22] полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, и приведоста *я*[23] в землю свою. И начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшю ему с нима на поганыя. И послас*та*[24] Святополкъ и Володимеръ къ Олгови, глаголющ*а*[25] сице: „Се ты не шелъ еси с нама на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тобе есть Итларевичь: любо убий, любо й дай нама. Тъ[26] есть ворогъ *нама и*[22] Русьстѣй земли". Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто приидоша половци к Гургеву, и стояш*а*[27] около его лѣто все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири *я*.[28] Половци же *при*доша[29] за Рось, гюргевци же выбѣгоша и идоша Кыеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, в свое имя нарекъ Святополчь городъ, и повелѣ епископу М*а*рину[30] съ юргевци[31] сѣсти ту, и Засаковцемъ, и прочимъ от инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша половци

тощь. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода Смолиньску; новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. *И*[22] поемше ведоша и̂ Новугороду, а Давыдови рекоша: „Не ходи к нам". *И*[22] пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску, и сѣде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, ис Курска к Мурому. *И*[22] прияша и̂ муромци, и посадника я̂ Олгова. В се же лѣто придоша прузи, *мѣсяца августа*[32] въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полу̂нощнымъ странамъ, ядуще[33] траву и проса.

1096 В лѣто 6000 и 604. Святополкъ и Володимеръ посласта[34] къ Олгови, глаголюща сице: „Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець наших, и пред людми градьскыми, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых". Олег же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: „Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом". И не въсхотѣ ити к братома своима, послушавъ злых совѣтникъ.[35] Святополкъ же и Володимеръ рекоста к нему: „Да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ[36] к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помагати хочеши, а богъ промежи нами будеть". Святополкъ же и Володимеръ *поидоста*[37] на Олга Чернигову; Олег же выбѣже изъ Чернигова, мѣсяца мая въ 3 день, в суботу. Святополкъ же и Володимеръ *гнаста по нем, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ*[38] оступиста и̂ в градѣ, *и*[38] бьяхутся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози от обоихъ. И бысть межю ими брань люта, и стояша[39] около града дний 30 и 3, и изнемагаху людье в градѣ. И вылѣзе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекуща[40] сице: „Иди к брату своему Давыдови, и придѣта Киеву на столъ отець наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей град въ земли во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положити". Олег же обѣщася се створити, и на семь цѣловаша крестъ.

В се же время приде Бонякъ с половци *кь*[41] Кыеву, в недѣлю от вечера, и повоева около Кыева, и пожже на Берестовѣмь дворъ княжь. В се же время воева Куря с половци у Переяславля, и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день. Олег же выйде и-Стародуба, и приде Смолиньску, и не прияша его смолняне, и иде к Рязаню. Святополкъ же и Володимеръ поидоста в свояси. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, *к Переяславлю,*[38] мѣсяца мая 30 и ста около града, а переяславьци затворишася в градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, *и ту*[38] перебродистася, и не очютиша ихъ половци, богу схраншю ихъ, и исполчившася[42] поидоста к граду; гражане же узрѣвше, ради *быша, и*[43] поидоша к нима, а половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святопольъкъ же и Володимеръ вбредоста в Трубежь к половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша в конѣ к противнымъ. Се видѣвше половци и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратных, сѣкуще противьныя. И сдѣя господь въ тъ день спасенье велико: мѣсяца иулия въ 19 день побѣжени быша иноплеменници,[44] и князя ихъ, убиша Тугоркана и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша. На заутрье же налѣзоша Тугоркана мертв*а*, и *взя*[45] ѝ Святополкъ, акы тьстя своего и врага; *и*[38] привезше ѝ *к*[46] Кыеву погребоша ѝ на Берестовѣмь, межю путемъ, идущимъ на Берестово, и другымь, в манастырь идущ*имъ*.[47] И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, *1 час дне,*[38] приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, *к*[48] Кыеву внезапу, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася *на*[49] манастырь, и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Герьманы. И придоша *на*[49] манастырь Печерьскый, намъ сущим по кѣльямъ почивающим по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыми, намъ же бѣжащим задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшим на полати. Безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ, высѣ-

кающе двери, и изно*шаху*[50] аще что обрѣтаху в кельи; посемь въжгоша домъ святыя владычицѣ нашея Богородице, и придоша к церкви, и зажгоша двери, *яже*[51] къ угу устроении, и вторыя же к сѣверу, *и*[52] влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху бога и законъ нашь. Богъ же терпяше, еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмь глаголаху: „«Кдѣ есть богъ ихъ», да поможеть имъ и избавить я?". И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко богъ кажеть рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: хрестьяномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити в царство небесное, а симъ поганым и ругателем на семь свѣтѣ приимшим веселье и простр*ань*ство,[53] а на ономь свѣтѣ приимуть муку, дьяволом уготовани[54] огню вѣчному. Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все оканнии половци запалиша огнемь. Тѣм же и мы, послѣдующе пророку Давыду, вопьемъ: „Господи боже мой! положи *я̀*[52] яко коло, яко огнь пред лицемь вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако поженеши[55] я̀ бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья". Се бо оскверниша и пожгоша святый дом твой, и манастырь матере твоея, и трупье рабъ твоихъ. Убиша бо нѣколико от братья нашея оружьемь безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ.

Ищьли бо суть си от пустыня *Ет*ривьскыя,[56] межю встокомь и сѣвером; ищьли же суть ихъ колѣнъ 4: тор*к*мен*е*,[57] и печенѣзи, торци, половци. Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да *8* ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаиля творятся Сарини, и прозваша *имя*[58] собѣ саракыне, рекше: сарини есмы. Тѣм же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову,[59] иже зачаста от отца своего, тѣмь же нечисто есть племя ихъ. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть тор*к*мени,[60] и печенѣзи, и торци

и кумани, рекше половци, иже исходять от пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ *к*[61] кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы.

Поученье.[62] Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, наречн*ый*[63] въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы[64] . . . .

. . . . и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сихъ днеъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люб*а*[65] дѣтий моихъ, а приметь ѐ в сердце свое, и не лѣнитися начнеть тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своея, страх имѣйте божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы от братья моея на Волзѣ, рѣша: „Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ“. И рѣхъ: „Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“.

И отрядивъ ѩ, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ ѩ, и то ми ся выня: „Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?“ и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах: Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте.

„Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Упова*и*[66] на бога, яко исповѣмся ему“. „Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господа, — ти обладають землею. И еще мало, — и не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Нази-

раеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозрить, яко придеть день его. Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть в сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа. Яко мышца грѣшных скрушится, утвержаеть же праведныя господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдять землю, кленущии же его потребятся. От господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко господь подъемлеть руку его. Унъ бѣх, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуеть и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будеть. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка".

„Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила".

„Помилуй мя, боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющи*и*ся[67] со мною с выше". „Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли". „Измий мя от врагъ моихъ, боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою". „И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость". „Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Та*ко[68] благословлю тя в животѣ моемь, и о имени твоемь въздѣю руцѣ мои". „Покры мя от соньма лукаваго и от множьства дѣлающих неправду". „Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю господа на всяко время, воину хвала его", и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово гос-

подне: „Яди *и*[69] питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легкых власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можеть инѣмь услѣти, от бога мьзды да чаеть и вѣчных благъ насладится". „О Владычице богородице! Отьими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего"; в пустошнѣмь семь житьи.

Научися, вѣрный человѣче, быти благочест*ию*[70] дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, „очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — люби,[71] гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ". „Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголеть господь. Аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я̀", и прочее. „Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: Слава тобѣ, человѣколюбче!".

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ ѝ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить ѐ к собѣ, тако же и господь нашь показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство,

ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малым дѣломь улучити милость божью.

„Что есть человѣкъ, яко помниши и̓?“. „Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ; — и пакы речемъ: велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли“. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, господи, твоимъ промыслом! Звѣрье розноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе, *въ*[72] наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, *иже*[73] та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. „А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло!“ всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, „Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будеть проклятъ“.

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божествная, похвалите бога, давшаго нам милость свою: *а*[74] се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего приимете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: яко же блудницю и разбойника и мы-

таря помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуй" зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и *при*дайте[75] сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его? Аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубля*й*те[76] никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будете крестъ целовати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву...[77] от бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣм: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, *что ны*[78] еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни*[79] дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ

по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, иде же станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землямъ, любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете сего,[80] а часто прочитайте: и мне будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро.

Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: „Просвѣти очи мои,[81] Христе боже, иже[82] далъ ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ“, тако похвалю бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. О тъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы *с*[83] 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с Гордятичемъ,[84] той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои посласта

Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове*[85] пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомь подъ Полтескъ, — ожьгъше[86] Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы, и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и̂ к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь биться Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И пакы по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды.

Том же лѣтѣ гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; только семцю яша одиного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изьимаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая Богородица: изби*хом*[87] 900 половець, и два князя *ях*о*м*,[88] Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

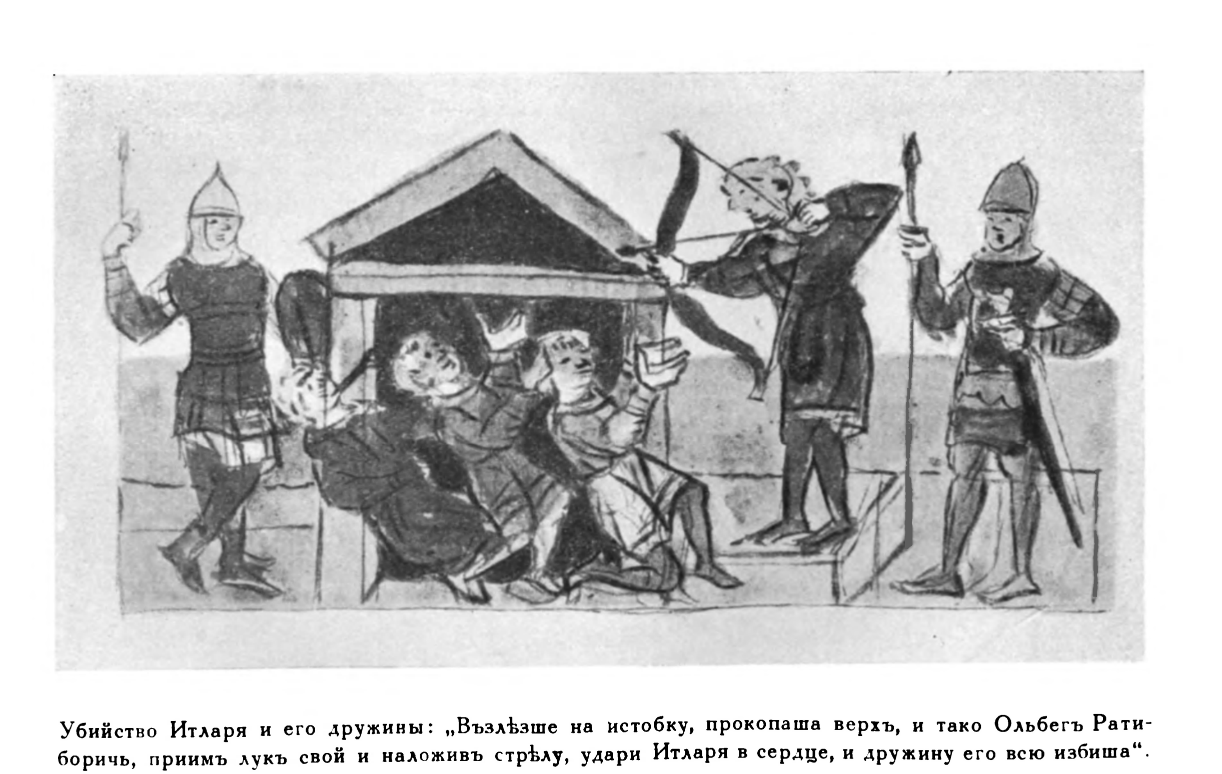
И потомь на Святославль гонихом по половцих, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по половцих. И пакы на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомь с Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхом. И потомь ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И пакы по отни смерти и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, б*и*хом[89] — у Халѣпа, и потомь миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у Глѣбов*ы*[90] чади пояхом дружину свою всю.

И потомь Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу *гребл*ю,[91] и не вдадуче *внити*[72] имъ въ острогъ; *съжа*ливъси[91] хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь, и рѣхъ: „Не хвалитися поганым!“. И вдахъ брату отца его[92] мѣсто, а самъ идох на отця своего мѣсто Переяславлю. И в*ы*идохом[93] на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полкы половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами.

Страдания русских в половецком плену: „Ови ведуться полонени, друзии посѣкаеми бывають, друзии на месть даеми бывають, горкую смерть приемлюще, друзии трепечють, зряще убиваемых, друзии гладомъ умаряеми и водною жажею... оны вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держими и ураняеми“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 127 об.



Убийство Итларя и его дружины: „Възлѣзше на истобку, прокопаша верхъ, и тако Ольбегъ Ратиборичь, приимъ лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 131.

И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, богъ и святый Борисъ не да имъ мене в користь, — невредени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе — изби*хом* я,[94] а другия поима*хом*.[95]

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцем. И на богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки, идохом другое с Вороницѣ.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець Читѣевичи,[96] идохом противу имъ на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолиньска идох* Ростову.[97]

И пакы, с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли...[98] убиша, и не постигохом ихъ. И потомь по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изьимахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою,[99] и поимъ у него дчерь, идохом Смоленьску. И потомь идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урубу с Святополком, и богъ ны поможе.

И потомь паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потомь ходихом к Воин*ю*[XVI, 1] с Святополком; и потомь пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти й, ко Ромну идох со Олгомь и з дѣтми на нь, и они очутивше[2] бѣжаша.

И потомь к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потомь ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева нестишь*ды*[3] ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половечскых князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня*[4] братьѣ 4, а всѣх лѣпшихъ князий инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ, Бурчевичь, Таревъскый князь Азгулуй, инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту рѣчку въ *Салню*.[5] По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего*[6] лѣта по сту уганивал[7] и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь диких своима рукама связалъ есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же[8] по ров*ни*[9] ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. И богъ невредена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то, я творилъ есмь.[10] И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястрябѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, н*и*[11] инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но *а*че[12] добро есть блюсти, божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

[13] О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: „Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть". И пакы: „Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отець вашь небесный". Пророкъ глаголеть: „Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящимъ безаконье". „Что есть добро и красно, *но еже жити*[14] братья вкупѣ! Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных дѣ*д*ѣх[15] наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не хоче*т*[16] добра роду человѣчскому, сваживаеть[17] ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ *мой*,[18] его же еси

хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой*[19] и грамоту, река: „Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на бога, а станутъ си пред богомь; а Русьскы земли не погубим."[20] И азъ видѣх смѣренье сына своего, схалихси, и бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться — на бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх человѣкъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю примеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоемь писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем, хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*.[21] Господь бо нашь не человѣкъ есть, но богъ всей вселенѣ, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чим има порты?[22] но токмо оже еста створила души своей.[23] Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи *въ*[24] помыслы души своей: „Увы мнѣ! что створих? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы".

И рещи бяше Давыдскы: „Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину". Не крове дѣля пролитья, — помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянье створ*ивъ*[25] посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час, отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто:

не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А бога дѣля пусту ю ко мнѣ вборзѣ с первым *сломь*,[26] да[27] с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ жёлѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди и* отци наши:[28] судъ от бога ему пришелъ, а *не*[29] от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Да же еси велѣлъ дѣтяти: „Слися къ отцю", десять*ю*[30] я есмъ послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего,— ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже*[31] начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, той волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *т*воего,[32] ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, *а*[33] того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане человѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь...[34] али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Руськѣй земли. А его же то и хощеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и мил*осердуюча*[35] по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На страшнѣй при бе-суперник обличаюся, и прочее.[36]

„Премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленым казателю и нищим заступниче! Утверди в разумѣ мое сердце, владыко! Ты дажь ми слово, отче, се бо устнама моима не възбрани вљпити[37] ти: милостиве, помилуй падшаго!". „Упованье мое богъ, прибѣжище мое Христосъ, покровъ мой святый духъ". Надеже и покрове мой, не презри мене, благая! Тебе бо имуще, помощницю в печали и в болѣзни и от злых всѣх, и тебе славлю, препѣтая! И разумѣйте и видите, яко азъ есмь богъ, испытаяй[38] сердця и свѣдый мысли, обличаяй дѣла, опаляяй грѣхы, судяй сиротѣ, и убогу и нищю. „Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя, пред очи свои принеси, и капля испусти слезъ своих, и повѣжь явѣ дѣянья и вся мысли Христу, и очистися". Андрѣа честный, отче треблаженый, пастуше Критьскый! Не престай моляся за ны чтущая тя, да избудем вси гнѣва, и печали, и тля, и грѣха и бѣдъ же, чтуще память твою вѣрно. Град свой схрани, дѣвице, мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствуеть, да тобою крѣпиться и тобѣ ся надѣеть, побѣжать[39] вся брани, испромѣтает противныя и творить послушанье. „О препѣтая мати, рожьшия всѣх святыхъ пресвятаго слова! Приимши нынешнее послушанье, от всякия напасти заступи и грядущия мукы к тебѣ вопьющих. Молим ти ся, раби твои, и прекланяем си колѣни сердця нашего: приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбех погружающаяся[40] присно, и сблюди от всякого[41] плѣненья вражья твой град, богородице! Пощади, боже, наслѣдья твоего, прегрѣшенья наша вся презри, нынѣ нас имѣя молящих тя, на земли рожьшюю[42] тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ обратитися, Христе, в человѣчьство". Пощади мя, спасе, рожься[43] и схрань рожьшюю тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя, яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко богъ и человѣколюбець. Дѣво пречистая, неискусна браку, богообрадованая, вѣрным направленье! Спаси мя погыбшаго,

к Сыну си вопьющи: Помилуй мя, господи, помилуй; егда хощ еши судити, не осуди мя[44] въ огнь, ни обличи мене яростью си; молит тя дѣва чистая, рожшая тя, Христе, и множство ангелъ и мученикъ зборъ.

О Христѣ Исусѣ господѣ нашемъ, ему же подобаеть честь и слава, отцю и сыну и святому духу, всегда и нынѣ, присно, вѣкъ.

Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець, глаголя сице, яко „Послах отрокъ свой в Печеру, люди, *иже*[45] суть дань дающе Нову-городу. И пришедшю отроку моему к ним, а оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и *сосѣдять*[46] с Самоядью на полунощных странах“. Югра же рекоша отроку моему: „Дивьно мы находихом чюдо, его же *вѣ*смы[47] слышали преже сих лѣт, се же третьее лѣто поча быти: суть горы заидуче *в*[48] луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тѣх кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и в горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо, и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли секиру, и *они*[48] дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣм же не доходим ихъ всегда; есть же и подаль на полунощии“. Мнѣ же рекшю к Гюрятѣ: „Си суть людье заклепении Александром, Македоньскым царемь“, яко же сказаеть о них Мефодий *Патарийскый*,[49] *глаголя: „Александръ, царь Макидоньский*,[48] в*зы*де[50] на всточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя от племене *А*фетова,[51] их же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змиѣ, и мертвець не погрѣбаху, но ядяху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како *умножаться и*[48] осквернять землю, *и загна их на*[52] полунощныя страны *в*[53] горы высокия; *и*[52] богу повелѣвшю, сступишася о них *горы великия*,[54] токмо не ступишася о них

горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитом; и аще хотять взяти,[55] не възмогуть, *ни огнем могуть*[52] ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь. В послѣдняя же дни по сих изидуть 8 колѣнъ от пустыня Етривьскыя,[56] изидуть и си скверниии языкы, *иже*[57] суть в горах полунощных, по повелѣнью божию.

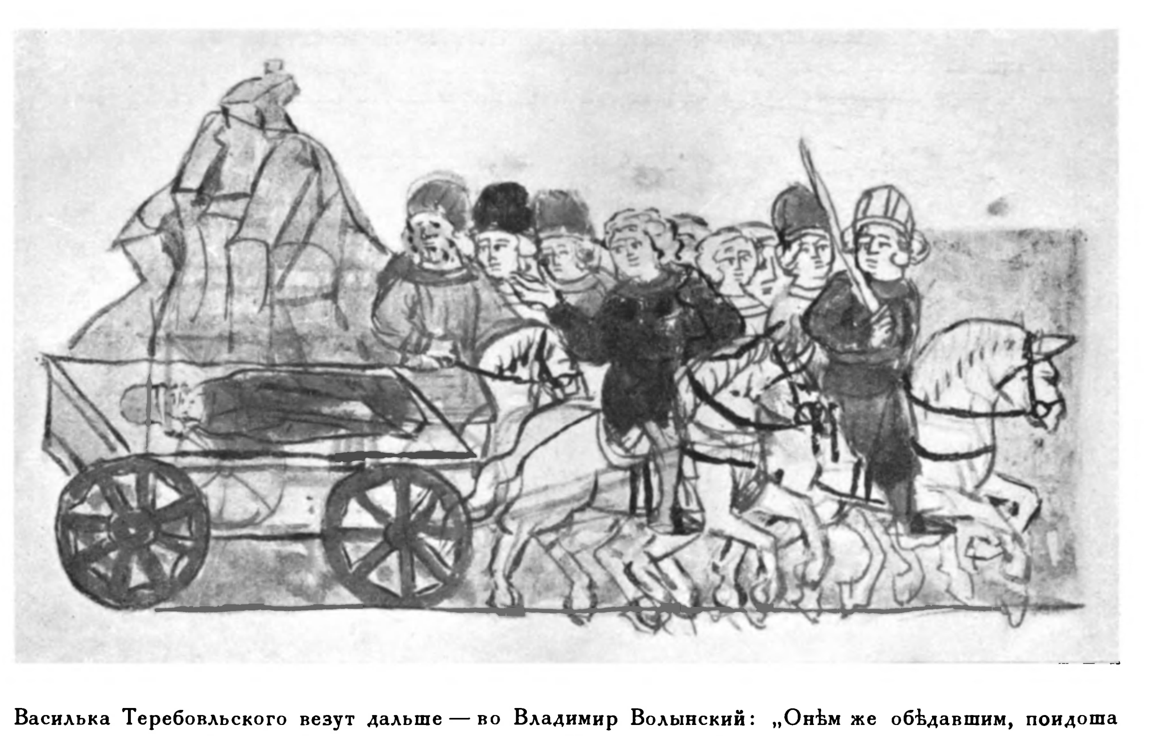
Но мы на предняя взвратимся, яко же бяхом преже глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдови Смолиньску, и прити з братом своим Кыеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поим вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалю, и Ростову, и по бѣлоозерци, и собра вои многы. И посла Олегъ слы своѣ к Изяславу, глаголя: „Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хочю ту сѣдя порядъ створити со отцемь твоим. Се бо мя выгналъ из города отца моего. А ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощеши дати?". И не послуша Изяславъ словес сих, надѣяся на множство вой. Олег же надѣяся на правду *свою*,[58] яко правъ бѣ в семь,[59] и поиде к граду с вои. Изяслав же исполчися пред градом на поли. Олег же поиде к нему полком, и сступишася обои, *и*[58] бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, мѣсяца семтября въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чересъ лѣсъ, друзии в городъ. Олег же вниде в городъ, и прияша ѝ горожане. Изяслава же вземше, положиша и в манастыри святаго Спаса, и оттуда перенесоша ѝ Нову-городу, и положиша ѝ у святыѣ Софьѣ, на лѣвѣй сторонѣ. Олег же, по приятьи града, изъима ростовци, и бѣлоозерци и суздалцѣ *и покова*,[60] и устремися на Суждаль. И *при*шедъ[61] Суждалю, и суждалци дашася ему. Олег же омиривъ городъ, овы изъима, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отъя. Иде Ростову, и ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городом, и дани поча

Ослепление Василька Теребовльского: „И се влѣзше друзии повергоша ѝ (Василька), и связаша ѝ, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 141.

Василько Теребовльский в Звиждене: „И вопроси (Василько) воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощупа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене?...»“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 141.



Василька Теребовльского везут дальше — во Владимир Волынский: „Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 141 об.

Смерть Мстислава: „Единою подступиша к граду под вежами, онѣмъ же бьющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы акы дождь. Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею“.

Миниаюра Радзивиловской летописи, л. 146.

брати. И посла к нему Мьстиславъ солъ свой из Новагорода, глаголя: „Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди. И азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемь моим. Аще и брата моего убилъ *еси*,[58] то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають". Олег же не всхотѣ сего *послушати*,[58] но паче помышляше и Новъгородъ переяти. И посла Олегъ Ярослава, брата своего, в сторожѣ, а сам стояше на поли у Ростова. Мьстислав же сдума[62] с новъгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича передъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изъима даньникы. Увѣдав же Ярославъ се, яко изъимани данници, Ярослав же стояше на Медвѣдици в сторожих, и побѣже той нощи, и прибѣже къ Олгови и повѣда ему, яко идеть Мстиславъ, а сторожѣ изъимани, и поиде к Ростову. Мстислав[63] же приде на Волгу и повѣдаша ему, яко Олегъ вспятился к Ростову, и Мстиславъ поиде по нем. Олегъ же приде к Суждалю, и слышавъ, яко идеть по нем Мстиславъ, Олегъ же повелѣ зажещи Суждаль город, токмо остася дворъ манастырьскый Печерьскаго манастыря и церкы, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы. Олег же побѣже к Мурому, а Мстиславъ приде Суждалю, и сѣдя ту посылаше к Олгови, мира прося, глаголя: „Азъ есмъ мний тебе, слися к отцю моему, а дружину, юже еси заялъ, вороти; а язъ тебе во всем послушаю". Олег же посла к нему, с лестью хотя мира; Мстиславъ же, имы лсти вѣры, и распусти дружину по селом. И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорава субота, а Мстиславу сѣдящю на обѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ, близь бо бѣ пришелъ без вѣсти. Мстислав же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ; но богъ вѣсть избавляти благочестивыя своя от льсти. Олег же установися[64] на Клязмѣ, мня, яко, *бояся его*,[65] Мстислав побѣгнеть. Къ Мстиславу же собрашася дружина въ тъ день и в другый, новгородци, и ростовци, и бѣлозерци. Мстислав же ста пред градомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ 4 дни. И приде Мстиславу

вѣсть, яко „Послал ти отець брата Вячеслава с половци“. И приде Вячеславъ в четвергъ *по*[66] Феодоровы недѣли, в постъ. И в пяток приде Олегъ, исполчивъся, к городу, а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци. И вдасть Мстиславъ стягъ Володимерь половчину, именем Кунуи, и вдавъ ему пѣшьцѣ, и постави й на правѣмь крилѣ. И заведъ Кунуй пѣшьцѣ напя стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся, и ужасъ нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, *и поиде*[65] Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстислав же перешедъ пожаръ с новгородци, *и*[67] *сседоша с коней новгородци*,[68] и сступишася на Кулачьцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одалати Мстиславъ. И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, нача заходити в тылъ его, и убоявъся побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олег же прибѣже к Мурому, и затвори Ярослава Муромѣ, а самъ иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому, и створи миръ *с муромци*,[69] и поя своя люди, ростовци и суждалци, и поиде к Рязаню по *Олзѣ*.[70] Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: „Не бѣгай никамо же, но пошлися к братьи своей с молбою не лишать тя Русьскыѣ земли. И азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ“. Олег же обѣщася тако створити. Мстиславъ же възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никыты. Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы.

1097 В лѣто 6605. Придоша Святополкъ *и*[71] Володимеръ, *и*[71] Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ[72] Святославичь, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: „Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю,[73] Володимерь Всеволожю,[74] Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Свято-

славлю,[75] а им же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови".[76] И на том цѣловаша кресть: „Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и кресть честный". Рекоша вси: „Да будеть на *нь*[77] *хрестъ честный*[78] и вся земля Руськая". И цѣловавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона *в сердце*[71] нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко „Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя". Давыдъ же, емъ вѣру лживым словесомъ,[79] нача молвити на Василка, глаголя: „Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ". Святополкъ же смятеся умом, река: „Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ". И рече Святополкъ к Давыдови: „Да еще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, богъ будеть за тѣмъ". Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдяше *ни*[80] Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: „Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери". И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя *постави*[71] на Рудици; вечеру же бывшю приде в товаръ свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: „Не ходи от именинъ моихъ". Василко же отпрѣся, река: „Не могу ждати; еда будеть рать дома". И присла к нему Давыдъ: „Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго". И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: „Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, *самъ* узриши,[81] аще ти не займеть град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ

нынѣ[82] й, емъ и дажь мнѣ". И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: „Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ". Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте й дѣтьскый его, и повѣда ему, глаголя: „Не ходи, княже, хотять тя яти". И не послуша его, помышляя: „Како мя хотять яти? *Оногды целовали*[83] кресть, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси". И помысливъ си прекрестися, рекъ: „Воля господня да будеть". И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: „Останися на святокъ". И рече Василко: „Не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ[84] поити переди". Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: „Да заутрокай, брате!". И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: „Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю". И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: „Где есть брат?". Они же рѣша ему: „Стоить на сѣнех". И вставъ Давыдъ, рече: „Азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди". И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря; и оковаша й въ двои оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко „Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и хо*щеть*[85] тя убити и грады твоя заяти". И рѣш*а*[86] боляре и людье: „Тобѣ, княже,[87] достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметь *месть*[88] от бога и отвѣчаеть пред богомь". И увѣ*дѣ*ша[89] игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: „Ото Давыдъ". Увѣдѣв же *се*[88] Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: „Аще ли сего не створишь, а пустишь

и҆, то ни тобѣ княж*ити*,[90] ни мнѣ“. Святополкъ же хотяше пустити и҆ но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и҆, Бѣлугороду, иже град малъ у Киева яко 10 верстъ в дале, и привезоша и на колѣх, окована суща, ссадиша и҆ с колъ, и ведоша и҆ в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина остря*ща*[91] ножь, и разумѣ, яко хотят и҆ слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомь, Сновидъ Изечевнчь, конюх Святополчь, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерш*а*[92] яста Василка и хотяща и҆ повреци; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его повреци. И се влѣзше друзии поверго**ш**а и, и связаша и҆, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати. И приступиста иаа два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша и҆ рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари и҆ в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и҆ на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша и҆ Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадь*и*[93] опрати. Попадья же оправши взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: „Кдѣ се есмъ? Они же рекоша ему: „Въ Звиждени городѣ“. И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: „Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ пред богомь“. Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша и҆ въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: „Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла". И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: „Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земьли и в насъ, в братьи, оже ввержен*ъ*[94] в ны ножь. Да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть *в*[95] нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую". Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко „Сего не было в родѣ нашемь". И ту абье *собравша*[96] воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще к Святополку: „Что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли, и ввергл̃ъ еси ножь в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и̓ пред нами, и упрѣвъ *бы*[97] и̓, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси". И рече Святополкъ, яко „Повѣда ми Давыдъ Игоревичь: яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хоче*тъ*[98] убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие и Погорину,[99] а заходилъ ротѣ с Володимером, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери. А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ и̓ к собѣ". И рѣша мужи Володимери, и Давыдови и Олгови: „Извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ и̓. Не в Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но в твоемь градѣ ятъ и слѣпленъ". И се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутрия же хотящим чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, *и*[XVII,1] не даша ему кыяне *побѣгнути*,[1] но послаша Всеволожюю и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь,

побарающе[2] по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую". Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече: „Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити". И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего, бѣ бо любим отцю своему повелику, и в животѣ и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тѣм же и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его.

Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя к митрополитом, и къ епископомъ и къ игуменом, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дѣти своя. Аще кого видяше ли шюмна, ли в коем зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше *и утешаше*.[1] Но мы на свое възвратимся.

Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку *и кияном, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужи слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку*,[1] яко „Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и". Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша[3] крестъ межю собою, миръ створше.

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придох к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: „Се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, реклъ тако: Се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда: да же бы мене Давыдъ послушалъ, да бых послалъ мужь свой к Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся с ним что молвилъ,[4] *и не поидеть*.[1] Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: Оже хощеши послати мужь свой, и воротится Володимеръ, то вдам ти который ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо

Перемиль". Азъ же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы. Он же рече: „Сего есмъ не молвилъ, но надѣюся на богъ. Пошлю *къ Володимеру*,[5] да быша не прольяли мене ради крови. Но сему *ми*[6] дивно, дает ми городъ свой, а мой Теребовль, моя власть и ныне и пождавще"; яко же и бысть; вскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: „Иди к Давыдови и рци ему: Пришли ми Кульмѣя, *а ти*[7] пошлю[8] к Володимеру". И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: „Нѣ ту Кулмѣя". И рече ми Василко: „Посѣди мало". И повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: „Се слышю, оже мя хоче*тъ*[9] дати ляхом Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть имъ? Азъ бо ляхом много зла творих, и хотѣлъ е*смь*[10] створити и мстити Русьскѣй земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се повѣдаю ти поистинѣ, яко на мя богъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми вѣсть, яко идуть *къ мнѣ*[11] берендичи, и печенѣзи, и торци, и рекох въ умѣ своемь: оже ми будуть берендичи, и печенѣзи, и торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася. И помыслих: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю. И посем хотѣлъ есмъ перияти болгары дунайскыѣ и посадити я̓ у собе. И посем хот*ѣ*хъ[12] проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю. Ино помышленье в сердци моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся богомь и его пришествием, яко не пом*ы*слилъ[13] есмъ зла братьи своей ни в чем же. Но за мое възнесенье *иже поидоша береньдичи ко мне, и веселяся сердце мое* и възвеселися умъ мои,[14] низложи мя богъ и смири".

Посем же приходящю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя перияти Василкову волость; и усрѣте й Володарь, брат Василковъ, у Божьска. И не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися в Бужьскѣ, и Володарь оступи й в городѣ. И нача Володарь молвити: „Почто зло створивъ

и не каешися его? Да уже помянися, колико еси зла створилъ". Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: „Ци я се створилъ, *ци*[15] ли в моем городѣ? Я ся сам боялъ, аще быша и мене яли и створили тако же. Неволя ми было пристати в совѣтъ,[16] ходяче в руку". И рече Володарь: „Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти брат мой, и створю с тобою миръ". И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ и́ дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребовли, а Давыдъ приде Володимерю. И наставши веснѣ, приде Володарь и Вас*илько*[17] на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и пролья кровь неповинну. Посем же придоста к Володимерю, и затворися Давыдъ в Володимери, и си оступиша град. И посчас*та*[18] к володимерцем, глагол*юще*:[19] „*Вѣ не приидоховѣ*[20] на град вашь, *ни*[21] на вас, но на врагы своя, *на*[22] Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣх есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хощете за сих битися, да се мы готови, а любо *вы*дайте[23] врагы наша". Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: „Выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли, — то отворим врата граду, а сам промышляй *о*[15] собѣ". И неволя бысть выдати я́. И рече Давыдъ: „Нѣту ихъ здѣ"; бѣ бо я послалъ Лучьску. Онѣм же пошедшим Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийскѣ суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: „Выдай, кого ти хотять. Аще ли, — то предаемыся". Давыдъ же, пославъ, приведе Василя и Лазаря, и дасть я̀. И створиша миръ в недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Васильковичи, и идоша от града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити, да бы богъ отместник былъ, и взложити было на бога мщенье свое, яко же рече пророкъ: „И вздам месть врагом, и ненавидящим мя вздам, яко

кровь сыновъ своихъ мщаеть и мстить, и вздасть месть врагом и ненавидящим его". Сим же от града отшедшим, сею же снемш*е*[24] погребоша я.

Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде[25] к Берестью к Ляхом. Се слышавъ Давыдъ, иде в Ляхы к Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривен, рекуще ему: „Поиди с нами Берестью, яко се вабит ны Святополкъ на снем, и ту умирим *тя*[26] с Святополком". И послушавъ ихъ Давидъ, иде Берестью с Володиславом. И ста Святополкъ в градѣ, а ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ с ляхы, и вдасть дары велики на Давыда. И рече Володиславъ Давыдови: „Не послушаеть мене Святополкъ, да иди опять". И приде Давыдъ Володимерю,[27] и Святополкъ, *съвѣтъ*[28] створи с ляхы, поиде к Пиньску, пославъ по воѣ. И приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися в градѣ, чая помощи в лясѣхъ, бѣша бо ему рекли, яко „Аще придуть на тя русскыѣ князи, то мы ти будем помощници"; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи град, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: „Пусти мя из града". Святополкъ же обѣщася ему, и цѣлова*ста*[29] крестъ межи собою, и изиде *Давыдъ*[30] из града, и приде в Червенъ, а Святополкъ вниде в град в великую суботу, а Давыдъ бѣжа в Ляхы.

Святополкъ же, прогна*въ*[31] Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко „Се есть волость отца моего *и*[30] брата; и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, вземш*а*[32] крестъ, его же бѣ цѣловалъ к нима на сем, яко „На Давыда пришелъ есмъ, а с вама хочю имѣти миръ и любовь". И приступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крестъ, глаголя, яко „Сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крестъ сь". И поидоша к собѣ к боеви, и сступишася полци, и мнози

человѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковы вои възвышься велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающим от обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю. Володарь же и Василко, побѣдивша, стаста ту, *рекуща*:[30] „Довлѣеть нама на межи своей стати", и не идоста никамо же. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимь сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкъ же посади *сына своего*[30] в Володимери Мстислава, иже бѣ ему от наложницѣ, а Ярослава посла в Угры, вабя угры на Володаря, а сам иде Кыеву. Ярослав же, сынъ Святополчь, приде съ угры, и король Коломанъ[33] и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися в градѣ. Давыдъ бо в то чинь[34] пришедъ из Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а сам иде в Половцѣ. И устрѣте й Бонякъ, и воротися; Давыдъ, и поидоста на угры. Идущема же има, сташа начлѣгу и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха от вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко „Побѣда ны есть на угры заутра". И наутрия Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли *я*[35] на 3 полкы, и поиде къ угром. И пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягом, а самъ раздѣлися на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо угръ числом 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ угры, угри же погнаша по них. Яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угръ опять, и тако множицею[36] убивая сбиша ѣ в мячь. Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ. И побѣгоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану. *И бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга*,[37] и гнаша по них 2 дни, сѣкуще. Ту же убиша и пископа ихъ Купана и от боляръ многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь.

[38]Ярослав же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску *и*[37] Червенъ, приде внезапу, и зая володимерцѣ, а Мстиславъ затворися в гр*а*дѣ[39] с засадою, иже бѣша у него берестьяне, пиняне, выгошевци. И ста Давыдъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою по*д*ступиша[40] к граду под веж*ами*,[41] он*ѣ*м[42] же бьющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы акы дождь. Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею, и сведоша ѝ, и на ту нощь умре. И таиша ѝ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: „Се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ[43] погубит ны вся". И послаша к Святополку, глагол*юще:*[44] „Се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаем гладом. Да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти". Святополкъ *же*[45] посла Путяту, воеводу своего. Путята же с вои пришедъ к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша к Давыдови: „Аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмь ти". И не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а сам *поиде*[46] на Давыда. И приде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдовым воем облежащим град, в полуденье, Давыдови спящю, и нападоша на н*я*,[47] и почаша сѣчи. И горожане скочиша з града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновецъ его. Святоша же и Путята прияста град, и посадиста посадника Святополча Василя. И приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву. Давыдъ побѣже в Половцѣ, и усрѣте ѝ Бонякъ. И поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю к Лучьску, и оступиша Святошю в градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша из града, и приде къ отцю своему Чернигову. А Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю; посадник же Василь выбѣже а Давыдъ перея Володимерь и сѣде в нем. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимерь, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре. А Святополкъ перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава.

В лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, яко же и в прежнее лѣто сказахъ. *1098*

В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побьени угри у Перемышля. В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день. *1099*

В лѣто 6608. Выиде[48] Мстиславъ от Давыда на море мѣсяца июня в 10. *В* том же *лѣте*[49] братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичих, мѣсяца августа во 10 день. Того же мѣсяца въ 30, том же мѣстѣ, братья вся *сняшася*,[50] Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде к ним Игоревичь Давыдъ, и рече к ним: „На что мя есте привабили? Осе есмъ. Кому до мене обида?". И отвѣща ему Володимеръ: „Ты еси прислалъ к нам: Хочю, братья, прити к вам, и пожаловатися своея обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одином коврѣ: то чему не жалуешься? до кого ти нас жалоба?". И не отвѣща Давыдъ ничто же. И сташа вся братья на коних; и ста Святополкъ с своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ с своею разно, кромѣ собе. А Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его к собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: „Се ти молвять братья: Не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножь в ны, его же не было в Русскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни *иного*[51] ти *зла*[52] створим, но се ти даем: шед сяди в Бужьскѣмь въ Острозѣ,[53] а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривен, а Давыдъ и Олегъ 200 гривен". И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: „Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль. Да аще *вам*[54] любо, да сѣдита, аще ли ни, — да пусти Василка сѣмо, да его кормим сдѣ. А холопы наша выдайта и смерды". И не послуша *1100*

сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмь, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же *и*[55] умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

1101 В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, *полоцкий*[56] князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи и иде на нь Святополкъ, и заста й в градѣ, и емъ й, и окова, и приведе й Кыеву. И молися о нем митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша й у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша й. Томь же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, брат ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы от всѣх князий ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: „Да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова". И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день, и разидошася разно.

1102 В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичь ис Кыева, мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, и ятъ й на Нурѣ, и приведе й къ отцю Святополку, и оковаша й. Том же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимером рядъ имѣлъ,[57] яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немь, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери. И приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша в-ызбѣ, и рѣша мужи Володимери: „Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять новгородци,[58] да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю". И рѣша новгородци Святополку: „Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли й; *а*[55] сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ от насъ". И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣм же не хотѣвшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лѣто бысть

знаменье на небеси, месяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от въстока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы от луны полны свѣтящься. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дугы, и быша другыя дугы[59] хребты к собѣ. И сия видяще знаменья благовѣрнии *человѣци*[60] со въздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичь, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

В лѣто 6611. Богъ вложи в сердце княземъ рускым Свято- *1103*
полку и Володим*иру*,[61] и снястася думати на Долобьскѣ. И сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомь шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко „Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем *погубити смерды*[62] и ролью ихъ". И рече Володимеръ: „Дивно *ми*,[63] дружино, оже лошадий жалуете, ею же *к*то[64] оретъ; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить ѝ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?". И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: „Се язъ готовъ уже". И вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: „То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй". И посла*ста*[65] ко Олгови и Давыдови, глаго*люща:*[66] „Поидита на половци,[67] да любо будем живи, любо мертви". И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: „Не сдравьлю". Володимеръ же цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем, и Давыдъ Святославичь, и Давыдъ Всеславичь, и Мстиславъ Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичь, Ярополкъ Воло-

димеричь. И поидоша на коних и в лодьях, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчех в Хортичем островѣ. И всѣдоша на конѣ, и пѣш*ци*[68] из лодей вы*сед*ше[69] идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же, слышавше, яко идеть Русь, собрашася бе-щисла, и начаша думати. И рече Урусоба: „Просим мира у Руси, яко крѣпко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русскѣй земли“. И рѣша унѣйшии Урособѣ: „Аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и приимемъ грады ихъ, и кто избавить ѝ от насъ?“. Русскиѣ же князи и вои вси моляхуть бога, и обѣты вздаяху богу и матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогым, инии же манастырем требованья. И сице молящимся, поидоша половци и послаша пред собою *в*[70] сторожѣ Алтунопу, иже словяше в них мужеством. Тако же русскиѣ князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша рускиѣ сторожеве Олтунопу, и обиступивъше ѝ, и убиша Алтунопу и сущая с ним, и не избысть ни единъ, но *вся*[71] избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ: и Русь поидоша противу имъ. И богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепетъ от лица русскых вой, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах. Наши же с весельем на конѣх и пѣши поидоша к ним. Половци же, видѣвше устремленье руское на ся, не доступивш*е*[72] побѣгоша пред русскими полки. Наши же погнаша, секущ*е*[73] ѝ. Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кчия, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князий их, а Белдюзя яша. Посем же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, *и́*[74] приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотъ. Святополкъ же посла ѝ к Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: „То вѣдѣ яла вы рота. Многажды бо ходивш*е*[75] ротѣ, воевасте Русскую землю. То чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь хрестьяньску?

Да се буди кровь твоя на главѣ твоей". И повелѣ убити ѝ, и тако расѣкоша ѝ на уды. И посем сняшася братья вся, и рече Володимеръ: „«Сь день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся во нь»; яко господь избавилъ ны есть от врагъ наших, и покори врагы наша, и «скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людем» руськым". Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью, и заяша печенѣгы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великым, и с славою и с побѣдою великою. Сем же лѣтѣ придоша прузи, августа въ 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли половци.[76] Того же лѣта бися Ярославъ с мордвою, мѣсяца марта в 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Цесарюгороду, мѣсяца иулия въ 20. Томь же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь, августа въ 21 день. Том же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставися Вячеславъ Ярополчичь въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажем: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничто же, и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посредѣ круга кресть, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемь кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образом, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в нощь в лунѣ по 3 нощи. *1104*

В лѣто 6613. Постави митрополитъ епископа Анфилофия Володимерю, мѣсяца августа въ 27 день. Томь же лѣтѣ постави Лазаря в Переяславль, ноября въ 12. Томь же лѣтѣ постави Мину Полотьску, декабря въ 13 день. *1105*

1106 В лѣто 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина; и угониша половцѣ, и полонъ отяша. В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90, в старости маститѣ; живъ по закону божью, не хужий бѣ первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужь благъ, и кротокъ и смѣренъ, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть въ Печерьском монастыри, в притворѣ, иде же лежить тѣло его, положено мѣсяца иуня въ 24. В се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, месяца декабря въ 6. В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку. В то же лѣто пострижеся Святославь, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февраля въ 17 день. Том же лѣтѣ побѣдиша зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящь.

1107 В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. В се же лѣто преставися Володимеряя, месяця мая въ 7 день. Того же мѣсяця воева Бонякъ, и зая конѣ у Переяславля. Том же лѣтѣ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣпобѣши гоша. Наши же поча*ша*[77] сѣчи, женущи я̀, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече. Отбѣгоша же товара своего, еже взяша русскии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася в свояси с побѣдою великою. Святополкъ же приде в Печерьскый манастырь на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья цѣловаша ѝ с радостью великою, *глаголюще,*[78] яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя богородица и святаго отца нашего Феодосья. Такъ бо обычай имяше[79] Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо,

толи[80] поклонивъся у гроба Феодос*и*ева[81] и молитву въземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томь же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ къ Аепѣ и *ко*[82] другому Аепѣ, и створиша миръ. И поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку мѣсяца генваря 12 день. *А февраля 5 трясеся земля пред зорями в нощи.*[82]

В лѣто 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, въ 11 иулия мѣсяца. И кончаша тряпезницю Печерьскаго манастыря при Феок*ти*стѣ[83] игуменѣ, иже ю̀ и заложи повелѣньемь Глѣбовым, иже ю̀ и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и въ Припетѣ. В сем же лѣтѣ вложи богъ в сердце Феок*т*исту,[84] игумену печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Феодосья в сѣнаникъ. И радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. И повелѣ вписывати по всѣм епископьямъ, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати ѝ на всѣх *со*бор*е*хъ.[85] В се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца иулия в 11. В се же лѣто кончаша верхъ святыя богородица на Кловѣ, заложенѣй[86] Стефаном игуменом печерьскым. *1108*

В лѣто 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском манастырѣ у дверий, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, иде же лежит тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичь взя вежѣ половечскыѣ у Дону. *1109*

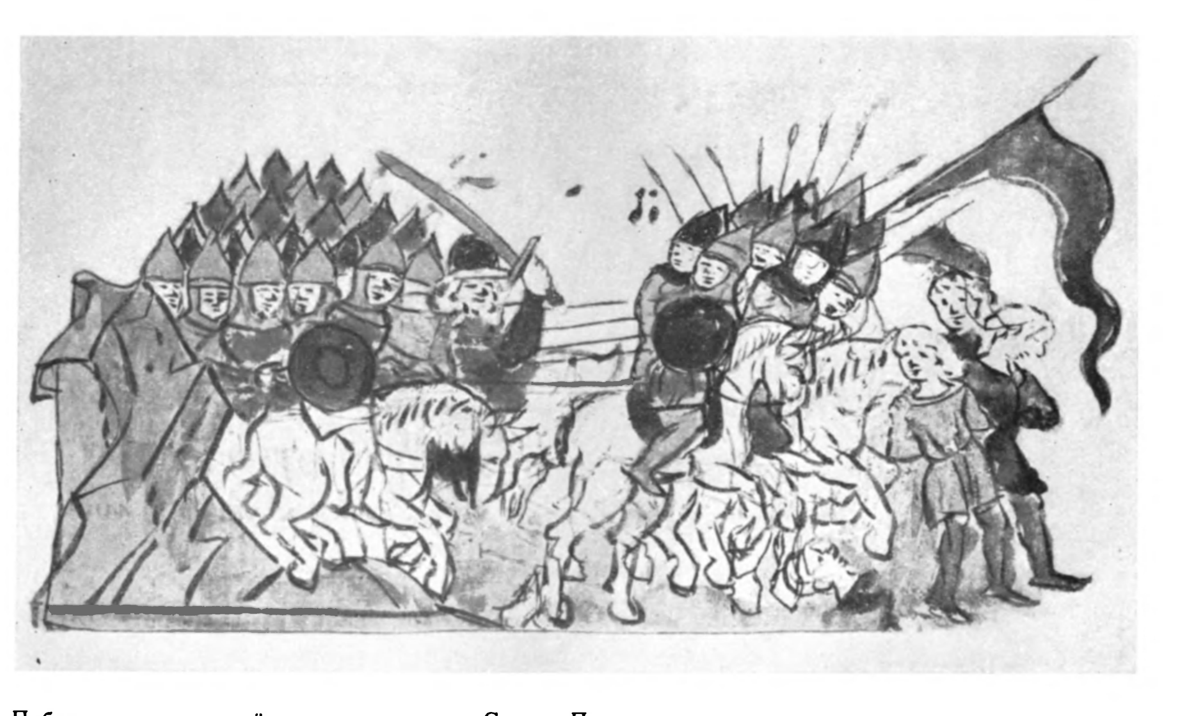
В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, *и*[87] Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася. Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерьстѣм монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в час 1 нощи; и весь миръ видѣ. С*ей*[88] же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ *1110*

мало, съступи на церковь и ста над гробомъ Феодосьевым, и потом ступи на верхъ акы ко встоку *лицемь,*[89] и потом невидим бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпом огненым, ово же пламенем. Яко же[90] рече Давыдъ: „Творя ангелы своя духы и слугы своя огнь *палящь,*[91] и шлеми суть повелѣньем божьимь, амо же хощеть владыка и творець всѣх. Ангелъ бо приходить, кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту *показаеть*[92] нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человекомъ естьства ангельскаго, яко и Моиси великый не взможе видѣти ангелскаго естьства: водяшеть бо я̀ въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше пред ними в нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же *бѣ*[93] быти, *еже*[82] и бысть на 2-е бо лѣто не *сь*[94] ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, яко же рече: „Ангелъ пред тобою предъидеть", и пакы:[95] „Ангелъ твой буди с тобою?"

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Лѣтописець, надѣяся от бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ.

Продолжение по Ипатьевской летописи

Яко же пророк Давидъ глаголеть: „Яко ангеломъ своимъ заповѣсть от тебе схранить тя". Яко же пишеть премудрый Епифаний: „Къ коеи же твари ангелъ приставленъ; ангелъ облакомъ и мъгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимы, и зноеви, и осени, и весны, и лѣта, всему духу твари его на земли, и таиныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподьнии тьмы, и сущи *връху*[96] бездны, бывшия древле верху земля, от нея же тмы, вечеръ, и нощь, и свѣтъ, и день". Ко всимъ тваремъ ангели пристав-



Победа русских князей над половцами на Суле: „Половци же ужасошася, от страха, не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони. . .“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 153.

Русские епископы вписывают Феодосия в синодик: „И вси же епископи с радостью вписаша“.

Миниатюра Радзивиловской летописи, л. 154.

лени; тако же ангелъ приставленъ къ которои убо земли, да соблюдають куюжьто землю, аще суть и погани. Аще божий гнѣвъ будеть на кую убо землю, повелѣвая ангелу тому на *ту*ю[97] убо землю бранью *ити*,[98] то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью божью. Яко и се бяше, и на ны навелъ богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ божьимъ: они бо бяху водими аньеломъ, по повелѣнью божью. Аще ли кто речеть, яко аньела нѣсть у поганыхъ, да слышить, яко Олександру Макидоньскому, ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и побидившю землю всю от въстокъ и до западъ, и поби землю Египетьскую, и поби Арама, и приде в островы морьскыя; и врати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побидити жиды, зане же бяху мирни со Дарьемь. И поиди со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемь посредѣ шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща над нимь и мѣчь нагъ в руцѣ его, и обличенье меча его, яко молонии. И запряже мечемь своимъ на главу цесареву. И ужасеся цесарь велми, и рече: „Не бий мене". И рече ему ангелъ: „Посла мя богъ уимати цесарѣ великии предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помагая ти. А нынѣ вѣдай, яко умерьщи понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣемъ божьимъ и к людемъ его". И рече цесарь: „Молю тя, о господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего. Аче не любо ти, а ворочюся дому моему". И рече ангелъ: „Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и узриши ту въ Ерусалими мужа въ *о*бличени*и* мое*м*,[99] и борзо пади на лици своемь, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тобѣ, створи. Не прѣступи рѣчи ему. Вонь же день приступиши рѣчь его, и умерши". И въставъ цесарь, иде въ Ерусалимъ, и пришедъ въспроси ерѣевъ: „Иду ли на Дарья?" И показаша ему книги Данила пророка, и рекоша ему: „Ты еси козелъ, а онъ овенъ, и потолчеши, и возмеши царство его". Се убо не ангелъ ли вожаше Олександра, не поганъ ли побѣжаше и вси Елини кумирослужебници? Тако и си погании попущени грѣхъ ради

нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянехъ *не*[XVIII,1] единъ ангелъ, но елико крестишася, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ; но противу божью повеленью не могуть противитися, но молять бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди. Яко же и бысть: молитвами святыя богородице и святых ангелъ умилосердися богъ, и посла ангелы в помощь русьскимъ княземъ на поганыя. Яко же рече к Моисѣеви: „Се ангелъ мой прѣдыпоидеть предъ лицемъ твоимъ". Яко же рекохомъ прѣже
1111 зьнаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18.

В лѣто 6619. Вложи богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володимерю; они же рекоша: „Не веремя нынѣ погубити смерьды от рольи". И посла Святополкъ к Володимерю, глаголя: „Да быхови ся сняла, и о томъ подумали быхомъ съ дружиною". Послании же прийдоша к Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчю. И прииде Володимеръ, и срѣтостася на Долобьскѣ. И сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рече Володимеръ: „Брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхъм промыслили о Русьской земли". И рече Святополкъ: „Брате, ты почни". И рече Володимеръ: „Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ. Но се дивно мя, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ половчинъ, ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадь *ту* и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть. То о сѣмь чему не мыслите?". И рекоша вся дружина: „Право во истину тако есть". И рече Святополкъ: „Се язъ, брате, готовъ есмь с тобою". И посласта ко Давыдови Святославичю, веляча ему съ собою. И въста Володимеръ и Святополкъ, и цѣловастася, и поидоста на Половцѣ Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ, и Володимеръ съ сынми, и Давидъ со сыномъ. И пои-

доша, возложивше надежю на бога и на пречистую матерь его, и на святыя ангелы его. И поидоша въ 2 недѣлю поста, а в пятокъ быша на Сулѣ. В суботу поидоша, и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша. А в недѣлю поидоша, в ню же хрестъ цѣлують, и приидоша на Пселъ,[3] и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ. Ту пождаша и вои; и оттудо идоша Вързскла, ту же завътра, въ среду; хрестъ цѣловаша, и възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами. И оттудѣ приидоша многи рѣки въ 6 недѣль поста, и поидоша к Донови въ вторникъ. И оболичишася во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимеръ пристави по*пы*[4] своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари коньдакы хреста честнаго и канунъ святой богородици. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ рускымъ, и вынесоша рыбы и вино. И перележаша нощь ту. И завътра, въ среду, поидоша к Сугрову, и пришедше зажьгоша й, а в четвергъ поидоша съ Дона, а в пятницю завътра, мѣсяца марта въ 24 день, собрашася половци, изрядиша половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши възложише надежю свою на бога, и рекоша: „Убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко". И цѣловашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху бога вышняго. И бывшю же соступу и брани крѣпцѣ, богъ вышний возрѣ на иноплеменникы со гнѣвомъ, падаху предъ хрестьяны. И тако побѣжени быша иноплеменьници, и падоша мнози врази, наши супостати, предъ рускыми князи и вои на потоци Дегѣя. И поможе богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу богу въ тъ день. И заутра, суботѣ наставшѣ, празноваша Лазарево въскресенье, благовѣщенья день, и похваливше бога, проводиша суботу, и в недѣлю приидоша. Наставшю же понедѣлнику страстныя недѣли, паки иноплеменници собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции и тмами тмы. И оступиша полкы рускыи. И посла господь богъ ангела в помощь русьскымъ княземъ. И поидоша половецьстии ***полци***[1] и полъцѣ русьстѣи, и зразишася первое с полкомъ, и трѣсну аки громъ

сразившима челома. И брань бысть люта межи ими, и падаху обои. И поступи Володимеръ с полки своими и Давыдъ, и возрѣвше половци вдашаплещи свои на бѣгъ. И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю. И побиша я̀ в понедѣлникъ страстныи, мѣсяца марта въ 27 день. Избьени быша иноплеменницѣ многое множество, на рѣцѣ Салницѣ. И спасе богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ, и Давидъ прославиша бога давшаго имъ побѣду таку на поганыя, и взяша полона много и скоты, и кони, и овцѣ, и колодниковъ много изоимаша рукама. И въпросиша колодникъ глаголюще: „Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте?“. Си же отвѣщеваху, глаголюще: „Како можемъ битися с вами, а друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?“. Токмо се суть ангели, от бога послани помогатъ хрестьяномъ. Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, русьскии князи. Се бо, яко же рекохомъ, видинье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, та же преступѣ на церковь и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни. И тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, яко же рекохомъ.

Тѣм же достоино похволяти англы, яко же Иоанъ Златоустець рече: ибо ти творцю безначално поють, милостиву ему быти и тиху человекомъ. Англы бо, глаголю, наша поборникы, на противныя силы воюющимъ, имь же есть архангелъ Михаилъ, ибо со дьяволомъ тѣла ради Моисиева противяся, на князь же перьскии свободы ради людьския противяся. Повеленьемь божьимъ, всю тварь раздѣлити и языкомъ старишины наставляюще; симъ же нѣкоего перьсямъ презрѣти[5] оправда, Михаила же сущимъ *обрѣзаном*[6] людемъ схранити повелѣ, съставити же предѣлы ихъ прогнѣваньемь, не *по грѣховьныя*[7] ярости, но от блаженаго нѣкоего неизреченьнаго слова; сему же работати июдѣемь персямъ нудящю, сему же на сво-

боду изъвлекущю, и прилѣжно к богу молитву приносящимъ, глаголюще: Господи, вседержителю, доколѣ не помилуеши Иерусолима и градъ июдовых, их же презрѣ сѣмьдесятное лѣто? Его же *видѣ*[8] видиньемь и Данилъ летящее лице его, яко видъ молъиный, рещи, очи его, яко свѣщи, и мышьци его и голени, яко видъ мѣди блещащеся, и гласъ слова[9] его, яко гласъ многаго народа. Отъ нихъ есть осла отвращая, и Валама от нечистого волъшьвлѣнья праздно творяй. От нихъ же и мѣчь извлѣкъ противу, Иисусу Наугину помощи ему на противныя образомъ повелѣвая. От нихъ есть 100 и 80 тысящь суриськиихъ единою нощью поразихъ, и сонъ варварьскыхъ смѣси смертью. От нихъ же есть, иже пророка Амбакума въздухомъ принесъ скончаньемь до пророка Данила, посредѣ же левъ прѣпита й. Таковии же убо и тации на враги изящьствують. Тако же есть и боголѣпныи Рафаилъ: от единыя рыбы урѣза утрьникы, бѣснующися отроковицю ицѣли, и слѣпа старца сълнъця видѣти створи ему. Убо не великихъ ли честии достоини суть, нашю жизнь хранящe? Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша аньгели, яко же речено бысть: „Егда раздѣляше вышнии языкы, ихъ же расия сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ божий; ны и вѣрнымъ человекомъ комуждо достася ангелъ. Ибо отроковица ради изглаголавши апостолъ предъ дверьми стоящю Петру, Иродова лица избѣ*чь*,[10] глаголаху, не имущи вѣры: и ангелъ его есть. Свидительствуеть же и симъ господь, глаголя: „Видите и *ра*дите[11] единого от малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ видять лице воину отца моего, сущю на небесѣхъ“. *Е*ще[12] же у коеиждо церкви хранителя ангелы пристави Христос, яко же открываеть Иоанъ, глаголя: „Рци ангелу, сущему въ церкьви Измуреньстѣ: видихъ твою нищету и скорбенъ, богатъ еси...“. Добро извѣстьно убо есть любящимъ насъ ангеломъ, яко насъ ради къ владыцѣ молящимся. Ибо служебнии дуси суть, яко же и апостолъ глаголеть: „Въ служенье слеми хотящимъ ради наслѣдити спасенье“. Ихъ же и поборникы, и с*по*борникы,[13] яко же и ныня слышалъ еси Данила, како вовъди архангела

Михаила персемь в часъ прогнѣванья нашея ради свободы. Се бо людемъ работати персямъ нужаше, яко же речено бысть, се же раздришити пленьныя тщашеся. И одалаеть Михаилъ противнику, ибо Ефратъ жидове пришедше, *отьне* [14] пакы селенье прияша, и градъ, и церковь създаша. Тако же и великий Епифании вѣща: „Коемуждо языку ангелъ приставленъ"; и списанье бо к Данилу глагола: ангелъ и властеля елиномъ и Михаила властеля июдѣемъ; глаголеть же: „И постави уставы по числу ангелъ".

И се пакы, яко же Иполитъ глаголеть, толкуеть Данила: „В лѣто третьее Кура цесаря, азъ Данилъ плакахъся три недѣли; перваго же месяца смирихся, моля бога дьний 20 и 1, прося от него откровенья таины; и услышавъ отец пусти слово твое, кажа хотящее быти имъ; и бысть на велицѣ *рѣцѣ*; [15] лѣпо бяшеть ту ся явити, идѣ же хотяше и грѣхи отпущати. И возведъ очи свои, видѣхъ: и се мужь одѣнъ в багоръ. Первый рече, видѣньемь, аки Гаврилъ ангелъ летя, сдѣ же не тако, но видъ самого господа, видъ же не свершена человека, но образомъ человекомъ являющася, яко же глаголеть: „И се мужь одѣнъ въ пъстро, и лядвия его припоясани златомъ чистомъ, и тѣло его, аки фарсисъ, и лице ему, аки молнья, и очи ему, яко свѣщи огненѣи, и мышци ему плещи подобни мѣди чистѣ, и глагола его, аки народа многа. И падохъ на земли, и се я мя аки рука, речи, человеку, и еще въстави мя на колѣну, и рече ко мнѣ: Не бойся, Даниле, вѣси, что ради приидохъ к тобѣ? Брань хочю створити съ княземъ перьскымь. Но повѣдаю ти псанье в писаньи истинномь, и ны никого же прящася о сѣмь со мною, развѣ Михаила князя вашего. Того бо оставихъ ту: от него же бо дьне устремися молити предъ богомъ твоимъ, услыша молитву твою, и пущенъ есмь азъ брань створити со княземь перескымъ, съвѣтъ [16] ны который бысть не отпусти люди, да скоро убо будеть молитва твоя свершена; противихся ему и оставихъ ту Михаила князя вашего. Кто есть Михаилъ, развѣ аньгела прѣданаго людемъ?". Яко и к Моисиеви глаголеть: „Не имамъ с вами ити на путь, зане же суть людье жестокою выею"; но ангелъ мои идеть с вами.

Яко же и се с божьею помощью, молитвами святыя богородица и святыхъ ангелъ, възъвратишася русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, донде же и до Рима проиде, на славу богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь.

Того же лѣта преставися княгини Всеволожая, мѣсяца октября въ 7 день, и положена бысть у святаго Андрѣя в манастыри. Того же лѣта преставися Иоанъ, епископъ Черниговьский, мѣсяца ноября въ 23.

В лѣто 6620. Индикта 5.[17] Ярославъ ходи на ятвезѣ, сынъ 1112
Святополчь, и побѣди я; и, пришедъ с воины, посла Новугороду, и поя Мьстиславлю дщерь собѣ женѣ, Володимерю внуку, мѣсяца маия въ 12, а приведена бысть июня въ 29. Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля. Того же лѣта преставися Давидъ Игоревичь, мѣсяца маия въ 25, и положено бысть тѣло его въ 29, въ церькви святыя богородица Влахѣрнѣ на Кловѣ. Томъ же лѣтѣ преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимѣра, мѣсяца ноября въ 3 день, положена бысть у церкви святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отець ея; ту бо ся бѣ и постьригла у церкви тоя, дѣвою сущи. Исходящю же сему лѣту, и поставиша Феоктиста епископомъ Чернѣгову, игумена Печерьскаго, месяца генваря въ 12 день, а посаженъ на столѣ въ 19. И радъ бѣ князь Давыдъ, и княгини, бѣ бо ѣй отець духовный, и бояре, и вси людье радовахуся; бѣ бо пред нимъ епископъ боленъ и не моги служити, и лежа в болести лѣтъ 25; тѣмь же князь и людье жадаху епископлѣ службѣ и радовахуся, славяще бога. Сему же тако бывьшю и братьи сущи безъ игумена, совокупившимся братьи всѣй, и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина, и възвистиша митрополиту и князю Святополку о немь. И повелѣ князь митрополиту поставити с радостью. И поставленъ бысть недѣлѣ масленоѣ в четвергъ, мѣсяца февраля въ 9 день. И тако внидоша в постъ братья и со игуменомъ.

1113 В лѣто 6621. Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне; бысть видити всѣмъ людемъ: остася солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29. Се же бывають знаменья не на добро; бывають знаменья въ солнци и в лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но в которой любо землѣ аще будеть знаменье, то та земля и видить, а ина земля не видить. Тако се древле, во дни[18] Онтиоховы быша знаменья въ Ерусалимѣ, ключися являтися на въздуси на конихъ рыщуще во оружьи, и оружьемь двизанье, то се бяше въ Иерусолимѣ токмо, а по инымъ землямъ не бяше сего. Яко жь бысть знаменье въ солнцѣ, проявляше Святополчю смерть. По семь бо приспѣ празникъ пасхы, и празьноваша; и по праздницѣ разболися князь; а преставися благовѣрныи князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца априля въ 16 день за Вышегородомъ, и привезоша ѝ в лодьи Киеву, и спрятавше тѣло его, и възложиша на санѣ. И плакашеся по немь бояре и дружина его вся, пѣвше над нимь обычныя пѣсни, и положиша въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же, (жена)[19] его, много раздили богатьство монастыремъ и попомъ, и убогымъ, яко дивитися всѣмъ человекомъ, яко такоя милости никто же можеть створити. Наутрия же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ". Се слышавъ Володимеръ, плакася велми, и не поиде, жаля си по братѣ. Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ, тысячького, идоша на жиды, разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастырѣ разъграбять". Се же слышавъ Володимеръ, поиде в Киевъ.

Начало княженья Володимѣря, сына Всеволожа. Володимеръ Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю. Усрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всими кияне

с честью великою. Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ; и вси людье ради быша, и мятежь влеже. Слышавше же половцѣ смерть Святополчю, и съвокупившеся, и придоша къ Выры. Володимеръ же, совокупивъ сыны свои и сыновцѣ, иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ, половцѣ же бѣжаша. Того же лѣта посади сына своего Святослава в Переяславлѣ, а Вячьслава у Смоленьскѣ. В се же лѣто преставися игуменья Лазорева манастыря, свята житьемь, месяца семьтября въ 4 на десятъ день, живши лѣтъ шестьдесятъ в чернечествѣ, а от роженья девяносто лѣтъ и два. В се же лѣто поя Володимеръ за сына своего Романа Володаревну, месяца семьтября въ 1 на десятъ день. В се же лѣто Мьстиславъ заложи церковь камяну святого Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ. Того же лѣта посади сына своего Ярополка в Переяславлѣ. Томъ же лѣтѣ поставиша епископа Данила Гургеву, а Бѣлугороду Никиту.

В лѣто 6622. Преставися Святославъ, сынъ Володимеръ, *1114*
мѣсяца марта 16 день, и положенъ бысть во Переяславлѣ у церкви святого Михаила; ту бо отець ему далъ столъ, выведы и изъ[20] Смоленьска. В се же лѣто Мьстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мьстиславѣ. Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане; яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, находять дѣти наши глазкы стекляныи и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: „Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли“. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкыи и вси ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа. „Въ царство Прово,[21] дож-

гьцю бывшю и тучи велиции, пшеница с водою многою смѣшена спаде, юже събравше, насыпаша сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти сребреныя спадоша, а въ Африкѣи трие камени спадоша превелици". И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, „поча царьствовати первое Местромъ от рода Хамова, по немь Еремия, по немь Феоста", иже и Сварога нарекоша егуптяне. „Царствующю сему Феостѣ въ Егуптѣ, въ время царства его, спадоша клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и камениемъ бьяхуся. Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужь посагати и ходити говеющи, а, иже прелюбы дѣющи, казнити повелѣваше. Сего ради прозваше ѝ богъ Сварогъ". „Преже бо сего жены блудяху, к нему же хотяше, и бяхоу, акы скотъ, блудяще. Аще родяшеть дѣтищь, которыи ѣй любъ бываше, дашеть: „Се твое дѣтя"; он же створяше празнество приимаше. Феость же сь законъ расыпа, и въстави единому мюжю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужь посагати; аще ли кто переступить, да ввергуть ѝ в пещь огнену". „Сего ради прозваша ѝ Сварогомъ и блажиша ѝ егуптяне. И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, семъ тысящь и 400 и семъдесять дний, яко быти лѣтома двемадесятьма ти полу. Нѣ видяху бо егуптяне инии чисти; ови по лунѣ чтяху, а друзии деньми лѣта чтяху; двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, от нележе начаша чѣловѣци дань давати царемъ. Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужь силенъ; слышавше нѣ от кого жену нѣкую от егуптянинъ богату и в *сану*[22] сущю, и нѣкоему, въсхотѣвшю блудити с нею, искаше ея, яти ю̀ хотя, и не хотя отца своего закона расыпати, Сварожа. Поемъ со собою мужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣеть, нощью припаде на ню, не удоси мужа с нею, а ону обрѣте, лежащю съ инѣмъ, с нимъ же хотяше. Емъ же ю̀, и мучи, и пусти ю̀ водити по земли в коризнѣ, а того любодѣица всѣкну. И бысть чисто житье по всей земли Египетьской, и хвалити начаша". Но мы не предолжимъ[23] слова, но рцѣмъ съ Давидомъ: „Вся

елико въсхотѣ, и створи господь на небеси и на земли, в мори, въ всихъ безнахъ, възводяй облакы от послѣднихъ земли". Се бо и бысть послѣдняя земля, о ней же сказахомъ первое.

В лѣто 6623, индикта 8, съвъкупишася братья, русции 1115
князи, Володимеръ, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожь, и Давидъ Святославлиць, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь телесема ею̀ и на положение. Первое же освятиша церковь камяную, мая въ 1 день, в суботу; наутрия же въ 2 день перенесоша святая. И бысть сборъ великъ, сшедшюся народу съ всихъ странъ, митрополитъ Микифоръ съ всими епископы: съ Фектистомъ черниговьскымъ, с Лазаремъ переяславьскымъ, с попомъ Никитою бѣлогородьскымъ и с Данилою гурьговьскымъ, и съ игумены: с Прохоромъ печерьскымъ и съ Селивестромъ святого Михаила, и Сава святого Спаса, и Григорий святого Андрѣя, Петръ кловьскый, и прочии игумени. И освятиша церковь каменую. И отпѣвшимъ имъ обѣдьнюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико, и накормиша убогыя и странъныя по 3 дьни. И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени оболокошася у святительскыя ризы и свѣща въжгегъ с кадѣлы благовоньными, и придоша к ракама святою, и взяша раку Борисову, и въставиша ѝ на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, черньцемъ упрѣдъ идущимъ съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, та же игумени, та же епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ. И не бѣ лзѣ вести от множества народа: поламляху воръ, а инии и покрили бяху градъ и забрала, яко страшно бяше видити народа множество. И повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволокы, орници, бѣль, розметати народу, овѣ же сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви, и идоша по Глѣба. Тѣм же образомъ и сего привезоша, и поставиша у брата. Распри же бывши межи Володимеромъ и Давыдомъ, и Ольгомъ, — Володимеру бо хотящю я̀ поставити средѣ церкви и теремъ серебренъ поставити над

нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я̀ в комару, „иде же отецъ мои назнаменалъ“, на правой сторонѣ, иде же бяста устроенѣ комарѣ има. И рече митрополитъ и епископи: „Верзите жребий, да кдѣ изволита мученика, ту же я̀ поставимъ“, и вгодно се бысть. И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой тряпезѣ; и выняся жребий Давыдовъ и Олговъ. И поставиша я̀ в комару тою, на деснѣй странѣ, кде ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика, маия въ вторый день, из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ. Иже еста похвала княземъ нашимъ и заступника земли Русцѣй, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопамъ его изволиста шествовати, овчате Христовѣ добрии, яже влекома на заколение, не противистася, ни отбѣжаста нужныя смерти. Тѣм же и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ ицѣления приемъша от Спаса нашего Иисуса Христа, неискудно подаваета недужнымъ, с вѣрою приходящимъ въ святый храмъ ею, поборника отечьству своему. Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша бога и святою мученику. И тако разидошася кождо въ свояси. Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ и украси гроба ею̀, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ, им же покланяются людие, просяще прощения грѣхомъ.

В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи[24] снѣдаемо солнце. В се же лѣто преставися Олегъ Святославличь, мѣсяца августа въ 1 день, а во вторый погребенъ бысть у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. Того же лѣта устрои мостъ чересъ Днѣпръ.

1116 В лѣто 6624. Приходи Володимеръ на Глѣба: Глѣбъ бо бяше воевалъ дрѣговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголюще, укаряя й. Володимеръ же, надѣяся на бога и на правду, поиде къ ***Мѣньску***[25] съ сынъми своими и с Давыдомъ Святославичемъ, и Олговичи. И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ

Ярополкомъ узя Дрьютескъ на щитъ, а Володимеръ самъ поиде къ Смоленьску; и затворися Глѣбъ въ градѣ. Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глѣбови же, узрившю, оужасесе сердцемь, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля от себе послы. Володимеръ же съжали си тѣмь, оже проливашеться кровь въ дьни постьныя великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же, вышедъ из города съ дѣтми и с дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, омирѣвъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възратися Киеву. Ярополкъ же сруби городъ Жельди дрьючаномъ, их же бѣ полонилъ. В се же лѣто Мьстиславъ Володимеричь ходи на чюдь с новгородчи и со пьсковичи, и взя городъ ихъ именемъ Медвѣжа Глава, и погостъ бе-щисла взяша, и възвратишася въ свояси съ многомъ полономъ. В се же лѣто иде Леонь царевичь, зять Володимерь, на куръ от Олексия царя, и вдася городовъ ему дунайскыхъ нѣколко; и в Дельстрѣ городѣ лестию убиста и҆ два сорочинина, посланая царемъ, мѣсяца августа въ 15 день. В се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю. В се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода на Донъ, и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену красну велми, ясьскаго князя дщерь полонивъ. Томъ же лѣтѣ и Предъславна, черница, Святославна предъставися. Томъ же лѣте ходи Вячеславъ на Дунай с Фомою Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дьрьсту, и не въспѣвше ничто же, воротишася. В се же лѣто бишася с половци и с торкы, и с печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дьни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи. В се же лѣто преставися Романъ Всеславичь. В се же лѣто преставися Мьстиславъ, внукъ Игоревъ. Томъ же лѣтѣ Володимерь отда дщерь свою Огафью за Всеволодка.

В лѣто 6625. Приведе Володимеръ Мьстислава из Нова- *1117*
города, и дасть ему отець Бѣлъгородъ, а Новѣгородѣ сѣде

Мьстиславичь, сынъ его, внукъ Володимеровъ. В се же лѣто иде Володимеръ на Ярослава к Володимерю и Давыдъ и ольговичи,[26] и Володарь, и Василко и оступиша й у городѣ Володимери, и стояша дьний шестьдесять, и створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ строемъ своимъ Володимеромъ; и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити: „Когда тя позову". И тако в мирѣ разидошася кождо въ свояси. Тогда же придоша половци къ болгаромъ, и высла имъ князь больгарьскыи пити съ отравою, и пивъ Аепа и просии князи вси помроша. Семъ же лѣтѣ преставися Лазоръ, епископъ Переяславьскый, семтября въ 6. Томъ же лѣтѣ придоша Бѣловѣжьци в Русь. В се же лѣто поя Володимеръ за Андрѣя внуку Тугъртъканову. В се же лѣто потрясеся земля, семтября въ двадесять шестый. Того же лѣта въведе Глѣба из Мѣньска Володимеръ, и церковь заложи на Льтѣ мученику...[27] Володимеръ же посла сына Романа во Володимерь княжить. Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его Иванъ.

П Е Р Е В О Д

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Так начнем повесть сию.

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Ефрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Индия, Аравия Сильная, Килисирия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фиваида, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирсис, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся против Гадира. На востоке же находятся (во владениях Хама): Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Кавалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Еолида, Вифиния, Старая Фригия; и некоторые острова: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхис, Босфор, Меотий, Деревня, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия.

Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопонес, Аркадия, Ипиротия, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского (Черного) моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасийские горы, т. е. Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близь моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу — до земли английской и волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманы, готы, русь, англы, галлы, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуезцы и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. Был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они построить столп до неба, — было это в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и город около него Вавилон; и строили столп тот 40 лет, и не был он закончен. И сошел господь бог видеть город и столп, и сказал господь: вот род един и народ един. И смешал бог народы, и разделил на 70 и 2 народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту... и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама южные страны, Иафетовы же — взяли запад и северные страны. От

этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другии назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась „славянская".

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти входят в Ильмень озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, а направляется на север и впадает в море Варяжское. Из этого же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из

Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим и проплыл в устье Днепровское и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет великий город и воздвигнет бог много церквей“. И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: „Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя молодые прутья, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, еле живые, и тогда обольются водою студеною, и только так оживут. И делают это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и это совершают омовенье себе, а не мученье“. Те, кто слышал об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем, — *Д. Л.*) были уже поляне и жили они родами на своих местах, управляясь каждые своим родом. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица,

а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сегодня в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: „На перевоз на Киев". Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем, Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, — не знаем только к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил небольшой город, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близживущие. Так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск. Именно там сидят кривичи, от них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь,

литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах.

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хозар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю славянскую, прогнав волохов, которые еще прежде захватили славянскую землю. Эти ведь угры появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: „Сгинули как обры", — их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это впоследствии — при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли, и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; вот почему греки называли их „Великая Скифь".

Все они (эти племена) имели свои обычаи и законы своих отцов и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий (Амартол) в своем летописании: „Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, принимают как предание отцов. Из этих последних первые — сирийцы, живущие на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами. Эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх божий. Иначе — у соседних с ними индийцев. Эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; или — во внутренних областях их страны, где едят людей и убивают

путешественников и даже едят как псы. Свой закон и у халдеян, и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое они бесстыдство творят считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны. Другой закон у гилий: жены у них пашут и созидают храмы, и мужские деяния совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь. Есть среди них и храбрые женщины и женщины умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и воинствуют, как и они. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но как бессловесный скот однажды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужчинами, считая то время как бы некиим торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве, — снова разбегутся из тех мест. Когда же придет время родить, и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то прилежно вскормят ее и воспитают".

Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов, и берут своих мачех и ятровей, и выполняют иные обычаи своих отцов. Мы же христиане всех стран, где веруют во святую Троицу и в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива, — *Д. Л.*) поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: „Платите нам дань". Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам, и сказали им: „Вот, новую дань захватили мы". Те же спросили у них: „Откуда?". Они же ответили: „В лесу на горах над рекою Днепром". Опять

спросили те: „А что дали?“. Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: „Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель“. И сбылось это все, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при Фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: „Этот унизит когда-нибудь Египет“. Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так вот и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360, индикта 15, когда начал царствовать Михаил, *852*
стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется, об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Аврама 1000 и 82 года, а от Аврама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до вышеупомянутого Михаила 542 года. А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, — как уже начали: с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года.

853 В год 6361.

854 В год 6362.

855 В год 6363.

856 В год 6364.

857 В год 6365.

858 В год 6366. Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, узнав об этом, не смогли противостать им, попросили их крестить и обещали покориться грекам. Царь же крестил их князя и всех бояр и заключил мир с болгарами.

859 В год 6367. Варяги из заморья взимали дань с чуди и со славян, и с мери, и с всех кривичей, а хозары брали с полян и с северян, и с вятичей, — брали по серебряной монете и по белке от дыма.

860 В год 6368.

861 В год 6369.

862 В год 6370. Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой. И сказали они себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свеи (шведы), а иные норманы и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его

Трувор. И овладел всею властью один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полотске — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: „Чей это городок?". Тамошние же жители ответили: „Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде.

В год 6371. *863*

В год 6372. *864*

В год 6373. *865*

В год 6374. Отправились Аскольд и Дир войной на греков *866*
и пришли туда в 14-й год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян и дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград. И возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, совершили много убийств христианам и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и с патриархом Фотием всю ночь молился в церкви святой Богородицы во Влахерне. И вынесли они с песнями божественную ризу святой богородицы, и омочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны разметали корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой.

В год 6375. *867*

В год 6376. Начал царствовать Василий. *868*

В год 6377. Крещена была вся земля Болгарская. *869*

870 В год 6378.

871 В год 6379.

872 В год 6380.

873 В год 6381.

874 В год 6382.

875 В год 6383.

876 В год 6384.

877 В год 6385.

878 В год 6386.

879 В год 6387. Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, — отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

880 В год 6388.

881 В год 6389.

882 В год 6390. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что де „Мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим“. Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: „Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода“, а когда вынесли Игоря, добавил: „Вот он сын Рюрика“. И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет матерью городам русским“. И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся Русью. Тот Олег начал

ставить города и установил дани славянам и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391. Начал Олег воевать против древлян и, поко- *883*
рив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392. Отправился Олег на северян и победил их, *884*
и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: „Я враг их и вам им платить незачем“.

В год 6393. Послал Олег к радимичам, спрашивая: „Кому *885*
даете дань?“. Они же ответили: „Хазарам“. И сказал им Олег: „Не давайте хазарам, но платите мне“. И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394. *886*

В год 6395. Царствовал Леон, сын Василия, который про- *887*
зывался Львом, и брат его Александр, царствовавший 26 лет.

В год 6396. *888*

В год 6397. *889*

В год 6398. *890*

В год 6399. *891*

В год 6400. *892*

В год 6401. *893*

В год 6402. *894*

В год 6403. *895*

В год 6404. *896*

В год 6405. *897*

В год 6406. Шли угры (венгры) мимо Киева горою, которая *898*
прозывается теперь Угорской, и пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими (Карпаты), и стали воевать против живших там волохов и славян. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Сла-

вянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков, и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать против моравов и чехов. Был един народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют Русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: „Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас, и объяснил святые книги; ибо не знаем мы ни греческого языка, ни латинского. Одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их“. Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, что сказали славянские князья. И сказали философы: „В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы“. Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь со словами: „Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина“. Услышав об этом, Лев вскоре же послал их. И пришли они к царю, и сказал им царь: „Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги. Ибо этого они хотят“. И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли, — начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии божьем на своем языке. Затем перевели они Псалтырь и Октоих и другие книги. И поднялись на них некие люди, роптали и гово-

рили, что де „Ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте господнем написал только на этих языках". Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, так говоря: „Да исполнится слово писания: «Пусть восхвалят бога все народы» и другое: «Пусть все народы восхвалят величие божие, поскольку дух святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которому поучал вас учитель ваш Мефодий". Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника — одного из 70 апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов хороших скорописцев и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику апостола Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там. Там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы Русь; поэтому и нам, Руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались Русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский.

В год 6407. *899*

В год 6408. *900*

В год 6409. *901*

902 В год 6410. Леон царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Дерестр.

903 В год 6411. Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу.

904 В год 6422.

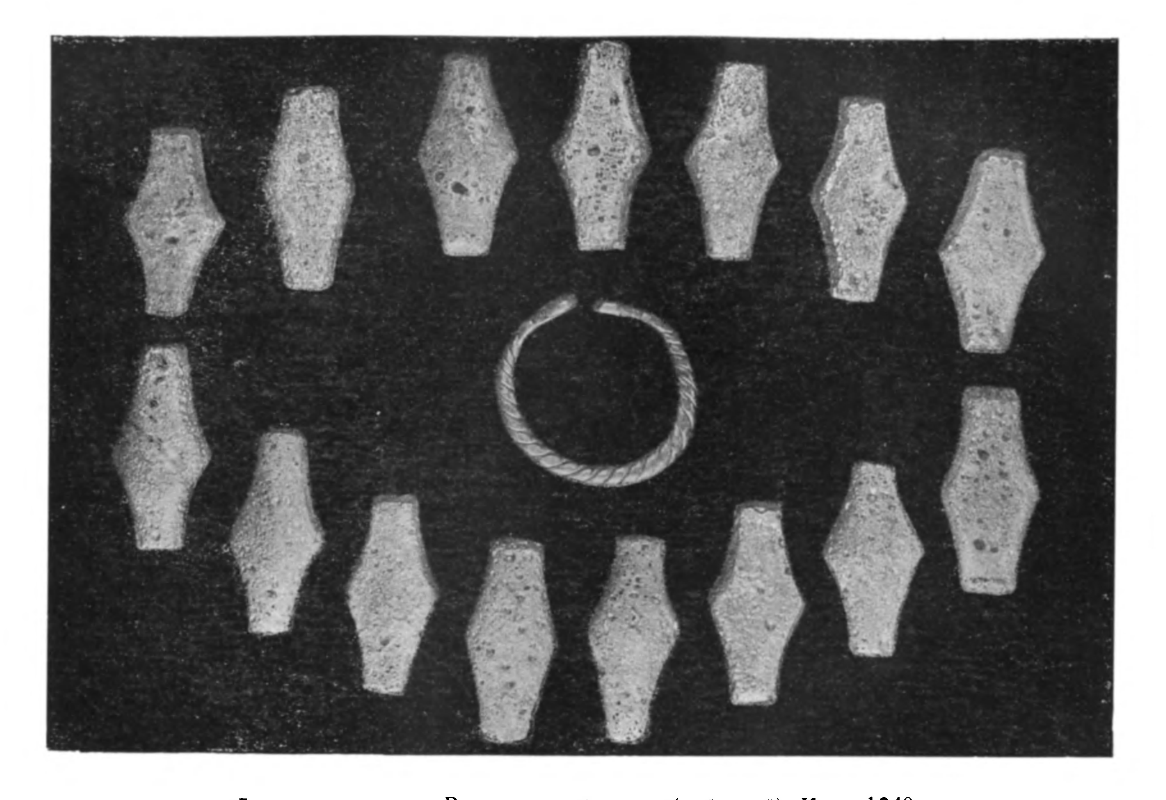
905 В год 6413.

906 В год 6414.

907 В год 6415. Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки „Великая Скифь". И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: „Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь". И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: „Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога". И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

И согласились на это греки, и стали греки ⌈просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями



Денежные гривны. В середине браслет („обручь“). Клад 1940 г.

Византийская ткань (реконструкция).

Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: „Платите мне дань". И сказали греки: „Что хочешь, дадим тебе". И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полотска, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. „Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно. И обязались греки, и сказали цари и все бояре: „Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви св. Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва, пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов".

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном их богом, и Волосом богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: „Сшейте для Руси паруса из паволок, а славянам полотняные". И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а славяне полотняные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: „Возьмем свои простые паруса, не дались славянам

паруса из паволок". И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

908 В год 6416.

909 В год 6417.

910 В год 6418.

911 В год 6419. Явилась на западе большая звезда в виде копья.

912 В год 6420. Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так:

„Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его — светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению всех, кто находятся под рукою его, русских. Наша светлость превыше всего желая в боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую неоднократно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по божьей вере и дружбе. Первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, как только можем, сохранить с вами в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, открытым объяв-

лением и преданием письму с закреплением клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, — русский христианина, или христианин русского, — да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому; если же сделавший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, с другой стороны, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и (в обоих этих случаях) будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно насильно возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас русских, и (хозяин) соберется снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта от бури или противного ветра задерживается и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с куплею их поздорову. Если же случится около Греческой земли такое же зло русской ладье, то проводим ее в Русскую землю и пусть (свободно) продают товары той ладьи (еще в Греции), так что если можно что продать из той ладьи, то пусть (беспрепятственно) вынесем (на греческий берег) мы, русские. И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьею, быть убиту, или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если, действительно, окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него цена его, как уже сказано выше, существующая по обычным торговым расчетам.

Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы не пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание.

Византийская парчевая ткань из гробницы Андрея Боголюбского (реконструкция).

Паволока (реконструкция).

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны,—все эти должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его... Если же кто-либо из тяжущихся не позволит произвести дознание, — тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет (из них), не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам (детям?). Если же сделает завещание, то пусть возьмет завещанное ему тот, кому написал умирающий наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских, взимающих куплю...

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы до-

говор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420".

Царь же Леон почтил русских послов дарами — золотом и шелками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою, и установили не преступать клятвы — ни грекам, ни Руси.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: „Отчего я умру?". И сказал ему один кудесник: „Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе умереть!". Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: „Никогда не сяду на него и не увижу его больше". И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: „Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?". Тот же ответил: „Умер". Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: „Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив". И приказал оседлать себе коня: „Да увижу кости его". И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: „От этого ли черепа смерть мне принять?". И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплаки-

вали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство, так было и в царствование Доментиана. Тогда был известен некий волхв именем Апполоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию (Царьград), его упросили живущие там сделать следующее: он отогнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на сонмище бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми — антиохиянинами, — страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликать, потрясая теми палками: „Быть городу без комара!" И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавших городу землетрясениях, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: „Увы тебе, несчастный город, много тебя будет трясти земля и огнем будешь попален, оплачет тебя и Оронтий на берегу". Об Апполонии этом и великий Анастасий Иерусалимский сказал: „Чудеса, произведенные Апполонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: некоторые из них сотворенные, чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, но на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы такие чудеса, но и по смерти у гроба его творили бесы чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом". Итак, кто что скажет о творящих волшебство? Ведь вот, этот искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему словом только

творить то, что он хотел, а не действием. То все попущением божиим и творением бесовским случается,— всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка, пребывая в господе и не отвлекаясь дьяволом призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Бывает же, что некоторые и именем господа пророчествуют, как Валаам и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют. Ибо Валаам был чужд и праведного жития и веры, но тем не менее действовала в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было, поистине, сказано: „Не чудесами прельщать. . .“.

913 В год 6421. По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

914 В год 6422. Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой.

915 В год 6423. Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собирались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли во-свояси, а болгары сразились с греками, и иссечены были греки. Симеон же захватил Адрианополь, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона. Орест когда-то купался в трех

реках и избавился тут от своей болезни; от этого назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом градом.

В год 6424. *916*

В год 6425. *917*

В год 6426. *918*

В год 6427. *919*

В год 6428. У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов. *920*

В год 6429. *921*

В год 6430. *922*

В год 6431. *923*

В год 6432. *924*

В год 6433. *925*

В год 6434. *926*

В год 6435. *927*

В год 6436. *928*

В год 6437. Пришел Симеон на Царьград и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и с гордостию. И сотворил мир с Романом царем, и возвратился во-свояси. *929*

В год 6438. *930*

В год 6439. *931*

В год 6440. *932*

В год 6441. *933*

В год 6442. Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми. *934*

В год 6443. *935*

В год 6444. *936*

В год 6445. *937*

В год 6446. *938*

В год 6447. *939*

В год 6448. *940*

В год 6449. Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: 10 тысяч *941*

кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили, — одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон Суда захватили богатств немало. Затем пришли с востока воины — Панфир деместик с сорока тысячами, Фока патрикий с македонянами, Федор стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, и окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись. И так остаток их возвратился домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. „Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их". Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь итти на них походом.

942 В год 6450. Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарами.

943 В год 6451. Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились во-свояси.

944 В год 6452. Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: „Вот, идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли". Также и бол-

гары послали весть, говоря: „Идут русские и наняли с собой печенегов“. Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою: „Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани“. Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: „Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле, ведь, ходим, но по глубине морской: всем общая смерть“. И послушал их Игорь, и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву во-свояси.

В год 6453. Прислали Роман и Константин, и Стефан *945*
послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире; и послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов, и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию.

„Список с договора, заключенного при царях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянника Игоря; Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Шихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Туродов; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Акун племянника Игоря; Кары Тудков; Каршев Туродов; Егри Евлисков; Воист Войков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Явтяг Гунарев; Шибрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка...; Алвад Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купцы Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моне, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья,

и от всех людей Русской земли. И этим (последним) поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь и князья, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и Стефану, к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто из русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь.

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли сколько хотят, с послами и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: послал столько-то кораблей, чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут меся-

чину — послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по 50 золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святого Мамонта зимовать да не имеют права.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну нашу, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, — по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит тоже наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет

наказан по закону греческому и по уставу и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую при выкупе пусть наши дают 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, и если с другой стороны попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, — дам ему, сколько ему будет нужно.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков, — наших царских подданных, — да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского, или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его.

Если же убежит убийца и скроется, а будет он обладать собственностью, то пусть родственники убитого возьмут имущество его; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его пока не найдется, а когда найдется, да будет убит.

Если же ударит мечом или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, — на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой — имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, — пусть доставят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, в предлежании честнаго креста и хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли, или иной кто, крещеный или некрещеный, да не получит он помощи от бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские слагают свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано на хартии этой, будет соблюдаться Игорем и всеми боярами и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия, и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если утвердит князь Игорь клятвою договор этот, — да хранит любовь эту правую, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие".

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: „Скажите, что приказал вам царь?". И сказали послы царя: „Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей". Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов, и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его, — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы: это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов и хазар. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском. Послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани.

В год 6453. В тот год сказала дружина Игорю: „Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем,

князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы". И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад,— поразмыслив, сказал своей дружине: „Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще". И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая бо̀льшего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: „Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит". И послали к нему, говоря: „Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань". И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: „Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим". И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе, и сказала им: „Добрые гости пришли"; и ответили древляне: „Пришли, княгиня". И сказала им Ольга: „Говорите, зачем пришли сюда?". Ответили же древляне: „Послала нас Деревская земля, с такими словами: „Мужа твоего мы убили,

так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала". Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: „Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье". И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: „Зовет вас Ольга для чести великой". Они же ответили: „Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье". И ответили киевляне: „Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя". И понесли их в ладье. Они же уселись величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: „Хороша ли вам честь?". Они же ответили: „Пуще нам Игоревой смерти". И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: „Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди". Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: „Вымывшись, придите ко мне". И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: „Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего,

да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну". Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: „Где дружина наша, которую послали за тобой?". Она же ответила: „Идут за мною с дружиною мужа моего". И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454. Ольга с сыном своим Святославом собрала много *946*
храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: „Князь уже начал; последуем, дружина, за князем", и победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу, со словами: „До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода". Древляне же ответили: „Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего". Сказала же им Ольга, что де „Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий

раз мстила я, когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить,— хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь". Древляне же спросили: „Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха". Она же сказала: „Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости". Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: „Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город". Древляне же с радостию вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

Аксамит.

Остатки крепостных стен Херсонеса VI в.

Фото А. Л. Якобсона

В год 6455. Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле и свидетельства о ней, и места ее, и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви. 947

В год 6456. 948

В год 6457. 949

В год 6458. 950

В год 6459. 951

В год 6460. 952

В год 6461. 953

В год 6462. 954

В год 6463. Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин (Багрянородный), сын Льва (Философа), и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: „Достойна ты царствовать с нами в столице нашей“. Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: „Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, — иначе не крещусь“. И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: „Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков“. И дал ей заповеди о церковном уставе и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: „Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских“. И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: „Хочу взять тебя в жены 955

себе". Она же ответила: „Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, — ты сам знаешь". И сказал ей царь: „Перехитрила ты меня, Ольга". И дал ей многочисленные дары, золото и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: „Люди мои язычники и сын мой, — да сохранит меня бог от всякого зла". И сказал патриарх: „Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха в древнейшие времена, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков в печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от дьявола и от сетей его". И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю, и пришла в Киев. Произошло это, как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать многую премудрость Соломона, и увидела свидетельства этой мудрости. Так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта божьей. „Ибо ищущие мудрости найдут". „Премудрость на перекрестках возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество". Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудростью, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: „Желание благоверных приятно для души"; и „Наклонишь сердце твое к размышлению"; „Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня". Господь сказал: „Приходящего ко мне не изгоню вон".

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: „Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда де возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск и меха и воинов в помощь". Отвечала

Ольга через послов: „Если ты также постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе". И отпустила послов с этими словами. Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом, и учила его мать принять крещение, но он и не думал и не прислушивался к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. „Ибо для неверующих вера христианская юродство есть"; „Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме" и не ведают славы господней; „Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят". Ибо сказал Соломон: „Дела нечестивых далеки от разума"; „Потому что звал вас, и не послушались меня, направил слова и не внимали мне, но отвергли мои советы, и обличений моих не приняли"; „Возненавидели премудрость, а страха божьего не избрали для себя, не приняли совета моего, презрели все обличения мои". Так и Ольга часто говорила: „Я познала бога, сын мой, и радуюсь если и ты познаешь — тоже станешь радоваться". Он же не внимал тому, говоря: „Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться". Она же сказала ему: „Если ты крестишься, то и все сделают то же". Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: „Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет". Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: „Поучающий злых наживет себе обиду, обличающий же нечестивого опорочит себя; ибо обличения нечестивых — язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя". Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: „Да будет воля божья; если захочет бог помиловать род мой и народ русский, то вложит им в сердце то же желание обратиться к богу, что даровал и мне". И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464. *956*

В год 6465. *957*

958 В год 6466.
959 В год 6467.
960 В год 6468.
961 В год 6469.
962 В год 6470.
963 В год 6471.
964 В год 6472. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: „Хочу на вас итти". И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: „Кому дань даете?". Они же ответили: „Хазарам — по щелягу от рала даем".
965 В год 6473. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.
966 В год 6474. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.
967 В год 6475. Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.
968 В год 6476. Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было

ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: „Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам". И сказал один отрок: „Я проберусь", и ответили ему: „Иди". Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: „Не видел ли кто-нибудь коня?". Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: „Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам". Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: „Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав". И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: „Кто это пришел?". А тот ответил ему: „Люди той стороны (Днепра)". Печенежский князь снова спросил: „А ты не князь ли уж?". Претич же ответил: „Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество". Так сказал он, чтобы пригрозить печенегам. Князь же печенежский сказал Претичу: „Будь мне другом". Тот ответил: „Так и сделаю". И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: „Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги,

и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?". Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

969 В год 6477. Сказал Святослав матери своей и боярам своим: „Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы". Отвечала ему Ольга: „Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?" — ибо она уже разболелась. И продолжала: „Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь". Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — этот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла; как луна в ночи, так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: „Радуйся русское познание бога, начало нашего с ним примирения". Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: „Веселится народ похваляемому праведнику". Память праведника бессмертна, так как признается он и богом, и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая

тлением; ибо сказал пророк: „Прославляющих меня прославлю". О таких ведь Давид сказал: „В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на господа; утверждено сердце его и не дрогнет". Соломон же сказал: „Праведники живут во-веки; награда им от господа и попечение о них у всевышнего. Посему получат они царство красоты и венец доброты от руки господа, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею". Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478. Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега *970*
у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: „Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя". И сказал им Святослав: „А кто бы пошел к вам?". И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: „Просите Владимира". Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: „Дай нам Владимира". Он же ответил им: „Вот он вам". И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец (на Дунае).

В год 6479. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились *971*
болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: „Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно братья и дружина!". И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: „Хочу итти на вас и взять столицу вашу, как и этот город". И сказали греки: „Не вмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи сколько вас, чтобы розочлись мы по числу дружинников твоих". Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: „Нас двадцать тысяч", но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани.

И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их, — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: „Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим, — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь“. И ответили воины: „Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим“. И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: „Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?“. И сказали ему бояре: „Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?“. И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: „Следи за его видом, и лицом, и мыслями!“. Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: „Введите их сюда“. Те вошли и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: „Спрячьте“. Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: „Пришли де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, — приказал спрятать“. И сказал один: „Испытай его еще раз: пошли ему оружие“. Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все как было. И сказали бояре: „Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань“. И послал к нему царь, говоря так: „Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь“. Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: „Возьмет де за убитого

род его". Взял же и даров много, и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: „Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня", так как многие были убиты в боях. И сказал: „Пойду на Русь, приведу еще дружины".

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: „Хочу иметь с тобою твердый мир и любовь". Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: „Если не заключим мир с царем, и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам тогда поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград". И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: „Пусть говорят послы русские". Они же начали: „Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена»". Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

„Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу

иного народа на страну вашу, ни на то, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если и иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное наше оружие. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями".

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: „Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги". И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: „Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа". Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них (русских) еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав.

972 В год 6480, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было 20 и 8.

973 В год 6481. Начал княжить Ярополк.

974 В год 6482.

975 В год 6483. Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил своих: „Кто это?". И ответили ему: „Свенельдич".

И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: „Пойди на своего брата и захвати волость его“.

В год 6484. 976

В год 6485. Пошел Ярополк походом на брата своего 977
Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Вручий (Овруч); а через ров к городским воротам был перекинут мост и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало туда с конями, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата. И искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: „Видел я, как вчера спихнули его с моста“. И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: „Смотри, этого ты и хотел!“. И похоронили Олега в поле у города Вручего, и есть могила его у Вручего и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней. В свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде, и владел один Русскою землею.

В год 6486. 978

В год 6487. 979

В год 6488. Владимир вернулся в Новгород с варягами 980
и сказал посадникам Ярополка: „Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться“. И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: „Хочу дочь твою взять себе в жены". Тот же спросил у дочери своей: „Хочешь ли за Владимира?". Она же ответила: „Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка". Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и его двух сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир в Киев с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: „Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него". И сказал Блуд послам Владимировым: „Буду с тобой в любви и в дружбе". О злая ложь человеческая! Как говорит Давид: „Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь". Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: „Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их, отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи". И еще сказал тот же Давид: „Муж кровожадный и коварный не доживет и до половины дней своих". Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие. Безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком,

а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами итти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, просто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: „Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим де тебе Ярополка». Беги же из города“. И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родне жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: „Беда как в Родне“. И сказал Блуд Ярополку: „Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам их не победить. Заключай мир с братом своим“. Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: „Пусть так!“. И послал Блуд к Владимиру со словами: „Сбылась де мысль твоя, приведу де к тебе Ярополка: приготовься убить его“. Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: „Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму»“. Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: „Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов“. И не послушал его Ярополк. И пришел ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с ними впоследствии против Владимира. С трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Свято-

полка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

Однажды, уже после, сказали варяги Владимиру: „Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека". И сказал им Владимир: „Подождите с месяц, пока соберут вам куны". И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: „Обманул нас, так отпусти в Греческую землю". Он же ответил им: „Идите". И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых, и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них послал послов к царю с такими словами: „Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного".

И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий бог не хочет гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему нашему повествованию.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден вожделением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода — и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава,

а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в этом, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. „Велик господь и велика крепость его, и разуму его нет конца". Женский соблазн — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: „Не внимай злой жене; ибо мед каплет с уст ее, жены любодейной; мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи найдешь его... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоразумна". Вот, что сказал Соломон о прелюбодейках; а о добрых женах сказал он так: „Дороже она многоценного камени. Радуется на нее муж ее, ибо делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, делает все необходимое руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное рабыням своим. Увидев поле, — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит мышцы свои на дело. Она чувствует, что трудиться хорошо, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои протягивает к полезному, локти свои устремляет к веретену. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее заметен всем у ворот, когда сядет на собрании со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, когда следует говорить языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж ее хвалит ее.

Благословенна разумная жена, ибо похвалит она страх божий. Дайте ей от плода уст ее и да прославят мужа ее у ворот".

981 В год 6489. Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей, и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

982 В год 6490. Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир, и победил их вторично.

983 В год 6491. Пошел Владимир против ятвягов, и победил и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: „Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам". Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы (Десятинная), которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедывал христианскую веру. И был у него сын прекрасный лицом и душою. На него-то и пал жребий по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный, и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: „На сына де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам". И сказал варяг: „Не боги это, а просто дерево. Нынче есть, а завтра сгниет. Не едят они, не пьют и не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам". Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сенях с сыном своим. Сказали ему: „Дай сына своего, да принесем его богам". Он же ответил: „Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?". И кликнули, и подсекли под

ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили, ибо были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран; здесь же, думал окаянный, обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки ничего не предрекли, не зная, что пророк сказал: „И назову людей не моих моими людьми“; об апостолах же сказано: „По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их“. Если и не были здесь апостолы сами собой, однако учения их как трубные звуки раздаются в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем врага-дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В год 6492. Пошел Владимир на радимичей. Был у него *984* воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: „Пищанцы волчьего хвоста бегают“. Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

В год 6493. Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею *985* своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: „Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать, — пойдем, поищем себе лапотников“. И заключил Владимир мир с болгарами и клятву дали друг другу, и сказали болгары: „Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть“. И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494. Пришли болгары магометанской веры, говоря: *986* „Ты князь мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету“. И спросил Владимир: „Какова же вера ваша?“. Они же ответили: „Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не

пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех. Та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том". И другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот, что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: „Руси есть веселие пить, не можем без того быть". Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: „Пришли мы, посланные папой". И обратились к Владимиру: „Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево»". Владимир же спросил их: „В чем заповедь ваша?". И ответили они: „Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу божию», как сказал учитель наш Павел". Сказал же Владимир немцам: „Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого". Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: „Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова". И спросил Владимир: „Что у вас за закон?". Они же ответили: „Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу". Он же спросил: „А где земля ваша?". Они же сказали: „В Иерусалиме". Снова спросил он: „Точно ли она там?". И ответили: „Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам". Сказал на это Владимир: „Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны: если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?".

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: „Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморы, на которых напустил господь горящий камень и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну и еще даже большую...". Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: „Нечисто это дело". Сказал же философ: „Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедывать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, т. е на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: „«Се есть тело мое, ломимое за вас...». Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, — неправильно веруют". Сказал же Владимир: „Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли". Философ ответил: „Воистину веруем в того. Их же самих пророки предсказывали, что родится бог, а другие, что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних из тех пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят, воскрес и поднялся на небеса. Ожидал бог покаяния от них 46 лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве". Владимир спросил: „Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?". Ответил же философ: „Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю". Владимир же сказал: „Рад послушать". И начал философ говорить так:

„В начале, в первый день, сотворил бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь (видимое небо) посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их взошла на твердь, а половина пошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина чина ангельского и подумал: «Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен богу, и поставлю престол свой на облаках северных». И тотчас же был свергнут с небес и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский чин. Было имя врагу — Сатанаил, а на его место бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником богу. Затем, в пятый день сотворил бог киты, рыбы, гады и птицы пернатые. В шестой день сотворил бог зверей, скотов, гадов земных; создал и человека. В седьмой же день, т. е. в субботу, почил бог от дел своих. И насадил бог рай на востоке в Едеме и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания добра и зла — не есть. И был Адам в раю, видел бога и славил его вместе с ангелами. И навел бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и ввел ее в рай к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою». И нарек Адам имена скотам и птицам, зверям и гадам, и дал имена даже самим ангелам. И подчинил бог Адаму звери и скоты, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев как почтил бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змию, пришел к Еве, и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?». И сказала жена змию: «Сказал бог: не ешьте, если же съедите, то смертью умрете». И сказал жене змий: «Смертию не умрете; ибо знает бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как бог, познав

добро и зло». И увидела жена, что дерево съедобное, и взяла плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоих, и поняли они, что наги, и сшили себе перепоясание из листвы смоковницы. И сказал бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни твоей жизни». И сказал еще господь бог: «Когда простреете руки и возьмете от дерева жизни, — будете жить вечно». И изгнал господь бог Адама из рая. И поселился он против рая, плачась и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля. Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву богу плоды земные, и не принял бог даров его. Авель же принес первенца ягненка и принял бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И послушал его Авель, и, когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не умел это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». Он взял камень и убил Авеля. И сказал бог Каину: «Где брат твой?». Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?». И сказал бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стонать и трястись до конца жизни своей». Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: «Кого бог почтил, а я того заставил отпасть от бога, и вот ныне плачь ему наделал». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением божьим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было 230 лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, всякой нечистоты, убийства, зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде людском. И родил он трех сыновей: Сима, Хама

и Иафета. И сказал бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал господь бог Ною: «Построй ковчег в длину 300 локтей, в ширину 80, а в вышину 30»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною господь: «Войди в него ты и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов». И ввел Ной кого приказал ему бог. Навел бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на одном языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». Начали строить, и был старейшина их Неврод; и сказал бог: «Вот умножились люди и замыслы их суетные». И сошел бог, разделил речь их на 70 и 2 языка. Только язык Адама не был отнят у Евера; этот один из всех остался непричастен к их безумному делу, и сказал так: «Если бы бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы то словом своим — также как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменился его язык; от него пошли евреи. Итак, разделились люди на 71 язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам, и не познали истинного бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет. Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторых — золотых и серебряных. И кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторых ставил прежним царям, других — храбрым людям и волхвам, и женам прелюбодейкам.

Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать истину, посмотрел на небо и увидел звезды и небо, и сказал: воистину тот бог, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей. И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего» и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот бог, кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но и сам тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Выйди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские». И сделал Авраам так, как заповедал ему бог. И взял Авраам племянника своего Лота; этот Лот был ему и шурин и племянник, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал бог Аврааму: «Потомству твоему дам землю эту». И поклонился Авраам богу. Аврааму же было 75 лет, когда вышел он из Харана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом. Аврааму же было 86 лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара и родила сына, и назвала его Исаак. И приказал бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезали его на восьмой день. Возлюбил бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, а назвав своим народом, отделил его от других. И возмужал Исаак, а Авраам жил 175 лет и умер, и был погребен. Когда же Исааку было 60 лет, родил он двух сыновей: Исава и Якова. Исав же был лжив, а Яков — праведен. Этот Яков работал у своего дяди семь лет, добиваясь

руки его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван — дядя его, сказав так: «Возьми старшую». И дал ему Лию, старшую, а ради другой, сказал ему, работать еще семь лет. Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулона, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от них пошли евреи. Иаков же отправился, когда ему было 130 лет, в Египет, вместе со всем родом своим, числом 65 душ. Прожил он в Египте 17 лет и умер, а потомство его находилось в рабстве 400 лет. По прошествии же этих лет усилились евреи, и умножились, а египтяне держали их в рабстве. В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетские царю: «Родился ребенок у евреев, который погубит Египет». И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и отнесла и поставила его на заливном лугу. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, назвала Моисеем и вскормила. Был же тот мальчик красив, и, когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон же, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей же, хватаясь как-то за шею царя, сронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв же, увидев это, сказал царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубит он сам весь Египет». Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей возмужал и стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, обижавшего еврея, бежал из Египта и пришел в землю Мадиамскую, и, когда шел через пустыню, узнал он от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд и о числе их, и о мере

земли, всякую премудрость. Затем явился Моисею бог в горящем терновом кусте и сказал ему: «Видел я горе людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: „Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они требу богу“. Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил бог на него десять казний: 1) окровавленные реки, 2) жабы, 3) мошки, 4) песьи мухи, 5) мор скота, 6) нарывы, 7) град, 8) саранча, 9) трехсуточная тьма, 10) мор на людей. Потому напустил бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Арону: «Поскорей уходите!». Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их господь через пустыни к Красному морю, и шел впереди их огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними, и прижал их к морю. Когда же увидели евреи, в каком они положении, возопили к Моисею: «Зачем повел нас на смерть?». И возопил Моисей к богу, и сказал господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море по суху. И когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его. И возлюбил бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на бога, и показал им господь дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Арона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал господь Моисею: «Слышал ропот сынов израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей как богу. И иссек Моисей три тысячи этих лю-

дей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Арона, так как не было воды. И сказал господь Моисею: «Ударь жезлом в камень». И ответил Моисей: «А что если не испустит он воду?». И разгневался господь на Моисея, что не возвеличил господа. И не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамьскую и показал землю обетованную. И умер Моисей на той горе. И принял власть Иисус Навин. Этот прошел пустыню, вошел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место их сынов израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда; а иных судей было четырнадцать. При них забыли евреи бога, который извел их из Египта, и стали служить бесам. И разгневался бог, и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начинали они каяться,—миловал их бог; а когда избавлял их, — снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илья жрец, а затем пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: «Поставь нам царя». И разгневался господь на Израиля, и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться закону господню, и избрал господь Давида, и поставил его царем Израилю, и угодил Давид богу. Давиду этому обещал бог, что родится бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении божьем, говоря: «Из чрева прежде утренней звезды родил тебя». Так он пророчествовал 40 лет и умер. А вслед за ним пророчествовал сын его Соломон, который создал храм богу и назвал его святая святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал 40 лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство надвое: в Иерусалиме одно, а в Самарии другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона; сотворил он два золотых тельца и поставил — одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: «Вот боги твои, Израиль». И поклонялись люди, а бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать бога и поклоняться Ваалу, т. е. богу войны, иначе говоря Арею; и забыли бога отцов своих. И стал бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в без-

законии и служении кумирам. Они же, обличаемые стали избивать пророков, бог разгневался на Израиля и сказал: «Отвергну от себя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну беззакония их». И стал он посылать пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов».

Первым стал пророчествовать Осия: «Положу конец царству дома Израилева... Сокрушу лук Израилев... Уже не буду более миловать дома Израилева, но, отметая, отвергнусь их»,— говорит господь. «И будут скитальцами между народами». Иеремия же сказал: «Хотя бы предстали передо мной Моисей и Самуил... не помилую их». И еще сказал тот же Иеремия: «Так говорит господь: „Вот я поклялся именем моим великим, что не будет имя мое произносимо устами евреев“». Иезекииль же сказал: «Так говорит господь Адонаи: „Рассею вас, и весь остаток ваш развею по всем ветрам... За то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими; я же отрину тебя... и не помилую тебя“». Малахия же сказал: «Так говорит господь: „Уже нет моего благоволения к вам... Ибо от востока и до запада прославится имя мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени моему и жертву чистую, так как велико будет имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов“». Исайя же великий сказал: «Так говорит господь: „Простру руку свою на тебя, сгною и рассею тебя, и вновь не соберу тебя“». И еще сказал тот же пророк: «Возненавидел я праздники и новомесячныя ваши, и суббот ваших не принимаю». Амос же пророк сказал: «Слушайте слово господне: „Я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более“». Малахия же сказал: «Так говорит господь: „Пошлю на вас проклятие и прокляну ваше благословение... разрушу его и не будет с вами“». И много пророчествовали пророки об отвержении их.

Тем же пророкам повелел бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исайя, так говоря:

«От меня произойдет закон и суд мой поставлю во свет для народов. Правда моя близка и восходит... и на мышцу мою надеятся народы». Иеремия же сказал: «Так говорит господь: „Заключу с домом Иудиным новый завет... Давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу их, и буду им богом, а они будут моим народом“». Исайя же сказал: «Прежнее миновало, а новое возвещу, — прежде возвещания, оно было показано вам. Пойте богу новую песнь». «Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле». «Дом мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же пророк Исайя говорит: «Обнажит господь святую мышцу свою перед глазами всех народов, — и все концы земли увидят спасение бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком в плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении бога, раньше других Давид: «Сказал господь господу моему: „Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих“». И еще: «Сказал мне господь: „Ты сын мой; я ныне родил тебя“». Исайя же сказал: «Ни посол, ни вестник, но сам бог, придя, спасет нас». И еще: «Младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему великого света ангел... Велика власть его, и миру его нет предела». И еще: «Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем — дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами иудиными? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и происхождение которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку своему Иакову... После того он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек он; кто узнает, что он бог? ибо уми-

рает как человек». Захария же сказал: «Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит господь». И Осия сказал: «Так говорит господь: плоть моя от них».

Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исайя: «Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника». И еще сказал тот же пророк: «Так говорит господь:... „Я не воспротивляюсь, не возражаю. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои — на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевания“». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его». Моисей же сказал о распятии его: «Увидите жизнь вашу висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мятутся народы». Исайя же сказал: «Как овца, веден был он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен бог, распростерший руки свои и спасший Иерусалим».

И о воскресении сказал Давид: «Восстань, боже, суди землю, ибо ты наследуешь все народы». И еще : «Как бы от сна воспрянул господь». И еще: «Да воскреснет бог, и да расточатся враги его». И еще: «Воскресни, господи бог мой, да вознесется рука твоя». Исайя же сказал: «Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И ты ради крови завета твоего освободил узников своих изо рва, в котором нет воды».

И много пророчествовали о нем, что и сбылось все“.

Спросил же Владимир: „Когда же это сбылось и сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?“. Философ же ответил ему: „Все это уже сбылось, когда воплотился бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, преданы были они на расхищение и выведены в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там 70 лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать.

В правление этого последнего, в год 5500, послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидо-

вом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою!». И от слов этих понесла она в утробе Слово божие, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему». Услышав об этом, Ирод царь смутился, и весь Иерусалим с ним, и призвав книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?». Они же ответили ему: «В Вифлееме еврейском». Ирод же, усышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и истребили младенцев. А Мария, испугавшись, спрятала младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему 30 лет, начал он творить чудеса и проповедывать царство небесное. И избрал двенадцать и назвал их учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о нем: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился он в Иордане от Иоанна (Крестителя), показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и дух сошел под видом голубиным, и голос сказал: «Вот сын мой возлюбленный, к нему же мое благоволение». И посылал он учеников своих проповедывать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедывать о том, как подобает сыну человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти и искали убить его и, захватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели его без вины, захотел его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь этого, то не будешь другом цезарю (римскому)». Пилат и приказал, чтобы его рас-

пяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место, и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа». Пробыл он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им итти к горе Елеонской. И тут явился им, и благословил их, и сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование отца моего». И, сказав это, вознесся на небо. Они же поклонились ему, и возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел дух святой на апостолов. А когда приняли обетование святого духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою".

Владимир же спросил: „Зачем родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?". Философ же ответил ему: „Вот зачем! В начале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и отпал тот от рая. Так, и бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, так как через жену первоначально был изгнан Адам из рая; через жену же воплотился бог и приказал войти в рай верным. А на дереве он был распят потому, что от дерева вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; бог же на дереве принял страдания, чтобы деревом был побежден дьявол, и деревом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей, — водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетских злодея-

ний, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: дух божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом. Первое преобразование тоже было водою, когда Гедеон дал прообраз следующим способом: однажды пришел к нему ангел, веля ему итти к Мадиам, он же, испытывая, сказал богу: положу руно на гумне и если будет по всей земле роса, а руно сухо... И было так. Это же прообразовало, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на других странах стала роса, которая есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду.

Когда апостолы учили во всем мире веровать богу, учение их и мы греки приняли, вселенная верует учению их. Установил же бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его: праведникам царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится". И, сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было судилище господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево — грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: „Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева". Философ же сказал: „Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись". Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: „Подожду еще немного", желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честию великою.

987 В год 6495. Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: „Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно

слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет и не умереть ему во-веки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете; что ответите?". И сказали бояре и старцы: „Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай какая у них служба и кто как служит богу". И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: „Идите сперва к болгарам и испытайте веру их". Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: „Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю". Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их — зачем пришли? Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и сотворил им честь великую в тот же день. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: „Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего". Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли и составили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, удивлялись и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: „Идите в землю вашу", и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: „Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все бывшее с ними", — и обратился к послам: „Говорите перед дружиною". Они же сказали: „Ходили де к болгарам, смотрели как они молятся

в храме, т. е. в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как бешеный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве". Сказали же бояре: „Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его баба твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей". И спросил Владимир: „Где примем крещение?". Они же сказали: „Где тебе любо".

988 И когда прошел год, в 6496 году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: „Если не сдадитесь, то простою и три года". Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю и носили ее себе в город и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: „Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока". Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: „Если сбудется это, — крещусь!". И тотчас же повелел копать на перерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину

сказать: „Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу“. И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: „Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя“. Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: „Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба́ мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи“. И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: „Крестись и тогда пошлем сестру свою к тебе“. Ответил же Владимир: „Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня“. И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела итти, говоря: „Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть“. И сказали ей братья: „Может быть обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам тоже, что в Корсуни“. И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: „Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего“. Услышав это, Владимир сказал: „Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский“. И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив

18*

свое внезапное исцеление, прославил бога: „Теперь узнал я истинного бога“. Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины, говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: „Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так:

«Верую во единого бога отца вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этот символ веры. И еще: «Верую во единого бога отца нерожденного и во единого сына рожденного, в единый дух святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности; ибо разделяется бог нераздельно и соединяется без смешения. Отец, бог отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем сын и дух; от него же рождается сын прежде всех времен, дух же святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть отец, вместе сын, вместе и дух святой. Сын же подобосущен отцу, только рождением отличаясь от отца и духа. Дух же пресвятой подобосущен отцу и сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо отцу отцовство, сыну сыновство, святому же духу исхождение. Ни отец переходит в сына или в духа, ни сын в отца или в духа, ни дух в сына или в отца: ибо неизменны их свойства... Не три бога, но один бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же отца и духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив

нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каки́м не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле устрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления взошел на небеса, и сел справа от отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь... принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никее 318 отцов, проклявших Ария и проповедывавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония, проповедывавшего единосущную Троицу. Третий же собор — в Ефесе 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив господа нашего Иисуса Христа совершенным богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам».

Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, кланяются, и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют,

а встав становятся на него ногами, — так что ложась целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий: чествование иконы переходит на ее первообраз. Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо, — изначала сотворил бог небо, также и землю. Так говорят: «Отче наш, иже еси на небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На первый собор в Никеи против Ария (папа) римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров, от Александрии (патриарх) Афанасий, а от Царьграда патриарх Митрофан послали от себя епископов; и так исправляли веру. На второй же собор — от Рима (папа) Дамас, а от Александрии (патриарх) Тимофей, от Антиохии (патриарх) Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем же соборе — (папа) римский Келестин, (патриарх) Кирилл Иерусалимский, (патриарх) иерусалимский Иувеналий. На четвертом же соборе — (папа) римский Лев, (патриарх) константинопольский Анатолий, Иувеналий Иерусалимский. На пятом соборе — (папа) римский Вигилий, (патриарх) константинопольский Евтихий, (патриарх) александрийский Аполлинарий, (патриарх) антиохийский Домнин. На шестом соборе — от Рима (папа) Агафон, (патриарх) Георгий из Константинополя, (патриарх) Феофан антиохийский, от Александрии монах Петр. На седьмом соборе — от Рима (папа) Адриан, (патриарх) Тарасий из Константинополя, (патриарх) Политиан Александрийский, (патриарх) Феодорит Антиохийский, (патриарх) Илия Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого, последнего, собора Петр Гугнивый вошел с иными в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола иерусалимского, александрийского, константинопольского и антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея враж-

дебное учение. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат; и следует остерегаться их учения. Прощают же они и грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого".

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил (Владимир) и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы (Десятинной) и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал (Владимир) грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы, — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. „Велик ты, господи, и чудны дела твои!". Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: „Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его". Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: „Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг". Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя

и говоря: „Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь наш и бояре“. На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил стеная: „Увы, мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах“. Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: „Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу“. И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие, и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: „В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных“. Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устроению и по милости своей помиловал их бог; как сказал

пророк: „Помилую, кого хочу". Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: „Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам грешным. Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои. «Ибо велик ты и чудны дела твои; нет предела величию твоему. Род за родом восхвалят дела твои». Скажу вместе с Давидом: «Придите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу и спасителю нашему. Предстанем лицу его со славословием»; «Славьте его, ибо он благ, ибо во-век милость его», ибо «избавил нас от врагов наших», т. е. от языческих идолов. И еще скажем вместе с Давидом: «Воспойте господу песнь новую, воспойте господу вся земля; пойте господу, благословляйте имя его, благовествуйте со дня на день спасение его. Возвещайте в народах славу его, во всех людях чудеса его, ибо велик господь и достохвален», «И величию его нет конца». Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто бог, как ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть его крестились; итак мы погреблись с ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через него получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, когда освободились от греха

и стали рабами богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить богу, радуясь ему. Ибо сказал Давид: «Служите господу со страхом, и радуйтесь ему с трепетом». Мы же воскликнем к господу богу нашему: «Благословен господь, который не дал нас в добычу зубам их!... Сеть расторгнулась, и мы избавились» от обмана дьявольского. «И исчезла память их с шумом, но господь пребывает во век», прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаются благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещенье и покаяние в отпущенье грехов, — новые люди христиане, избранные богом".

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полотске, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволоде во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: „Нехорошо, что мало городов около Киева". И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их.

989 В год 6497. Затем жил Владимир в христианском законе и задумал создать церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды и кресты.

991 В год 6499. Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город этот.

В год 6500. Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них, и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: „Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года". И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю, со словами „Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?". И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: „Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками". Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: „Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?". И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: „Можешь с ним бороться". На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: „Есть ли муж? Вот наш готов!". Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. *992*

И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками досмерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

994 В год 6502.

995 В год 6503.

996 В год 6504. Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился богу, говоря так: „Господи боже! «Взгляни с неба и воззри, и посети сад свой. И охрани то, что насадила правая рука твоя» — новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, бога истинного. «Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, заступление ради пречистой богородицы". И, помолившись богу, сказал он так: „Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов". И уставил так, написав заклятие в церкви этой в следующих словах: „Если кто отменит это, — да будет проклят". И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным раздал много богатства.

Затем пришли печенеги к Васильеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И схватились, и не смог устоять против них (Владимир), побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Васильеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда случилась эта сеча, Преображение господне. Избегнув опасности, Владимир точно построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду 300 провар. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов, и всяких людей много, и роздал бедным 300 гривен.

И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил он книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: „Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут" и еще: „Продайте именья ваши и раздайте нищим"; и еще: „Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут"; и слова Давида: „Благословен человек, который милует и взаймы дает"; слышал он и слова Соломона: „Благотворящий бедному дает взаймы богу". Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу, и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что „Немощные и больные не могут добраться до двора моего", приказал снарядить телеги, и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, и развозить по городу, спрашивая: „Где больной, нищий или кто не может ходить?". И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и соцким, и десяцким, и лучшим мужам — и при князе, и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство. Когда же бывало подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: „Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными". Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: „Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра". Ибо Владимир любил дружину, и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом

(Удальрихом) Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: „Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?“. Он же ответил: „Боюсь греха“. Они же сказали ему: „Ты поставлен богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но после расследования“. Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: „Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней“. И сказал Владимир: „Пусть так“. И жил Владимир по заветам отца и деда.

997 В год 6505. Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов, — так как была в это время беспрерывная великая война, — узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: „Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода“. И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: „Зачем было вече?“. И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: „Слышал, что хотите сдаться печенегам“. Они же ответили: „Не стерпят люди голода“. И сказал им: „Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня, и сделайте то, что я вам велю“. Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: „Соберите хоть по горсти овса, пшеницы, или отрубей“. Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать

меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: „Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем“. Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: „Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами“. И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те, и сказали: „Не поверят нам князи наши, если не отведают сами“. Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города во-свояси.

В год 6506. *998*

В год 6507. *999*

В год 6508. Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава. *1000*

В год 6509. Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира. *1001*

В год 6510. *1002*

В год 6511. Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира. *1003*

В год 6512. *1004*

В год 6513. *1005*

1006 В год 6514.

1007 В год 6515. Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

1008 В год 6516.

1009 В год 6517.

1010 В год 6518.

1011 В год 6519. Преставилась Владимирова царица Анна.

1012 В год 6520.

1013 В год 6521.

1014 В год 6522. Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: „Расчищайте пути и мостите мосты“, ибо хотел итти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

1015 В год 6523. Когда Владимир собрался итти против Ярослава, — Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем половцы пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер 15 июля. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили его в (церкви) святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил подобно тому. Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии, по слову апостола: „Где умножится грех, там преизобилует благодать“. Удивления достойно, сколько

он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него богу в день его смерти, то бог, видя наше усердие к нему, прославил бы его: нам ведь следует молить за него бога, так как через него познали мы бога. Пусть же господь воздаст тебе по желанию твоему, и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть даст тебе господь царство небесное вместе с праведными, услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: „Со смертью праведника не погибает надежда".

Вот почему память его чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их господу, новые люди, просвещенные святым духом, ожидая надежды нашей великого бога и спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Об убийстве Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего и созвал киевлян и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: „Отец у тебя умер". И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: „Вот у тебя отцовская дружина и войско: пойди, сядь в Киеве на отцовском столе". Он же отвечал: „Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца". Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк задумал беззаконное дело, воспринял мысль каинову и послал сказать Борису: „Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому

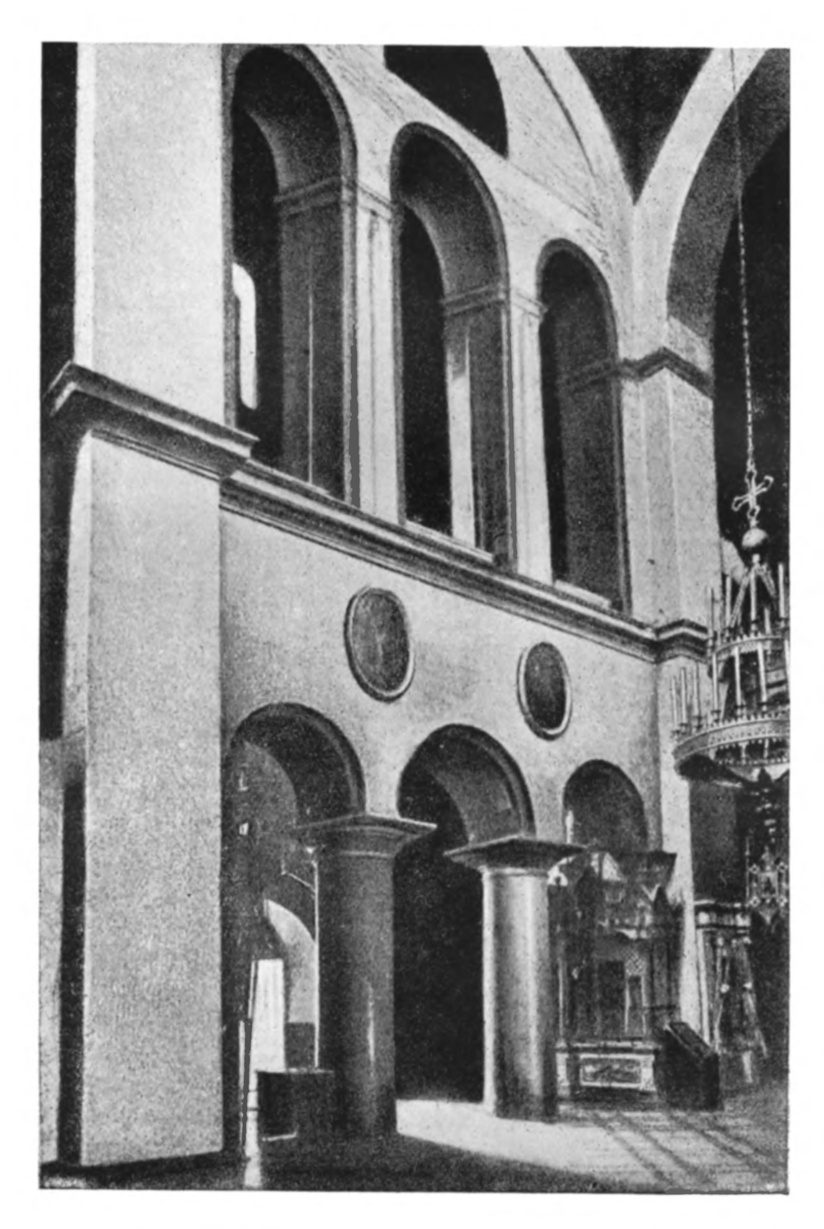
владению, которое ты получил от отца", но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: „Преданы ли вы мне всем сердцем?". Отвечали же Путша с вышгородцами: „Согласны головы свои сложить за тебя". Тогда он сказал им: „Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса". Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: „Спешат они на пролитие крови... без правды. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу". Посланные же пришли на Альто ночью, и когда подступили ближе, то услыхали, что Борис поет заутреню: так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: „Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня"; и еще: „Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам и скорбь моя предо мною"; и еще говорил он: „Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою". И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: „Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня"; „Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня". Затем начал он петь канон; а затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ владыки: „Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю нашего ради спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, господи, это в грех". И, помолившись богу, возлег на постель свою. И вот напали на него как звери дикие из-за шатра, и просунули в него копья и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили и слугу его, который, защищая, прикрыл его своим

телом. Ибо был он любимец Бориса. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий. Борис его сильно любил и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи и отсекли голову его и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на телегу и повезли, а он еще дышал. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа бога, сравнявшись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и веселясь со святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу возымев от людей, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путьша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие бывают слуги — бесы; бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата дьявола; а бесы уловляют человека на злое, завидуя ему; и так как видят, что человек от бога в чести, — потому и завидуют, а посылаемые на злое — скоры на выполнение. Злой человек, усердствуя злому делу, хуже беса; ибо бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста господня боятся, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: „Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?“. И, замыслив каиново дело, послал, обманывая, посла к Глебу со следующими словами: „Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен“. Глеб тот-

час же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его о яму и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу об отцовской смерти, и послал Ярослав сказать Глебу: „Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком". Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: „Увы мне, господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить". И, когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостию, которой достиг благодаря своему братолюбию. „Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!". Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: „Да возвратятся грешники в ад". Когда же они пришли, сказали Святополку: „Сделали приказанное тобою". Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: „Что хвалишься злодейством сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой".

Черниговский собор Спаса.



Черниговский собор Спаса. Внутренний вид.

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у владыки царя всех в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам открытие, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке богу о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих христовых, прилежно молясь им со словами: „Радуйтеся, страстотерпцы христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями богу, единообразной четой, святым единодушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светильники, озаряющие всю землю Русскую, всегда отгоняющие тьму, являющиеся верою неуклонною. Радуйтесь, заслужившие незасыпающее око, души свои к исполнению святых божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесы отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития,

славу, и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напояете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями своими кровавыми святыми обагрили свою багряницу, прославленные, ибо ее прекрасно нося, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы ее духом божественным, в ней же (в церкви этой) с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие. Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира".

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры (в Венгрию). И стал Святополк думать: „Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею". Так думал он в гордости своей, не зная, что „бог дает власть кому хочет, ибо поставляет цесаря и князя всевышний тому, кому захочет дать". Если же какая-нибудь страна станет угодной богу, то ставит ей бог цесаря или князя праведного, любящего суд и закон, и властителя, и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает бог на страну ту, потому что князь глава земли. Ибо так сказал Исайя: „Согрешили от головы и до ног", т. е. от цесаря и до простых людей. „Горе городу тому, в котором князь юн", любящий пить вино с гуслями вместе с молодыми советниками. Таких (князей) дает бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: „Отнимает господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по

закону. И дам им юношу князя и обидчика поставлю обладать ими".

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатств. Ярослав же не знал еще об отцовской смерти, и было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромони. И разгневался Ярослав, и пошел в (село) Ракомо, сел там во дворе и послал к новгородцам сказать: „Мне уже тех не воскресить". И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил также. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: „Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, очень берегись его". Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: „О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна". Утер слезы и обратился к ним на вече: „Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих". И сказали новгородцы: „Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя бороться!". И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды и сказав: „Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Пожалуй, и со мной то же сделает? Рассуди меня, господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного". И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве. В год 6524. *1016*
Пришел Ярослав на Святополка, и стали тот и другой по обе стороны Днепра, и не решались начать бой ни эти против тех,

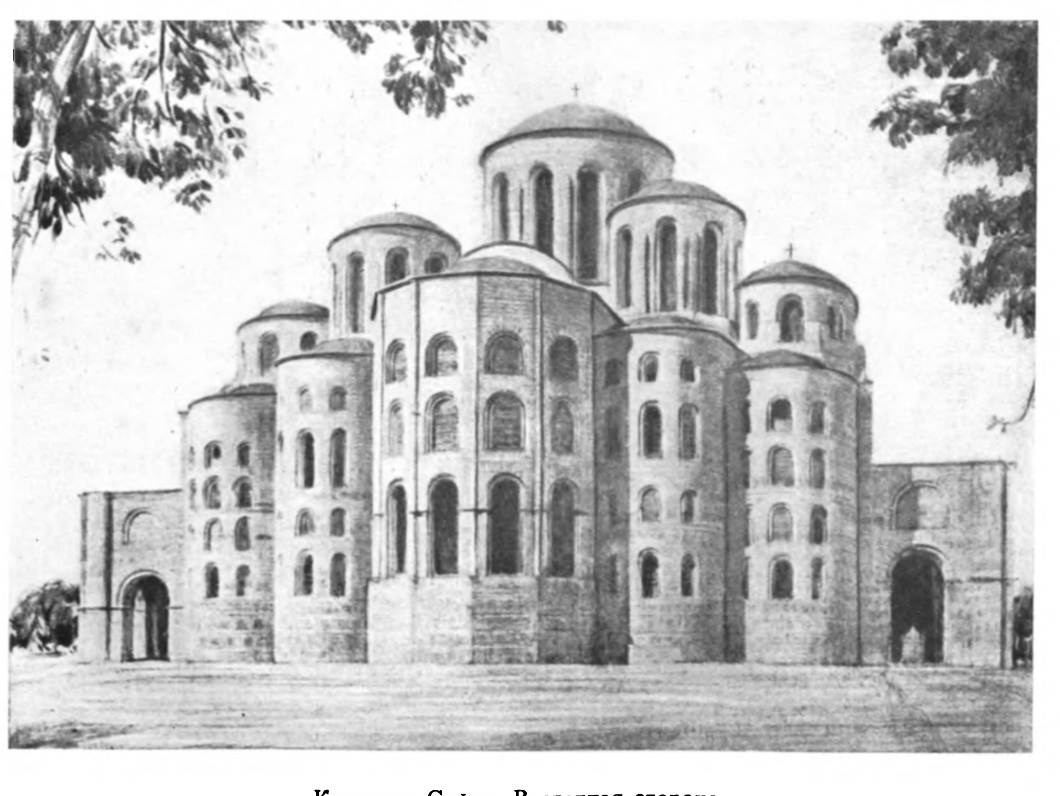
ни те против этих, и стояли три месяца друг против друга. И начал воевода Святополков, разъезжая вдоль берега, попрекать новгородцев, говоря: „Чего пришли с хромцем этим, вы же плотники? Мы и поставим вас хоромы рубить нам!“. Услышав это, новгородцы сказали Ярославу, что „завтра мы переправимся к ним; если никто другой не пойдет с нами, сами ударим на них“. А наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же на утро, приготовив дружину свою к бою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли в наступление, и сошлись обе стороны. Была битва жестокая, и не могли из-за озера печенеги прийти на помощь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили они (воины Святополка) на лед, и подломился под ними лед, и одолевать начал Ярослав. Увидев это, Святополк обратился в бегство, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И был тогда Ярослав (в Новгороде) 28 лет.

1017 В год 6525. Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви.

1018 В год 6526. Пришел Болеслав (король польский) со Святополком и с поляками на Ярослава. Ярослав же, собрав Русь и варягов и словен (новгородских), пошел навстречу Болеславу и Святополку, и пришел к Волыню, и стали они по обе стороны Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, по имени Буды, и начал он издеваться над Болеславом, говоря: „Вот, проткнем тебе колом брюхо твое толстое“. Ибо был Болеслав велик ростом и грузен, так что и на коне не мог сидеть, зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: „Если вас не приводит в негодование этот попрек, то я один погибну“. Сев на коня, пустился он в реку, а за ним воины его; Ярослав же не успел собрать воинов, и победил Болеслав Ярослава. Ярослав же бежал с 4 мужами в Новгород. Болеслав же вошел в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: „Разведите дружину мою по городам на покорм“; и было это исполнено. Когда же Ярослав, прибежав в Новгород, хотел бежать

Киевская София. Восточная сторона.

Фото музея „Софийский заповедник".



Киевская София. Восточная сторона.

Рсконструкция по Конанту.

Анна Ярославовна (жена французского короля Генриха I).

Деталь фрески киевской Софии.

Елизавета Ярославовна („девушка с золотою гривною“, воспетая в саге Гаральда Смелого).

Деталь фрески киевской Софии.

за море, то посадник Константин Добрынич с новгородцами разрубили ладьи Ярославовы, говоря: „Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком". Начали собирать деньги от мужа по 4 куны, а со старост по 10 гривен, а с бояр по 18 гривен. И привели варягов и вручили им деньги, и собрал Ярослав воинов множество. Болеслав же сидел в Киеве, окаянный же Святополк сказал: „Сколько есть поляков по городам, избивайте их". И перебили поляков. Болеслав же бежал из Киева, захватив с собою ценности и бояр Ярослава и сестры его, и Настаса, вкравшегося к нему в доверие, приставил к этим ценностям. И людей множество увел с собою, и города Червенские занял, и вернулся в свою землю. Святополк же начал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527. Пришел Святополк с печенегами грозной *1019*
силой, и Ярослав собрал множество воинов и вышел ему навстречу на Льто. Ярослав стал на месте, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: „Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника этого, подобно тому как отомстил ты за кровь Авеля, осудив Каина на стенание и содрогание: так поступи и с этим". Помолился и сказал: „Братья мои! Хоть телом вы отошли отсюда, но молитвою помогите мне против врага этого — убийцы и гордеца". И после того, как он это сказал, противники двинулись друг на друга, и покрыли поле Летьское множеством воинов. Была же тогда пятница; на восходе солнца сошлись противники, и бой был жестокий, какого не было на Руси, и, за руки хватая друг друга, рубились, и сходились трижды, так что по низинам кровь текла. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И во время бегства напал на него бес, и расслабли суставы его, он не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Принесли его к Берестью, убегая с ним. Он же говорил: „Бегите бегом со мной, гонятся за нами". Отроки же его посылали посмотреть: „Не гонится ли кто за нами?". И не было никого, кто бы гнался по следам их, и продолжали

бежать с ним. Он же в бессилии лежал и, привставая, говорил: „Вон гонятся, ой гонятся, бегите“. Ему невыносимо было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил бесчестно жизнь свою. Праведный суд постиг его неправедного, и после смерти принял он муки окаянного: показало очевидно ... посланная ему богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он связанный терпит вечные муки. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит от нее смрад жестокий. Это бог явил в поучение князьям русским, что, если они еще раз совершат такое же (братоубийство), зная об этом (конце Святополка), они ту же казнь примут, даже еще бо́льшую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная об этом. Семь раз ведь принял месть Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от бога, а Ламех, зная о казни, постигшей прародителя его, совершил убийство. „Ибо сказал Ламех женам своим: Мужа взрослого убил во вред себе и, юношу убив, нанес сам себе рану, потому, сказал он, и 70 мщений положено мне, что, зная (о последствиях), сделал я это“. Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Ламех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; таков был и Святополк.

Ярослав же сел в Киеве, потрудившись с дружиною своею, показав победу и труд великий.

1020 В год 6528. Родился у Ярослава сын, и дал он ему имя Владимир.

1021 В год 6529. Приходил Брячислав Изяславич, внук Владимиров, на Новгород и взял Новгород, и, захватив с собою новгородцев и имущество их, пошел в Полоцк обратно. И когда дошел он до Судомири реки, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его здесь. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев вернул в Новгород, а Брячислав бежал в Полоцк.

В год 6530. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мсти- 1022
слав, который владел Тмутороканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: „Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое“. И сказал Мстислав: „Будь так“. И сказал Редедя Мстиславу: „Не оружием будем биться, а борьбою“. И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: „О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое“. И, сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмуторокани.

В год 6531. Пошел Мстислав на Ярослава, с хазарами 1023
и касогами.

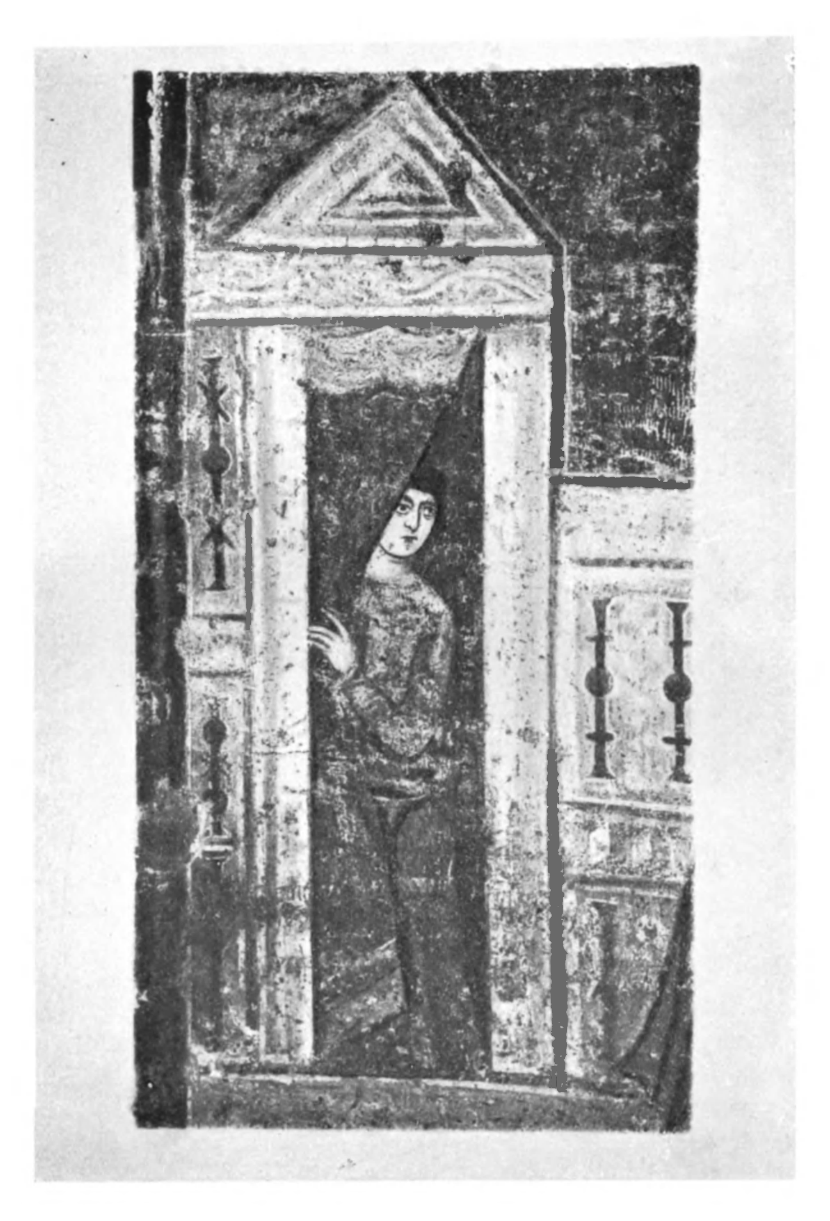
В год 6532. Когда Ярослав был в Новгороде, пришел 1024
Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове, так как Ярослав был в Новгороде тогда. В этот же год поднялись волхвы в Суздале, избивали зажиточных людей, по дьявольскому наущению и бесовскому действию, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди в Болгарскую землю, и привезли хлеба, и ожили. Услыхав о волхвах, Ярослав пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних он отправил в изгнание, а других казнил, говоря так: „Бог посылает за грехи на любую землю голод или мор, или засуху, или иную казнь, а человек ничего не знает о том“. И, возвратившись, Ярослав пришел в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун

этот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел он к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, узнав об этом, вышел к ним навстречу к Листвену. Мстислав же с вечера выстроил дружину, причем поставил северян в чело против варягов, а сам стал с дружиною своею на обоих крыльях. И настала ночь, темная, с молнией, громом и дождем. И сказал Мстислав дружине своей: „Пойдем на них“. И двинулся Мстислав, и Ярослав навстречу ему, и схватилось чело северян с варягами, и бились варяги, рубя северян, и потом пошел в наступление Мстислав с дружиной своей и начал рубить варягов. И был бой сильный, при свете молнии блистало оружие, и была гроза великая и сеча сильная и страшная. Видя, что терпит поражение, Ярослав побежал с Якуном, князем варяжским, и тут Якун на бегу бросил свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же рано утром, увидев лежащими (на поле битвы) убитыми своих северян и Ярославовых варягов, сказал: „Кто этому не порадуется? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела“. И послал Мстислав за Ярославом, говоря: „Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне пусть будет эта (левая) сторона (Днепра)“. И не посмел Ярослав итти в Киев, пока не заключили мира. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава. В том же году родился у Ярослава второй сын, и назвал он его Изяславом.

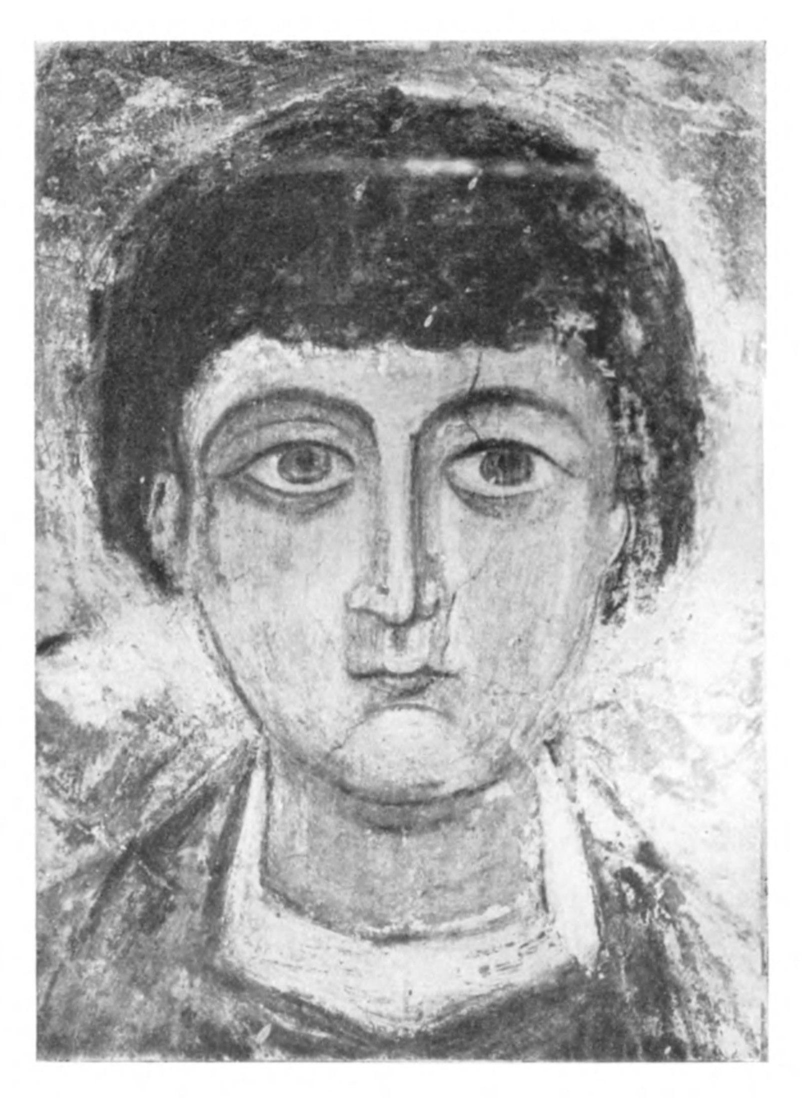
1026 В год 6534. Ярослав собрал воинов много и пришел в Киев и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту (левую). И стали жить в мире и братолюбии, и кончились усобица и мятеж, и настала тишина великая в земле (Русской).

1027 В год 6535. Родился сын у Ярослава, и назвал он его Святославом.

1028 В год 6536. Знамение змеевидное явилось в небе, так что видно было его отовсюду.

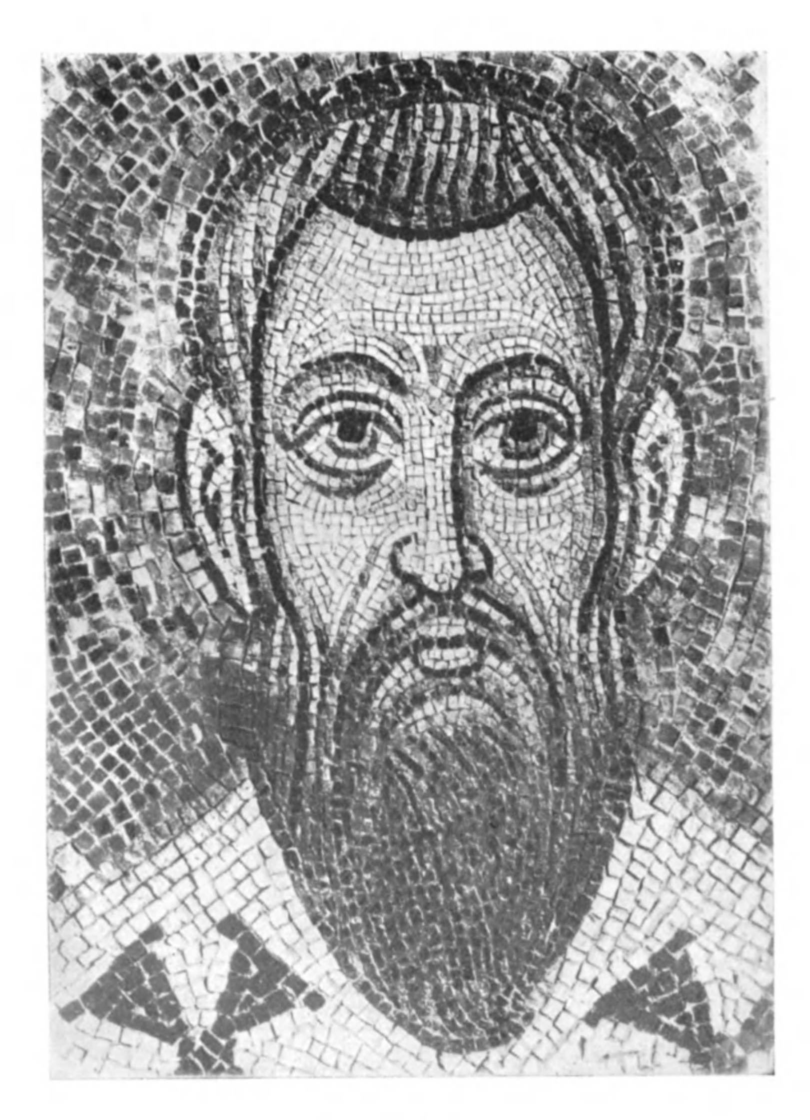


Деталь композиции „Встреча Марии и Елизаветы“.
Фреска киевской Софии.



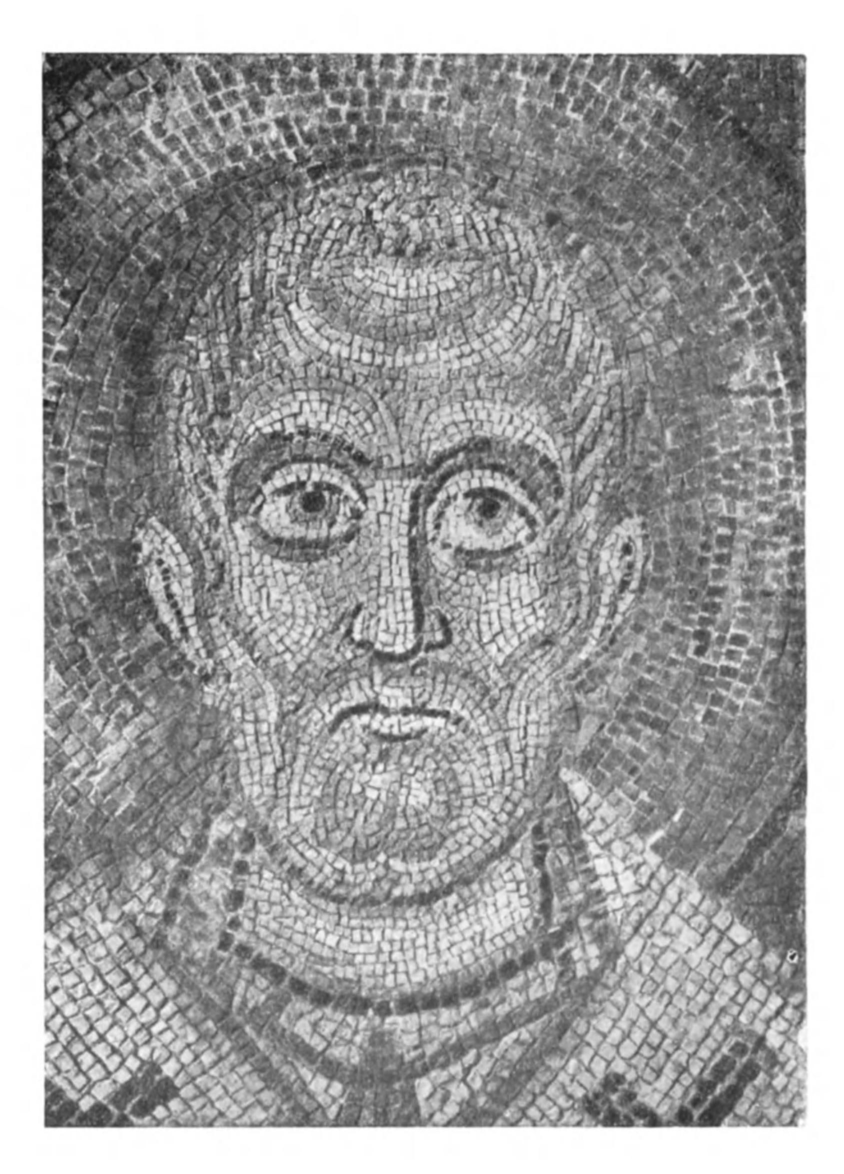
Паптелеймон.

Деталь фрески киевской Софии. Фото музея „Софийский заповедник“.



Василий Великий.

Деталь мозаики киевской Софии.



Николай.

Деталь мозаики киевской Софии.

В год 6537. Мирно было. *1029*

В год 6538. Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава *1030*
четвертый сын, и назвал его Всеволодом. В тот же год ходил Ярослав на Чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был у них мятеж.

В год 6539. Ярослав и Мстислав собрали воинов много, *1031*
пошли на поляков, и заняли вновь города Червенские, и повоевали Польскую землю, и много поляков привели, и поделили их между собою. Ярослав посадил своих по Роси, они и по сей день там.

В год 6540. Ярослав начал ставить города по Роси. *1032*

В год 6541. Мстиславич Евстафий умер. *1033*

В год 6542. *1034*

В год 6543. *1035*

В год 6544. Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. *1036*
И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав дороден телом, румян, с большими глазами, храбр был в бою, милостив, очень любил дружину, имущества для нее не жалел, ни в питье, ни в пище не ограничивал ее. После этого Ярослав завладел всей его волостью и стал самовластцем Русской земли. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, назвали его Вячеславом. Будучи в Новгороде, Ярослав получил весть, что печенеги обложили Киев. Ярослав собрал воинов множество, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав вышел из города и выстроил дружину и поставил варягов посредине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев; и стали они перед городом. Печенеги пошли на приступ, и сошлись противники на том месте, где стоит теперь церковь святой Софии, митрополия

русская; а тогда было поле вне города. И была битва жестокая, и едва одолел к вечеру Ярослав. И побежали печенеги в разные стороны, и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные в других реках, а остальные бегают, неизвестно где, и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав Судислава брата своего в темницу, во Пскове, был тот оклеветан (в умышлении) против него.

1037 В год 6545. Заложил Ярослав город большой, у которого сейчас Золотые ворота, заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь святой Богородицы благовещения на Золотых воротах, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. При нем начала вера христианская плодиться и распространяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться. Любил Ярослав церковные уставы, попов очень жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным. Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Мудрость велика, как и Соломон, прославляя ее, говорил: „Я, премудрость, вселила свет и разум и смысл я призвала. Страх господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя крепость. Мною цесари царствуют, а сильные пишут правду. Мною вельможи кичатся и мучители управляют землею. Я любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать“.

Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь книги часто читает, тот беседует с богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу.

Ярослав же этот, как мы сказали, любил книги и, много их переписав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил он ее золотом, серебром и сосудами церковными, в ней возносят к богу положенные молитвы в назначенное время. И другие церкви ставил он по городам и иным местам, поставляя попов и давая им из своей казны плату, веля им учить людей, потому что это поручено им богом, и посещать часто церкви. И увеличилось число пресвитеров и людей крещеных, И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей крещеных, а враг сетовал на это, побеждаемый новыми людьми крещеными.

В год 6546. Ярослав ходил на ятвягов. *1038*

В год 6547. Освящена была церковь святой Богородицы *1039* митрополитом Феопемптом, которую построил Владимир, отец Ярослава.

В год 6548. Ярослав ходил на литву. *1040*

В год 6549. Ходил Ярослав на мазовшан, в ладьях. *1041*

В год 6550. Ходил Владимир Ярославич на ямь и победил *1042* их И попадали кони у воинов Владимировых; когда кони еще дышали, с них уже сдирали кожу — такой был мор на коней!

В год 6551. Послал Ярослав сына своего Владимира на гре- *1043* ков и дал ему воинов много, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И пошел Владимир в ладьях и дошел до Дуная, и направился к Царьграду. И поднялась буря сильная, и разбила корабли русские, и княжеский корабль разбило ветром, и взял князя к себе в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов. Прочие же воины Владимировы, числом до 6 тысяч, были выброшены на берег, и, когда они захотели было пойти (сухим путем) на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: „Я пойду с ними". И сошел с корабля к ним и сказал: „Если останусь жив, то с ними,

если погибну, то с дружиною". И двинулись, стремясь на Русь. И дошла весть до греков, что Русь потерпела крушение в море, и послал царь, именем Мономах, за Русью 14 ладей. Владимир же, завидя с дружиною своею, что за ними идут, повернув назад, разбил ладьи греческие, и сел на корабли свои и вернулся на Русь (морем). Вышату же взяли в плен вместе с выброшенными на берег воинами и привели в Царьград, и там ослепили много русских. Спустя три года, когда был заключен мир, Вышата был отпущен на Русь к Ярославу. Тем временем выдал Ярослав сестру свою за Казимира (короля польского), и Казимир отдал (Ярославу), вместо свадебного выкупа, 800 русских пленных, взятых еще Болеславом, когда он победил Ярослава.

1044 В год 6552. Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега Святославичей, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы. В тот же год умер Брячислав Изяславич, внук Владимира, отец Всеслава, и сел на столе его (в Полоцке) сын его Всеслав, которого мать родила с помощью волхвования. Когда мать родила его, у него на голове оказалось язвено(?). Волхвы же сказали матери его: „Это язвено навяжи на него, пусть носит его до конца дней своих". И носит его на себе Всеслав и до сего дня; потому и немилостив на кровопролитие.

1045 В год 6553. Заложил Владимир (Ярославич) церковь святой Софии в Новгороде.

1046 В год 6554.

1047 В год 6555. Ярослав ходил на мазовшан, и победил их, и князя их убил Моислава, и покорил их Казимиру (королю польскому).

1048 В год 6556.

1049 В год 6557.

1050 В год 6558. Скончалась княгиня, жена Ярослава.

1051 В год 6559. Поставил Ярослав Илариона в митрополиты, русского родом, в церкви святой Софии, собрав для того епископов.

А теперь расскажем, почему прозвался Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь

тамошнюю, святых апостолов, и оказывал покровительство попам многим, среди которых был пресвитер, именем Иларион, человек благостный, книжный и постник. И приходил Иларион из Берестового на Днепр, на холм, где теперь стоит старый монастырь Печерский, и там молился, ибо был там лес великий. Выкопал он пещерку малую, в две сажени, и, приходя из Берестового, отпевал там „часы“ и молился богу втайне. Затем бог внушил князю мысль поставить его митрополитом в церкви святой Софии, а пещерка эта так и осталась. И спустя немного дней, некий человек, мирянин из города Любеча, задумал, по божию внушению, итти странничать. Отправился он на Святую Гору, осмотрел и обошел тамошние монастыри, и полюбил монашеский образ, и пришел в один монастырь, и упросил игумена постричь его в монахи. Тот внял его просьбе, постриг его, дал ему имя Антоний, дал ему наставление, и научил как жить по-монашески, и сказал ему: „Иди на Русь обратно и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя пойдет много чернецов“. Благословил его и отпустил его, сказав ему: „Иди с миром“. Антоний же пришел в Киев и начал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и нигде ему не нравилось, так как бог не хотел того. И стал ходить он по дебрям и горам в поисках места, которое бы ему бог указал. И пришел он на холм, где Иларион выкопал пещерку, и полюбил место это, и поселился он в ней, и начал молиться богу слезно, говоря: „Господи! Устрой меня на месте этом, и да будет на нем благословение Святой Горы и моего игумена, постригшего меня“. И начал он жить тут, молясь богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру, и не давая себе покоя, день и ночь в трудах пребывая, в бденье и в молитвах. Потом прознали об этом добрые люди и стали приходить к нему, принося, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний: стали ходить к нему за благословением. Тем временем, после смерти великого князя Ярослава, взял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же был прославлен в Русской земле; Изяслав, узнав

о том, как он живет, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И известен стал всем великий Антоний и чтим, и начали приходить к нему братья, и стал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии 12 человек, и выкопали они пещеру большую и церковь и кельи, которые и теперь еще существуют в пещере под старым монастырем. Когда собралась братия, сказал им Антоний: „Это бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословению Святой Горы, по которому меня постриг игумен ее, а я вас постриг — да будет благословение на вас, первое от бога, а второе от Святой Горы". И так сказал им: „Живите же без меня, и поставлю вам игумена, а сам я намереваюсь взойти на эту гору один, чтобы, как привык уже, жить в уединении". И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел на гору и выкопал пещеру, которая теперь под новым монастырем, в которой и скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя из пещеры в течение 40 лет никуда; там лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в своей пещере. И когда братия приумножилась и не могла уже разместиться в пещере, задумали поставить вне пещеры монастырь. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: „Отец! Умножилась братия, и мы не можем поместиться в пещере; пусть бы бог повелел, по твоей молитве, поставить церковку вне пещеры". И повелел им это Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя успения святой Богородицы. И начал бог, по молитве святой богородицы, умножать число черноризцев, и приняли решение братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: „Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь". Антоний же с радостью сказал: „Благословен бог во всем, и молитва святой богородицы и святогорских отцов да будет с вами". И, сказав это, послал одного из братьев к Изяславу князю, сказав так: „Князь мой! Это бог умножает братию, а местечко мало: дал бы ты нам гору ту, что над пещерою". Изяслав же, выслушав это, с радостью послал

своего мужа отдать им ту гору. Игумен же с братиею заложили церковь большую, и монастырь огородили частоколом, келий поставили много, церковь достроили и иконами украсили. С тех пор и получил начало Печерский монастырь: так как жили чернецы прежде в пещере, оттого и прозвался Печерским. Пошел же монастырь Печерский от благословения Святой Горы. Когда устроился монастырь, при игумене Варлааме, Изяслав устроил другой монастырь святого Дмитрия и вывел туда Варлаама на игуменство, желая поставить этот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Много ведь монастырей царями и боярами и богачами устроено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бессонными ночами. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг своего слезами и постом, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, посовещавшись, пошли к старцу Антонию и сказали: „Поставь нам игумена“. Он же сказал им: „Кого хотите?“. Они же сказали: „Кого хочет бог и ты“. И сказал им: „Кто же из вас как не Феодосий самый послушный, кроткий, смиренный, пусть он и будет вам игуменом“. Братья же, обрадовавшись, поклонились старцу и поставили Феодосия игуменом над братиею, которая насчитывала 20 человек. Когда же Феодосий принял монастырь, он стал вводить воздержание и строгие посты и молитвы слезные, и стал собирать в монастыре многих черноризцев и собрал братии числом 100. И начал искать устава монашеского, и оказался здесь в это время Михаил, монах Студийского монастыря, приехавший из Греческой земли с митрополитом Георгием, — и начал у него искать Феодосий устава студийских монахов. И нашел у него и списал, и ввел устав в монастыре своем, как совершать службы церковные в монастыре и как класть поклоны, как читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный и поведение во время трапезы, и в какие дни что есть, все это по уставу. Найдя этот устав, Феодосий ввел его в своем монастыре. От Печерского же монастыря переняли все монастыри этот устав, оттого-то почитался

монастырь Печерский старше всех. Когда же жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь и блюдя монашеские правила и принимая всякого, приходящего к нему, и я пришел к нему, худой и недостойный раб, и принял он меня 17 лет отроду. Это я написал и установил, в какой год начался Печерский монастырь и почему прозывается Печерским. А о житии Феодосия еще скажем.

1052 В год 6560. Скончался Владимир, сын Ярослава старший, в Новгороде и положен был в церкви святой Софии, которую сам воздвиг.

1053 В год 6561. У Всеволода (Ярославича) родился сын от дочери царской, гречанки, и назвал его отец Владимиром.

1054 В год 6562. Скончался великий князь русский Ярослав. Еще при жизни своей он дал завещание сыновьям своим, сказав им: „Вот я покидаю мир этот, сыны мои; живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, бог будет с вами и покорит вам врагов ваших. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобиях, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим, но живите в мире, слушаясь брат брата. Вот я поручаю заместить меня на столе моем, в Киеве, старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть он заменит вам меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир (южный), а Вячеславу Смоленск“. И так разделил он между ними города, запретив им переступать предел братний и сгонять (один другого со стола), сказал Изяславу: „Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай обижаемому“. И так завещал он сыновьям своим жить в любви. Сам он уже был болен тогда, и, приехав в Вышгород, совсем разболелся. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире (южном), Всеволод же был тогда при отце, ибо был любим отцом больше всех братьев, и тот всегда держал его при себе. Приспел конец жизни Ярослава, и от-

дал он душу свою богу в первую субботу Федоровского поста. Всеволод же убрал тело отца своего, возложив на сани, отвез его в Киев, в сопровождении попов, певших положенные песнопения. Оплакивал его народ; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И оплакали его Всеволод и все люди. Прожил же (Ярослав) полных 76 лет.

Начало княжения Изяслава в Киеве. Прибыв в Киев, Изяслав сел там, Святослав сел в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире (южном), Вячеслав в Смоленске. В тот же год ходил Всеволод на торков зимою к Воиню и победил торков. В том же году приходил на Русь Болуш с половцами, и Всеволод заключил мир с ними, и возвратились половцы туда, откуда пришли.

В год 6564. *1056*

В год 6565. Скончался Вячеслав Ярославич в Смоленске, *1057*
и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566. Победил Изяслав голядь. *1058*

В год 6567. Изяслав, Святослав и Всеволод освободили *1059*
дядю своего Судислава из темницы, где он просидел 24 года, взяв с него крестное целование, и принял он монашество.

В год 6568. Скончался Игорь Ярославич. В этом же году *1060*
Изяслав и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали бесчисленное войско и отправились в поход на торков, одни на конях, а другие в ладьях. Торки же, прослышав об этом, в страхе обратились в бегство и так и перемерли в бегах, божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от болезней и от суда божия. Так бог избавил христиан от поганых.

В год 6569. Пришли половцы впервые на Русскую землю *1061*
войною; Всеволод же вышел навстречу им, месяца февраля 2. В бою они победили Всеволода и после боя ушли. Это было первое зло нам от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал.

В год 6570. *1062*

1063 В год 6571. Судислав скончался, Ярославов брат, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде шел Волхов в обратном направлении в течение пяти дней. Это же знаменье не к добру было, ибо на 4-й год пожег Всеслав город.

1064 В год 6572. Бежал Ростислав Владимирович, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя в Тмуторокань, выгнал оттуда Глеба (Святославича), а сам сел на его место.

1065 В год 6573. Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города — не потому, чтобы убоялся его, а не желая против дяди своего оружия поднимать. Святослав же, придя в Тмуторокань, опять посадил там сына своего Глеба и вернулся домой. Ростислав же, придя, вновь выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему, Ростислав же сел в Тмуторокани. В этом же году Всеслав поднял междоусобную войну.

В это же время было знаменье, на западе явилась звезда великая, с лучами как бы кровавыми, с вечера выходившая на небо после захода солнца, и так продолжалось 7 дней. Это явление было не к добру, после того было усобиц много и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещавшая кровопролитье. В это же время ребенок был брошен в речку Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и мы рассматривали его до вечера, и опять бросили его в воду. Был же он таков: на лице у него были срамные части, об ином нельзя сказать срама ради. Перед тем и солнце изменилось и перестало быть светлым, но как луна стало, о таком солнце невежды говорят, что оно съедаемо. Подобные знамения бывают не к добру, мы видим это из того, как в древности при Антиохе, в Иерусалиме случилось: вдруг по всему городу в течение 40 дней стали являться в воздухе всадники скачущие, вооруженные, в золотых одеждах, полками являлись, размахивая оружием: это предвещало нашествие Антиоха на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре

в том же Иерусалиме воссияла звезда, в виде копья, над городом: это предвещало нашествие римского войска. И опять было так же при Юстиниане цесаре, звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, за что прозвали ее „блистаницей“ (лампадой) и так блистала она дней 20; после же того на небе было звездотечение с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и опять солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, смертельные болезни среди людей. Опять же при Маврикии цесаре было такое: женщина ребенка родила без глаз и без рук, а к животу у него рыбий хвост прирос; и пес родился о шести лапах; в Африке же двое ребят родились, один о четырех ногах, а другой о двух головах. Затем же при царе Константине иконоборце, сыне Леонове, было звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие это ожидали конца; тогда же воздух низвергался обильно на землю; в Сирии же было землетрясение сильное, так что земля дала расселину в три поприща, и из земли чудом вышел мул, человеческим голосом предсказывавший нашествие иноземцев, что и случилось: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе или со звездами, или с солнцем, или с птицами, или с чем иным не к добру бывают; но знамения эти ко злу бывают: или войну, или голод, или смерть предвещают.

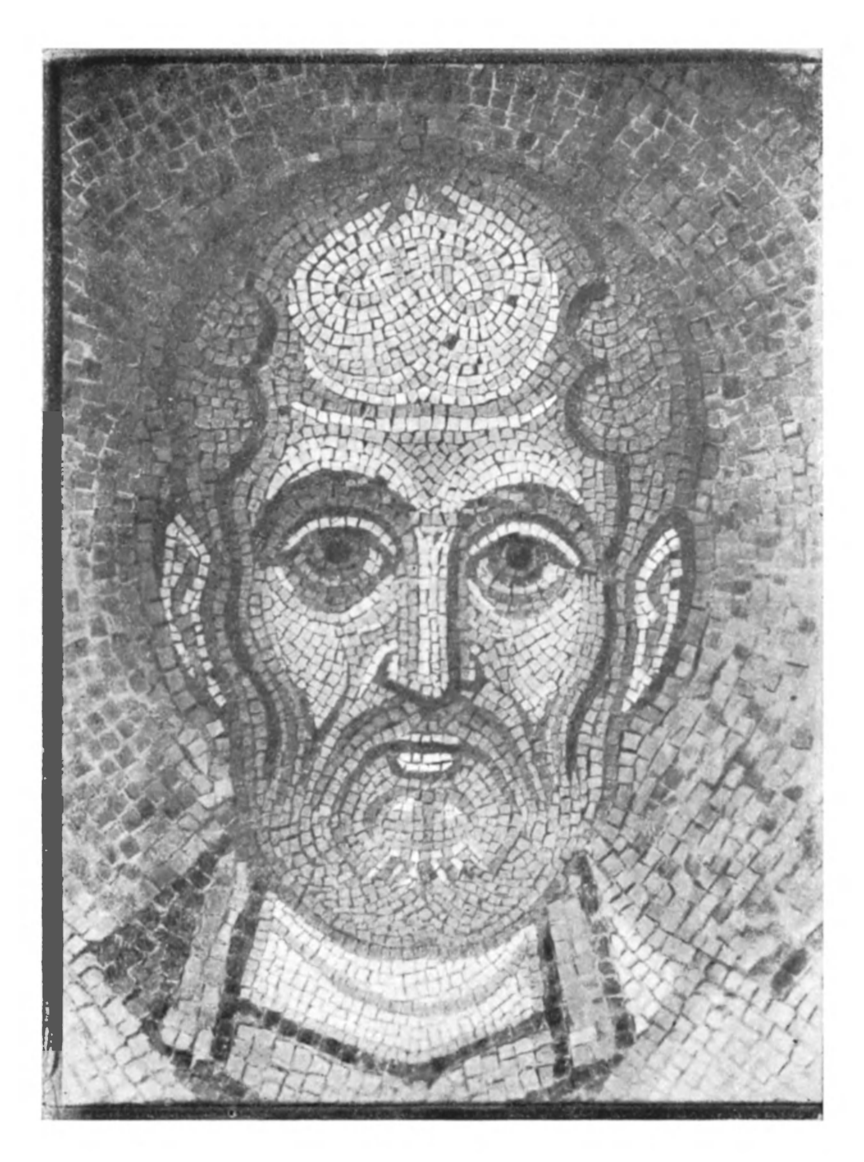
В год 6574. Когда Ростислав сидел в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так устрашились греки, что подослали в Тмуторокань с обманом котопана. Когда он пришел к Ростиславу, он вошел к нему в доверие, и Ростислав возымел к нему уважение. Как-то раз, когда Ростислав пировал с дружиною своею, сказал котопан: „Князь, хочу выпить за твое здоровье“. Тот же сказал: „Пей“. Он же выпил половину, а половину дал пить князю, доткнувшись пальцем до чаши, имея под ногтем яд смертельный, и дал князю, назначив смерть на седьмой день. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, объявил, что именно в этот (седьмой) день умрет Ростислав, как и случилось. Этого же котопана побили камнями корсунцы. 1066

А был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасно сложен и красив лицом, и милостив к убогим. И умер он 3 февраля, и похоронен был в Тмуторокани в церкви святой Богородицы.

1067 В год 6575. Начал междоусобную войну Всеслав Брячиславич полоцкий и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в сильную стужу. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же взяли Минск и перебили всех мужчин, а женщин и детей захватили с собой как военную добычу, и пошли к Немиге (реке), и Всеслав пошел к ним навстречу. Они встретились на Немиге 3 марта; и был снег великий, и войска пошли друг на друга. И был бой жестокий, и много людей пало, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод. Всеслав же обратился в бегство. Затем 10 июля Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, предложили ему: „Приходи к нам, не сделаем тебе зла". Он же, положившись на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав, идя впереди, вел его к себе в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, нарушив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу вместе с двумя его сыновьями.

1068 В год 6576. Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же и Святослав, и Всеволод вышли им навстречу на Льто. И когда настала ночь, они пошли друг на друга. За грехи наши напустил бог на нас поганых, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит ведь бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и, только пережив это горе, жители ее вспоминают о боге; на междоусобную же войну соблазняет людей дьявол. Бог ведь не желает зла людям, но добра; а дьявол радуется злому убийству и кровопролитию, возбуждая ссоры и зависть, братоненавистничество, клевету. Когда же впадает в грех какая-либо страна, „карает бог ее смертью, или голодом, или нашествием

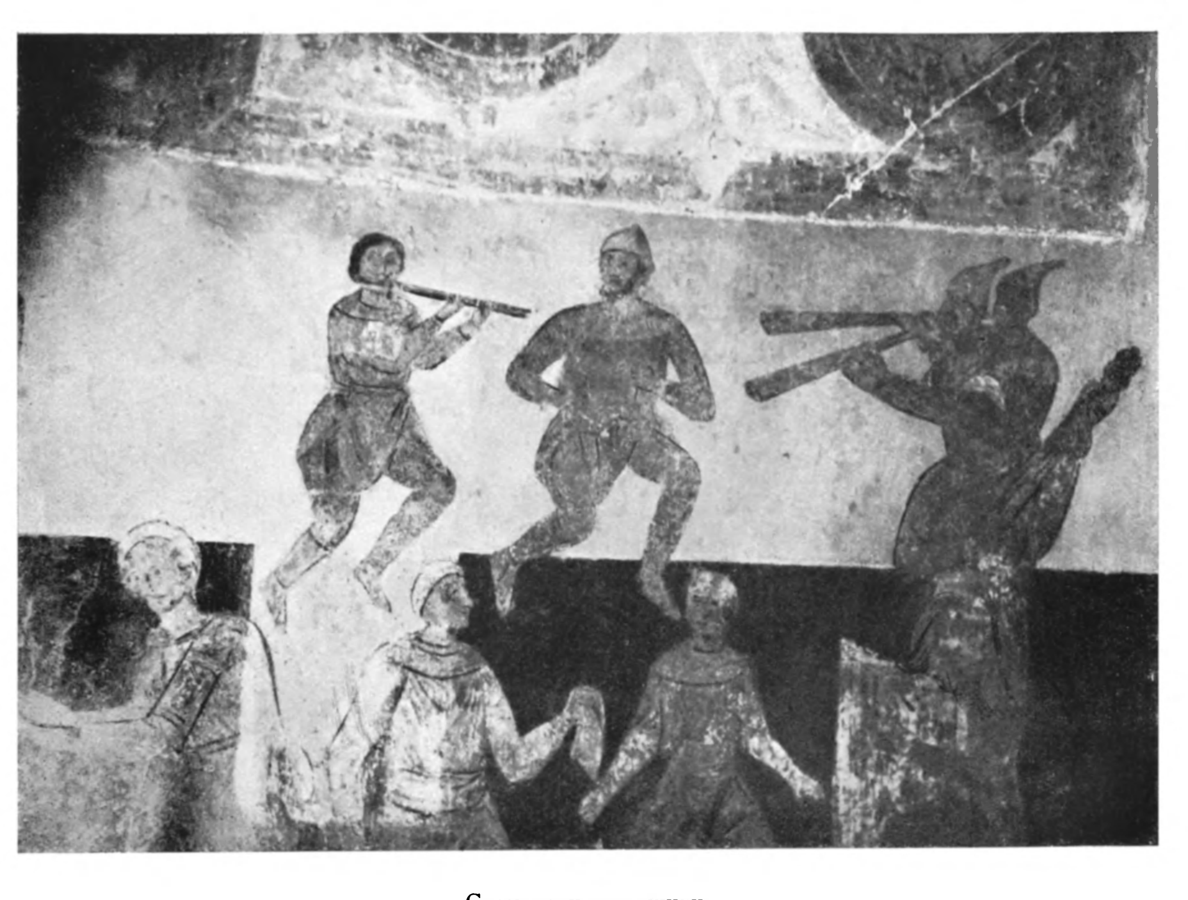


Григорий Неокесарийский.

Деталь мозаики киевской Софии.

Иван Златоуст.

Деталь мозаики киевской Софии.



Скоморохи-гудошники.

Деталь фрески южной башни киевской Софии. Фото музея „Софийский заповедник“.

Музыкант.

Деталь фрески южной башни киевской Софии. Фото музея „Софийский заповедник".

поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы обратились к покаянию, в котором бог велит нам жить; ибо он говорит нам через пророка: „обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и в плаче“. Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы упорствуем во зле, как свинья, вечно грязнящаяся в греховных нечистотах, и так пребываем. Через тех же пророков нам говорит бог: „Знаю, говорит, что ты жесток и шея твоя, что железо“, поэтому „не допустил к вам дождя, одно место оросил дождем, а другого не оросил, и оно иссохло“; „и я поразил вас зноем и различными казнями, и то вы не обратились ко мне“. „Потому сады ваши, смоковники ваши, нивы и дубравы ваши истребил я, говорит господь, а злоб ваших не мог из вас вытравить. „Послал на вас различные болезни тяжкие и смерти, и на скотину казнь свою послал, но и тут вы не обратились, а сказали: Не сдадимся. Доколе не насытитесь вы злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего, говорит господь, и соблазнили многих; поэтому: «Буду обвинителем скорым врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, не платящих за труд наемникам, обижающих сирот и вдов и направляющих суд на несправедливость. Почему не воздерживаетесь от грехов ваших? Но перетолковываете законы мои и не соблюдаете их? Обратитесь ко мне — и я обращусь к вам, говорит господь, и разверзу вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии, и никогда не истощатся ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушились на меня словами вашими, говоря: «Напрасный труд — служить богу!»“. Поэтому: „На словах чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня“. Оттого, чего просим, не получаем; „Будет же так, говорит, что призовете меня, я же не стану вас слушать“. Будете искать меня в беде — и не найдете, ибо не пожелали ходить путем моим, отчего и закрывается или жестоко разверзается небо, град вместо дождя испуская, или морозом плоды побивая и землю зноем томя, за наши злодеяния. Если же раскаемся в злодеяниях наших,

то „как родным детям своим, даст он нам все просимое, и пошлет нам дождь в любое время. И наполнятся гумна ваши пшеницею. Заработают давила винные и масляные. И воздам вам за годы, которые отняли у вас саранча и хруст, и гусеницы; сила моя велика, которую я обратил против вас“, — говорит господь вседержитель. Слыша все это, устремимся к добру; потребуйте праведного суда, заступайтесь за обижаемого; покаемся, не будем воздавать злом за зло, клеветой за клевету, но возлюбим господа бога нашего, постом и слезным рыданием смывая все прегрешения наши, не так, что словом называемся христианами, а на деле живем, точно поганые. Вот разве не поганые мы, если во встречу верим? Ведь, если кто встретит черноризца, то возвращается домой, также встретив отшельника или свинью, — разве это не по-поганому? Это, ведь, по наущению дьявола держатся этой приметы; а другие в чих веруют, который бывает на здравие голове. Но этими и иными способами вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслями и русалиями. Видим ведь игрища утоптанные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга, являя зрелище бесом задуманного действа, — а церкви стоят пусты; когда же приходит время молитвы, мало людей оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от бога и набеги врагов, по божьему повелению принимаем наказание за грехи наши.

Мы же возвратимся опять к предшествующему повествованию. Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и устроили вече на торгу и, обратившись к князю, сказали: „Вот, половцы рассыпались по всей земле, выдай, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними“. Изяслав же этого не послушал. И начали люди наговаривать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча, и пришли на двор Коснячков и, не застав его, остановились у двора Брячислава и сказали: „Пойдем, освободим дружину свою из погреба (темницы)“. „И разделились надвое: половина их пошла к погребу, а половина их пошла по Мосту, эти и при-

шли на княжий двор. Изяслав в это время на сенях держал совет с дружиной своей, и пришедшие заспорили с князем, остановившись внизу. Когда же князь смотрел в оконце, а дружина стояла подле него, сказал Тукы, брат Чюдина, Изяславу: „Видишь, князь, люди расшумелись, пошли постеречь Всеслава". И в то время как он это говорил, другая половина людей пришла от погреба, отворив его. И сказала дружина князю: „Это плохо; пошли ко Всеславу, пусть, призвав его к оконцу обманом, пронзят его мечом". И не послушал этого князь. Люди же закричали и пошли к темнице, где сидел Всеслав. Изяслав же, видя это, вместе со Всеволодом, побежал со двора, люди же освободили Всеслава из темницы — 15 сентября — и прославили его среди двора княжеского. Двор же княжий разграбили, — бесчисленное множество золота и серебра, в монете и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

После этого, когда половцы воевали по земле Русской, Святослав находился в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав кое-какую дружину, вышел на половцев к Сновску. И увидели половцы идущий полк и изготовились к бою. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: „Вперед, нам некуда уже укрыться". И они припустили коней, и одолел Святослав со своими тремя тысячами, а половцев было 12 тысяч; часть их тут же и перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли живым, 1 ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

В Киеве в это время сидел Всеслав. Это бог явил тут силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом захватил его: потому и навел бог поганых, Всеслава же явно освободил крест честной. Ибо в день воздвижения (14 сентября) Всеслав, вздохнув, сказал: „О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой ямы". Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и на земле примет кару и в будущем веке

казнь вечную. Ибо велика сила креста: крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крест князьям в битвах помогает, на поле брани, крестом охраняемы, верующие люди побеждают врагов-супостатов, крест же быстро избавляет от напастей тех, кто взывает к нему с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если являются у человека от беса видения, их отгоняют, осенив лицо крестом. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

1069 В год 6577. Пошел Изяслав с Болеславом (польским) на Всеслава; Всеслав же двинулся им навстречу. И пришел в Белгород Всеслав, и ночью тайком от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же киевляне, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: „Мы уже недоброе совершили, князя своего прогнав, а вот он ведет на нас Польскую землю, так идите в город отца своего; если же не хотите, то мы вынуждены будем, спалив город свой, податься в Греческую землю“. И сказал им Святослав: „Мы отправим послов к брату своему; если он пойдет на вас с поляками, чтобы истребить вас, то мы пойдем на него войною, не дадим уничтожить город отца своего; если же намерение его мирное, то он явится с небольшими силами“. И успокоили киевлян, Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: „Всеслав бежал, не води поляков в Киев, здесь врагов у тебя нет; если же будешь держать гнев и намерен уничтожить город, то знай, что нам жаль отцовского стола“. Услышав это, Изяслав оставил поляков и двинулся с Болеславом, взяв с собою малую часть поляков, а вперед послал в Киев сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил 70 человек киевлян, освободивших Всеслава из темницы, а иных ослепил, других безвинно умертвил, вышли не расследовав (дела). Когда же Изяслав приближался к городу, вышли киевляне с поклоном встречать его и приняли князя своего; и сел Изяслав на столе своем, 2 мая. И распустил он поляков на покорм, и избивали их потихоньку при этом; и возвратился Болеслав в землю свою. Изяслав же перевел

(в Киеве) торг на гору и, прогнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на его место брата его Святополка, потому что Всеслав бежал.

В год 6578. Родился у Всеволода сын и назвали его Рости- *1070*
славом. В тот же год заложена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодом.

В год 6579. Воевали половцы у Растовца и у Неятина. *1071*
В этот же год выгнал Всеслав Святополка (Изяславича) из Полоцка. В этот же год победил Ярополк (Изяславич) Всеслава у Голотичска. В те же времена явился волхв, одержимый бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет обратно и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля займет место Русской, а Русская — Греческой, и прочие земли изменят свое местоположение. Невежды слушали его, а крещеные смеялись, говоря ему: „Бес тобою играет на погибель твою". Это с ним и сбылось: однажды ночью он пропал без вести.

Бесы ведь подстрекают людей на зло, а потом насмехаются, ввергнув их в пропасть смертную, подучив их, что им говорить, как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и действе.

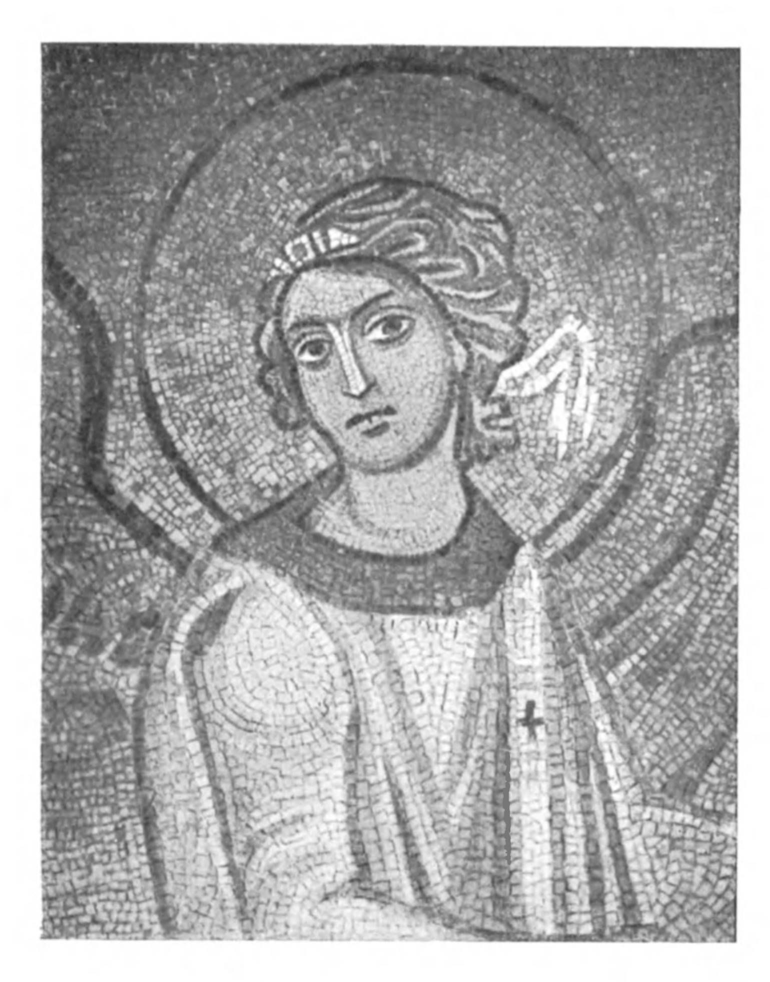
Однажды во время недорода в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что „мы знаем, кто запасы прячет". И пошли они по берегу Волги, и, куда ни придут в погост, тут и называли зажиточных женщин, говоря, что эта жито прячет, а эта — мед, а эта — рыбу, а эта — меха. И стали приводить к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, в навожденьи, взрезая тем заплечья, вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и таким способом убивали многих женщин, и имущество их захватили себе. И пришли они на Белоозеро, и было с ними 300 человек. В это самое время случилось Яну Вышатичу, собирая дань, притти (на Белоозеро) от князя Святослава; рассказали ему белоозерцы, что два кудесника перебили уже много женщин по Волге и по Шексне

и пришли сюда. Ян же, расспросив, чьи смерды эти кудесники, и узнав, что это смерды его князя, послав к спутникам их, сказал им: „Выдайте волхвов этих сюда, потому что смерды они мои и моего князя“. Те же его не послушали. Ян же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: „Не ходи без оружия, оскорбят тебя“. Он же приказал взять оружие отрокам и в сопровождении 12 отроков двинулся к ним к лесу. Они же изготовились к бою; когда Ян двинулся на них с топориком, выступили вперед от них мужи, подошли к Яну, говоря ему: „Видишь сам, что идешь на смерть, не ходи“. Ян же приказал убить их, пошел к оставшимся стоять. Они же бросились на Яна, один из них замахнулся было на Яна топором, Ян же, перехватив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их; они же побежали обратно в лес и убили тут Янева попа. Ян же, вернувшись в город к белозерцам, сказал им: „Если не захватите волхвов этих, не уйду от вас хоть целый год“. Белозерцы же отправились за ними, схватили и привели их к Яну. И сказал он им: „Чего ради погубили столько людей?“. Те же сказали, что „они держат запасы, и, если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы на твоих глазах вынем жито или рыбу или что другое“. Ян же сказал: „Это сущая ложь; сотворил бог человека из земли, состоит человек из костей и кровяных жил, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог знает“. Они же сказали: „Мы знаем, как человек сотворен“. Он же сказал: „Как?“. Они же сказали: „Бог мылся в бане, распотелся, отерся ветошкой и бросил ее с неба на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Потому-то, когда умирает человек, в землю идет его тело, а душа к богу“. Сказал им Ян: „Воистину опутал вас бес; какому богу веруете?“. Те же сказали: „Антихристу!“. Он же сказал им: „А где он?“. Они же сказали: „Сидит в бездне“. Сказал им Ян: „Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а бог пребывает на небе, восседая на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом, не смея

на него взглянуть. Один из этих ангелов и был свергнут, тот, кого вы называете антихристом, за высокомерие свое низвергнут был с неба и теперь сидит в бездне, как вы и говорите, в ожидании, когда сойдет с неба бог, свяжет этого антихриста узами и посадит его в бездну, взяв его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь предстоит принять муку от меня, а по смерти — там". Волхвы же сказали: „Нам боги говорят; что ты с нами не можешь сделать ничего!". Он же сказал им: „Лгут вам боги". Они же сказали: „Нам надлежит предстать перед Святославом, а ты не можешь сделать ничего". Ян же приказал бить их и вырывать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, говорил им Ян: „Что вам боги говорят?". Они же говорили: „Стать нам перед Святославом". И приказал Ян вложить рубль в рот им и привязать их к ребру лодки и пустил их вниз по течению перед собою в ладье, а сам шел за ними. Стали на устье Шексны, и сказал им Ян: „Что вам боги говорят?". Они же сказали: „Так нам боги говорят: не быть нам живым от тебя". И сказал им Ян: „Это они вам правду сказали". Волхвы же сказали: „Но если нас отпустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много горя примешь и зла". Ян же сказал им: „Если вас пущу, то плохо мне придется от бога, а если вас погублю, то награда мне будет". И сказал Ян гребцам: „У кого из вас кто из родни убит ими?". Они же сказали: „У меня мать, у того сестра, у другого дочь". Он же сказал им: „Мстите за своих". Они же, схватив волхвов, умертвили их и повесили их на дубе: возмездие получили от бога по справедливости! После того как Ян отправился домой, на другую ночь медведь взлез на дуб, растерзал их и сожрал. И так они и погибли по наущению бесовскому, другим предвещая гибель, а своей гибели не предвидели. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им суждено было быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: „Не умереть нам", когда Ян уже решил убить их? Но это-то и есть бесовское наущение; бесы ведь не знают мыслей человека,

а приписывают помыслы человеку, тайны человека не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо они немощны и невзрачны. Сейчас мы и расскажем о виде их и о заблуждениях их. В это время, в те же годы, случилось одному новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел он к кудеснику, прося поволхвовать ему. Тот же по обыкновению своему начал вызывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, кудесник же лежал в оцепенении, и ударил им бес. Кудесник же, встав, сказал новгородцу: „Боги не смеют явиться, что-то есть на тебе, чего они боятся“. Новгородец же, вспомнив, что на нем крест, и, отойдя в сторону, положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь вызывать бесов. Бесы же подбрасывая его, поведали, чего ради пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: „Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?“. Он же сказал: „Это знак небесного бога, которого наши боги боятся“. Новгородец же сказал: „А каковы боги ваши, где живут?“. Кудесник же сказал: „В безднах; а на вид они черны, крылаты, хвостаты; взбираются же и под небо послушать ваших богов; ваши ведь боги на небе. Если кто из ваших людей умрет, то его возносят на небо, если же кто из наших умрет, его несут к нашим богам в бездну“. Так оно и есть: грешники ведь в аду пребывают в ожидании муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются вместе с ангелами.

Таковы-то бесовская сила и красота и немощь. Тем-то они и прельщают людей, что приказывают им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в забытьи, и так волхвуют, по внушению бесов. Особливо же через женщин бесовские волхвования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину. Потому у теперешних поколений много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины некрещеные бывают прельщаемы бесами, как то было в прежние времена при апостолах, когда был Симон волхв, который заставлял волшебством собак гово-



Ангел из композиции Евхаристии.

Деталь мозаики Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве.

Гробница Ярослава Мудрого в киевской Софии.

рить по-человечески, и сам оборачивался то в старика, то в человека молодого, или кого-нибудь оборачивал в иной образ, в воображении людей. Так поступали Ананий и Мамврий: они волхвованием чудеса творили против Моисея, а скоро уже ничего не могли против него сделать. Так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходят, и иные видения внушал, поддаваясь бесовскому обману на погибель себе и другим.

Такой волхв явился при князе Глебе в Новгороде. Он разговаривал с людьми, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, разглагольствуя, будто наперед знает все, что произойдет, и, хуля, веру христианскую, он говорил ведь, что „перейду Волхов на глазах у всех". И замутился весь город, и все поверили в него, и собирались убить епископа. Епископ же, с крестом в руках и в облачении, вышел и сказал: „Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же истинно верует, пусть тот к кресту идет". И люди разделились надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли и стали за волхвом. И начался мятеж великий в людях. Глеб же, с топором под плащом, подошел к волхву и сказал ему: „Знаешь ли, что утром случится и что до вечера?". Тот же сказал: „Знаю наперед все". И сказал Глеб: „А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?". „Чудеса великие совершу",— сказал (волхв). Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и тот пал замертво, и люди разошлись. Он же погиб телом и душой, отдав себя дьяволу.

В год 6580. Перенесли тела святых страстотерпцев Бориса *1072*
и Глеба. Собрались Ярославичи, Изяслав, Святослав, Всеволод, тогдашний митрополит Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен монастыря святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря, и прочие игумены, — и устроили праздник, и праздновали радостно, и перенесли тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и сейчас. И сначала взяв Бориса, в деревянном гробу, Изяслав, Святослав, Всеволод, возложив гроб на

свои плечи, понесли, предшествуемые черноризцами со свечами в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними всеми шли с гробом. И, внеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась благоуханием церковь, а все присутствовавшие прославили бога. И митрополита ужас объял, ибо не твердо верил он в праведность покойных; и пал он ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в гробу каменном, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не проходил. И повелели народу взывать: „Господи, помилуй", и повезли его. И совершилось погребение их 2 мая. И, отпев литургию, обедали братья все вместе, каждый с боярами своими, в дружелюбии великом. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а в церкви Лазарь. Когда все кончилось, все разъехались по домам.

1073 В год 6581. Возбудил дьявол распрю между этими братьями Ярославичами. В этой распре Святослав со Всеволодом были заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев, 22 марта, и сели на столе в Берестовом, преступив завещание отцовское. Святослав же был началом изгнания брата, стремясь к бóльшей власти; Всеволода он ведь соблазнил, наговаривая, что „Изяслав стакнулся со Всеславом (Брячиславичем), злоумышляя против нас; и если его не упредим, он нас выгонит". И так он восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу с богатством многим, говоря, что „этим я найду воинов". Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив завет отца, а больше всего божий. Великий ведь то грех — нарушать завет отца своего: ибо впервые покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через 400 лет возмездие приняли от бога; от племени ведь Сифова идут евреи, которые, перебив хананейское племя, вернули себе свой надел и свою землю. Так же преступил Исав завет отца своего и был убит. Нехорошее дело — преступать предел чужой!

В этот же год была заложена церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом, за отъездом митрополита Георгия в землю Греческую, в княжение Святослава в Киеве.

В год 6582. Скончался Феодосий, игумен Печерский. Расскажем же о его кончине вкратце. Феодосий обычай имел, с наступлением поста, в воскресенье на масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, наставлять ее, как проводить великий пост, в молитвах ночных и дневных, как блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского внушения. „Бесы ведь, — говорил он, — внушают черноризцам помышления, желания лукавые, разжигая им воображение и тем повреждаемы бывают их молитвы. Следует обороняться от таких мыслей знамением крестным, говоря: господи, Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас, аминь. И, кроме того, воздерживаться от обильной пищи, ибо от переедания и пития безмерного рождаются помыслы лукавые, от родившихся же помыслов случается грех“. „Поэтому, — говорил он, — противьтесь бесовскому воздействию и пронырству их, остерегайтесь лености и долгого сна, бодрствуйте ради пения церковного, и усвоения предания отеческого, и чтения книжного; пуще же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давыдовы, ими прогонять бесовское уныние, больше хранить в себе любовь ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь, наставлять их и служить им примером воздержания, бдения, трудолюбия и смирения, этому учить меньших и утешать их, и в этом проводить пост“. И так говорил, что „бог дал нам эти 40 дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами ежегодно богу: дней в году 365, а от этих дней отдавать богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения христова, радуясь богу. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам впервые не вкушал плодов от одного (запретного) дерева; Моисей, пропостившись 40 дней, сподобился получить закон на горе Синайской и увидел славу божию; постясь, Самуила мать

1074

родила; постом ниневитяне гнева божия избыли; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в пищу райскую; постом трое отроков погасили силу огненную; постился и господь 40 дней, и тем показал нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту были отцы наши как бы светилами на земле, которые сияют и по смерти, дав примеры трудов великих и воздержания, как этот великий Антоний, или Евфимий или Савва и прочие отцы, примеру которых мы ревностно следуем, братия". И так поучив братию, Феодосий прощался, называя каждого по имени, а затем уходил из монастыря, захватив немного хлебцев и, войдя в пещеру, затворял двери в пещере, и засыпал их землею и не разговаривал ни с кем. Когда же бывало к нему необходимое дело, то он через оконце малое разговаривал в субботу или воскресенье, а в остальные дни он пребывал в посте и в молитвах, соблюдая строгое воздержание. И возвращался он в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровской недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а страстная неделя установлена для поста в память страданий господних. Феодосий же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними цветное (вербное) воскресенье, когда же пришел день воскресения, по обычаю отпраздновал его радостно — и заболел. Разболевшись и проболев пять дней, он как-то по-вечеру приказал вынести себя на двор; братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же, ударив в било, и собрались все. Феодосий же сказал им: „Братия моя, и отцы мои, и дети мои! Вот я ухожу от вас, как объявил мне господь во время поста, когда я в пещере был, что мне предстоит отойти света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя, я бы благословил его?". Они же сказали ему: „Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как тебя". Отец же наш Феодосий сказал: „Ступайте, без меня

сговоритесь, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих, кого хотите, от старейших до меньших". Они, повинуясь, отошли немного к церкви и, посовещавшись, послали к нему двух братьев сказать так: „Кого захочет бог и твоя честная молитва, кого тебе угодно, того и назначь". Феодосий же сказал им: „Если уж от меня хотите игумена получить, то я поступлю не по своему желанию, а по божию устроению". И назначил им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что „не здесь пострижен". Ибо Иаков пришел с Летьца, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана деместника, бывшего тогда учеником Феодосиевым, говоря, что „тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь". Сказал же им Феодосий: „Вот я вам, по божию повелению, назначил Иакова, а вы по своей воле хотите сделать". Однако послушал их, дал им Стефана в игумены. И благословил его, и сказал ему: „Сын мой, вот поручаю тебе монастырь, бережно храни его и, как я уставил службы, так и держи. Преданий монастырских и устава не изменяй, но делай все по закону и чину монастырскому". И после этого братья, подняв его, отнесли в келью и положили на постели. И на шестой день, когда ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели около него, сказал ему Феодосий: „Вот, отхожу света сего и поручаю монастырь твоему попечению, если случится какой непорядок в нем. И вручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду". Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре и отбыл. На седьмой день Феодосий призвал Стефана и братию, чувствуя приближение смерти, и стал говорить им так: „Если после моей кончины выяснится, что я богу угодил и что принял меня бог, и тогда без меня монастырь будет продолжать устраиваться и полниться, то знайте, что принял меня бог; если же, по моей смерти, оскудевать начнет монастырь черноризцами и испытывать недостатки, то вы будете знать, что я не угодил богу". И, когда он произносил это, братия плакала, говоря: „Отец! Молись за нас богу, ибо мы

знаем, что бог труда твоего не презрит". И просидела братия всю ту ночь возле него, и, когда наступил день восьмой, во вторую субботу после Пасхи, во втором часу дня, Феодосий отдал душу богу, месяца мая 3, индикта в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал положить его в пещере, где явил труды многие, сказав так: „Ночью похороните тело мое", как они и сделали. Когда наступил вечер, братья взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, чинно, во славу богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... такие чернецы как светила на всю Русь светят: одни были постники крепкие, другие — сильные бдением, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пощение, через день и через два дня, иные же ели хлеб с водой, иные — овощи вареные, другие — сырые. В любви пребывая, младшие слушались старших и не смели при них произнести и слова, но всегда с покорностью и с послушанием великим. Также и старшие с любовью относились к младшим, учили их, утешали, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой грех впадал, его утешали, а эпитемию, наложенную на одного, делили между собой трое или четверо, в знак великой любви. Вот какие царили любовь в братии и воздержание великое. Если брат какой-нибудь уходил из монастыря, вся братия бывала этим очень опечалена, посылали за ним, звали вернуться в монастырь, шли всей братией к игумену на поклон и молили его и принимали брата в монастырь с радостью. Вот какие это были друзья и воздержники и постники. Из них я назову нескольких мужей изумительных.

Первый — это Демьян пресвитер; он был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не вкушал до смерти своей. Если кто когда, неся ребенка больного, каким недугом одержимого, приносил его в монастырь, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, тогда приказывал он этому Демьяну молитву творить над больным, и тотчас же творил молитву

и совершал помазание елеем, и получали исцеление приходящие к нему. Когда он разболелся и лежал при смерти, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царство небесное за труды его. Затем же пришел Феодосий с братиею и сели около него, а он, уже изнемогая, взглянув на игумена, сказал: „Не забывай, игумен, что мне обещал". И понял великий Феодосий, что тому было видение, и сказал ему: „Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет". Тот же, смежив очи, отдал дух в руки божии. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был тоже другой брат, по имени Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дан дар богом: предсказывал будущее, и, если кого видел в раздумье, обличал его с глазу на глаз и приказывал блюстись дьявола. Если кто-нибудь из братьев задумывал уйти из монастыря и Еремия замечал это, то, придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если он кому что говорил, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был и еще старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда стоял он в церкви на месте своем, он поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обе стороны на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще с цветами лепка под полою. И, обходя братию, бес, вынимая из-за пазухи цветок, бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нубудь из поющих братьев, тот, немного постояв с затуманенными мыслями, под каким-нибудь предлогом выходил из церкви, шел в келью и засыпал и не возвращался в церковь до конца службы. Если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался крепко стоять и пел, пока не отпоют утреню, и тогда уходил в келью свою. Видя это, старец рассказал об этом братии своей. Другой раз видел старец такое: как обычно, когда старец отстоял заутреню, братия перед рассветом расходилась по келиям своим, а этот старец последним уходил из церкви. Однажды шел он так, присел отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет

от ворот; он поднял глаза и увидел человека верхом на свинье, а прочие идут рядом с ним. И сказал им старец: „Куда идете?". И сказал бес, сидевший на свинье: „За Михалем Тольбековичем". Старец осенил себя крестным знамением и вернулся в келию свою. Когда рассвело и он понял, в чем дело, он сказал келейнику: „Поди, спроси, в келье ли Михаль". И сказали ему, что „давеча, после заутрени, он прыгнул с ограды". И рассказал старец о видении этом игумену и братии. При этом старце Феодосий скончался, и Стефан стал игуменом, а после Стефана Никон, а старец все еще жил. Стоит он как-то на заутрени, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что не встал еще игумен. Много и других видений было у старца, и умер он в глубокой старости в этом монастыре.

А был и еще другой черноризец, именем Исакий. Был он, когда еще жил в миру, богат, ибо был купец, из Торопца родом. И задумал он стать монахом, и роздал имущество свое нуждающимся и монастырям и пошел к великому Антонию в пещеру с просьбой постричь его в монахи. И принял его Антоний и облачил его в одеяние черноческое и назвал его Исакием, а было ему имя Чернь. Этот Исакий повел жизнь суровую: надел власяницу, велел купить ему козла, ободрал его мех и надел на власяницу, и обсохла на нем кожа сырая. И затворился в пещере, в одном из проходов, в малой келье в 4 локтя, и там молился богу со слезами. Была же пищей его просфора одна, и та через день, и воды в меру пил он. Носил же ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце величиною только руку просунуть, так тот и принимал от него пищу. И жил он так семь лет, на свет не выходя, никогда не ложился, но, сидя, очень немного спал. И однажды по обычаю, с наступлением вечера, Исакий начал класть поклоны и петь псалмы до полуночи; когда же он трудился, сидел на своем сиденье. Однажды, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял, точно от солнца,

в пещере, ослепляя глаз человеческий. И подошли к нему двое юношей прекрасных с сияющими, как солнце, лицами, и сказали ему: „Исакий, мы — ангелы, а там идет к тебе Христос, став на колени, поклонись ему“. Он же, не поняв, что это бесовское дело, и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому делу. Бесы же завопили: „Наш ты, Исакий, уже!“. И, введя его в келью, посадили его и стали сами рассаживаться вокруг него и заполнили келью и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, которого называли Христом: „Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет“. И грянули бесы в сопели и в гусли, и в бубны, и стали Исакием играть. И, утомив его, оставили его едва живого и ушли, надругавшись над ним. На другой день, когда рассвело и подошло время принятия пищи, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: „Господи, благослови, отец Исакий“. И не было ответа; и сказал Антоний: „Вот, он уже умер“. И послал Антоний в монастырь за Феодосием и братией. И, откопав засыпанный вход, вошли они и взяли Исакия, считая его мертвым, вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что „это случилось от бесовского действа“. И положили его на постель, и стал ходить за ним Антоний. В это же время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И, прислав, Святослав ночью взял Антония в Чернигов. Антоний же, прийдя в Чернигов, облюбовал себе Болдины горы; выкопав пещеру, там он и поселился. И существует там на Болдиных горах монастырь святой Богородицы, и до сего дня. Феодосий же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, отправился с братией и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо он ослабел так, что не мог сам ни перевернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, а лежал на одном боку, ходил под себя, так что от этого под бедрами у него завелись черви. Феодосий же своими руками умывал и переодевал его, и в течение двух лет делал это.

То было удивительное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не съел, ни воды, ни овощей, никакой иной пищи, ни слова не произнес, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молил бога за него, и молитву творил над ним день и ночь, пока тот на третий год не заговорил и не начал слышать и на ноги вставать, как младенец, и начал ходить. И пренебрегал он в церковь ходить, силою приваживали его к церкви, и так мало-помалу приучили его ходить туда. И затем научился он в трапезную ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и он брал его только тогда, когда клали его в руку ему. Феодосий же сказал: „Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам ест“; и тот неделю не ел и так, понемногу оглядевшись, откусывал хлеб; так он научился есть и так избавил его Феодосий от козней дьявольских. Исакий же опять принялся за воздержание жестокое. Когда же скончался Феодосий и на его месте был уже Стефан, Исакий как-то сказал: „Ты уже было обманул меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, оставаясь в монастыре“. И надел на себя власяницу, и на власяницу свиту из грубой ткани и начал юродствовать, и стал помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо, не шевелясь. Когда же приспевала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги к каменному полу, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, до прихода прочих поваров из братии. Один же повар, тоже Исакий по имени, сказал раз со смехом Исакию: „Вон там сидит ворон черный, ступай возьми его“. Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему на глазах у всех поваров, и те пришли в ужас и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать, начал вредить то игумену, то братии, то мирянам, чтобы принимать побои от других.

И начал по миру ходить, продолжая юродствовать. Поселился он в пещере, в которой раньше жил, — Антоний уже умер к тому времени, — и собрал к себе молодых и одевал их в одежды монашеские и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей этих детей. Он же все это терпел, принимал побои и выносил наготу и холод днем и ночью. Однажды же ночью разжег он печку в избушке у пещеры, и запылала печь, ибо была она ветха, и заполыхал огонь через щели. Так как нечем было заложить их, он стал на огонь ногами босыми и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда только слез. И многое другое рассказали о нем, а иному был я сам очевидец. И так он победил бесов, как мух, ставя ни во что их запугивания и навождения, говоря им: „Хоть вы меня и прельстили в пещере по началу, потому что я не знал козней ваших и лукавства, но теперь со мною господь Иисус Христос и бог мой и молитва отца моего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами". Много раз бесы пакостили ему, говоря: „Ты наш, и поклонился нашему старейшине и нам". Он же говорил: „Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы". И осенял лицо свое крестным знамением, и они оттого исчезали. Иногда же опять в ночное время приходили к нему, пугая его воображение видением, будто идет много народа с мотыками и кирками, со словами: „Раскопаем пещеру эту и засыплем этого человека здесь". Другие же говорили: „Беги, Исакий, они хотят тебя засыпать". Он же говорил им: „Если бы вы были люди, то днем пришли бы вы, а вы — тьма и во тьме ходите, и тьма вас поглотит". И осенял их крестом, и они исчезали. Иной раз они стращали его, принимая образ то медведя, то лютого зверя, то вола, то змеи вползали к нему или жабы, или мыши и прочие гады. И не могли с ним ничего поделать, и сказали ему: „Исакий, ты победил нас". Он же сказал: „В первый раз вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, которого вы недостойны, а теперь, по достоинству, вы являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гада, какие вы и есть, скверные и злые на вид". И вот сгинули

бесы от него, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он и сам рассказал об этом, что „вот была у меня с ними три года война эта“. Потом он начал жить в твердой вере и соблюдать воздержание, пост и бдение. И в таком житии и кончил дни свои. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю он в благочестии скончался. Игумен же Иоанн и братия убрали тело его и похоронили его.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря. Они и по смерти сияют, как светила, и молят бога за здешнюю братию и за мирских братьев и за жертвующих на монастырь, в котором и доныне живут добродетельной жизнью все вместе, сообща, в пенье и в молитвах и в послушанье, на славу богу всемогущему, хранимые молитвами Феодосия, которому и слава вечная, аминь.

1075 В год 6583. Церковь Печерская начата была постройкой над готовым основанием Стефаном игуменом; с основания начал строить ее Феодосий, а над основанием продолжал Стефан. А окончена постройкой она на третий год, 11 июля. В этот же год пришли послы из Германии к Святославу; Святослав же, величаясь, показал им богатство свое. Они же при виде бесчисленного множества золота, серебра и драгоценных тканей, сказали: „Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво; этого лучше воины, ведь люди добудут и больше этого“. Так похвастался Иезекий, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти этого (Иезекии) все имущество пошло прахом.

1076 В год 6584. Ходили Владимир Всеволодович и Олег Святославич полякам на помощь против чехов. В этом же году скончался Святослав Ярославич 27 декабря от разрезания опухоли (желвака), и положен в Чернигове, в церкви святого спаса. И после него сел на (киевском) столе Всеволод, 1 января.

1077 В год 6585. Пошел (на Русь) Изяслав с поляками, а Всеволод вышел ему навстречу. Сел Борис (Вячеславич) в Чернигове, 4 мая, и прокняжил 8 дней и бежал в Тмуторокань

к Роману. Всеволод же пошел навстречу Изяславу, на Волынь, и там они заключили мир, и Изяслав, придя, сел в Киеве 15 июля. Олег же Святославич был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586. Бежал Олег Святославич в Тмуторокань от *1078* Всеволода, 10 апреля. В этом же году убит был Глеб Святославич в Заволочье. Был Глеб щедр на милостыню нищим и покровительствовал странникам, радел о церквах, тепло веровал, был кроток, лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за церковью Спаса, 23 июля. Когда вместо него в Новгороде сидел Святополк Изяславич, Ярополк Изяславич сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске,— привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли против Всеволода вместе с половцами. Всеволод же вышел им навстречу на Сожицу, и победили половцы Русь, и многие наши убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Тукы, Чудинов брат, и Порей, и многие другие, 25 августа. Олег же с Борисом пришли в Чернигов, думая, что победили окончательно, а земле Русской они великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев. Они приветствовали друг друга и сели. Всеволод же рассказал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: „Брат, не горюй; видишь, чего только со мной не было: сначала, не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имущество? И далее, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего, не сделав зла никакого? И теперь не будем, брат, тужить; если будет нам место в Русской земле, то обоим: если будем лишены его, то оба; я сложу голову свою за тебя“. И такими словами он утешил Всеволода, и приказал собирать в поход всех от мала до велика. И двинулись в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И пошли на Чернигов, а черниговцы затворились в городе, Олега же и Бориса там не было. Так как черниговцы ворот

не отворяли, князья (Изяслав и Всеволод) обложили город; Владимир же пошел на приступ восточных ворот от Стрежени и захватил их, и занял внешний город, и сжег его, люди же спаслись во внутреннем городе. Изяслав же со Всеволодом узнали, что Олег с Борисом идут против них, и, упредив их, пошли от города навстречу Олегу. Сказал же Олег Борису: „Не пойдем дальше, не можем мы справиться с четырьмя князьями, пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим“. И сказал ему Борис: „Смотри, я готов, и против них всех стану“. Похвалился он, не зная, что бог гордым противится, а смиренным оказывает помощь, чтобы не хвастался сильный силою своею. И пошли они навстречу, и, встретившись у села на Нежатиной ниве, обе стороны пошли одна на другую, и был жестокий бой: первым убили Бориса Вячеславича, похвалившегося. Когда же Изяслав спешился, кто-то на коне подъехал к нему и поразил его копьем в плечо. Так убит был Изяслав Ярославич. Бой продолжался, и бежал Олег с остатками дружины и едва спасся бегством в Тмуторокань. Убит был князь Изяслав 3 октября, и взяли тело его, привезли его в ладье и поставили у Городца. Вышел навстречу ему весь город Киев, и, положив тело его на сани, повезли его; в город внесли его попы и черноризцы с песнями. И не слышно было пения от плача и великого вопля, ибо оплакивал его весь Киев. Ярополк же шел за ним, плача вместе с дружиною своею: „Отец, отец мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей претерпев от людей и от братьев своих. И вот погиб не от руки брата, но за брата своего сложил голову свою“. И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, поместив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив лицом и велик ростом, незлобив нравом, лгунов ненавидел, любил правду. Не было ведь в нем хитрости, но был он прямодушен, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сделали ему киевляне: самого выгнали, дом его разграбили — и он не воздал им злом за зло: если же кто скажет вам „воинов порубил“, то не он это сделал, а сын его. Опять же,

братья его прогнали, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И, когда он сидел вновь на столе своем, а Всеволод, потерпев поражение, пришел к нему, он не сказал ему: „Сколько от вас натерпелся?“, не воздал злом за зло, но утешил его, сказав: „Поскольку ты, брат мой, явил мне любовь, возвел меня на стол мой и назвал меня старейшим себя, теперь я не припомню тебе зла прежнего, ты мне брат, а я тебе брат, и я положу голову свою за тебя“, — что и случилось. Не сказал ведь он ему: „Сколько зла причинили мне, и вот теперь с тобою случилось то же“, не сказал: „Это меня не касается“, но взял он на себя горе брата, являя любовь великую, следуя словам апостола: „Утешайте печальных“. Воистину, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не из желания получить большую волость и больше богатства, но за братнюю обиду. О таких-то господь сказал: „Да кто положит душу свою за други своя“. Соломон же говорил: „Братья те, кто в беде помогают друг другу“. Ибо любовь превыше всего. Так же и Иоанн говорит: „Бог — это любовь; пребывающий в любви, в боге пребывает, а бог в нем пребывает“. Так осуществляется любовь, чтобы было нам что предъявить в день судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь исключает ее, так как боязнь есть мученье. „Испытывающий страх не совершенен в любви. Если кто говорит: „Люблю бога, а брата своего ненавижу“, это — ложь. Ибо нелюбящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит? Эту заповедь мы получили от него, чтобы любящий бога, любил и брата своего. Ведь все совершается в любви. Любви ради и грехи исчезают, любви ради и господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради этот князь пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего. взяв власть во всей Русской земле. И посадил сына своего, Владимира в Чернигове, а Ярополка Изяславича во Владимире (южном), прибавив ему Туров.

1079 В год 6587. Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и заключил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, 2 августа. И до сих пор еще лежат там кости его, сына Святославова, внука Ярославова. А Олега Святославича хазары, захватив, отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

1080 В год 6568. Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же пошел и победил торков.

1081 В год 6589. Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, 18 мая. И пришли они к Тмуторокани, и захватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

1082 В год 6590. Осень умер, половецкий князь.

1083 В год 6591. Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани и захватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И перебил хазар, причастных к убийству брата его и умышлявших против него самого, а Давыда и Володаря отпустил.

1084 В год 6592. Приходил Ярополк Изяславич к Всеволоду на Пасху. В это же время бежали два Ростиславича от Ярополка и, вернувшись, прогнали Ярополка (из Владимира южного), и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал тот Ростиславичей и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд задержал греков в Олешье и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж.

1085 В год 6593. Ярополк же хотел итти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира, Ярополк же, оставив мать свою и дру-

СЛЪІШАТИ ДА СЛЪІ
ШИТЬ

МЦА·МАРТА·СТРА
СТЪІХЪ МКЪ·М
ЕВА·ОТЪ МАТ·ГЛА·С

РЕЧЕ ГЬ ПРИТЪ
ЧѪ СИѬ ПОДО
БЬНО ЕСТЬ ЦРЬ
СТВИЕ НБСЬНОЕ
ЧЛКОУ ДОМОВИ
ТОУ ИЖЕ ИЗИДЕ
КОУПЬНО ЗАОУТРА

Остромирово евангелие 1056—1057 г., л. 267 об.

Святослав с семьей (с женой и четырьмя сыновьями).

Выходная миниатюра Изборника Святослава Ярославича 1073 г.

жину в Лучьске, бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Лучьску, и сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире вместо Ярополка, а мать Ярополка и жену его и дружину его привел в Киев, и имущество его забрал.

В год 6594. Вернулся Ярополк из Польши и заключил мир *1086* с Владимиром, и возратился Владимир в Чернигов. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, Ярополк пошел к Звенигороду. И, не дойдя до города, был пронзен проклятым Нерадцем, по наущению дьявола и злых людей. Когда Ярополк лежал там на возу, Нерадец с коня пронзил его саблею, 22 ноября. И тогда приподнялся Ярополк, выдернул из себя саблю и закричал громким голосом: „Ох, настиг меня этот враг!". Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а тело Ярополка взяли отроки его, Радко, Воикина и другие и, положив перед собой, везли его так, к Владимиру, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод, со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне великий плач подняли над ним, с псалмами и молитвами проводили его до (монастыря) святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный, 5 декабря, в церкви святого апостола Петра, которую он сам начал в свое время строить. Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял он, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, давал десятину церкви святой Богородицы от всего своего достояния ежегодно и молил бога всегда, говоря: „Господи, боже мой! Прими молитву мою и даруй мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, чтобы омыть мне грехи все своею кровью и избавиться от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской". Не лишил его милостивый бог просимого: он получил блага те, каких ни глаз не видел, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал бог любящим его.

1087 В год 6595.

1088 В год 6596. Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном и епископами Лукою, Исаем и Иваном, при игумене того монастыря Лазаре. В том же году пришел Святополк Изяславич из Новгорода в Туров жить. В тот же год умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли болгары (волжские) Муром.

1089 В год 6597. Освящена была церковь Печерская святой богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном митрополитом и Лукою, белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном Всеволоде, державном князе Русской земли, и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство Печерского монастыря держал Иоанн. В тот же год скончался Иоанн митрополит. Был же Иоанн большой знаток книг и наук, милостив к нищим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и бедному, смиренен же и кроток, молчалив, красноречив, от святых книг утешая печальных, и такого не было прежде на Руси, и после него не будет такого. В тот же год отправилась в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого люди, видевшие его, говорили: „Вот, мертвец пришел". Прожив год, он умер. Был же этот человек не книжен, но прост был и умом и речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила Переяславская Ефремом митрополитом той церкви, которую он построил очень больших размеров, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческими украшениями, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопец, высок ростом. Много он тогда зданий воздвиг; достроив церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Феодора, и затем церковь святого Андрея у ворот и каменные бани, чего не было раньше на Руси. И город заложил каменный от церкви святого мученика Феодора, и

украсил город Переяславский зданиями церковными и иными зданиями.

В год 6599. Игумен (Печерского монастыря) и черноризцы, *1091*
посовещавшись, сказали: „Нехорошо лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, потому что он основал церковь и черноризцев собрал". Посовещавшись, приказали устроить место, где положить мощи его. И через три дня, в праздник Успения богородицы, приказал игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, приказанию которого я, грешный, первый был очевидец. Об этом и расскажу не понаслышке, а как зачинатель этого (дела). Пришел игумен ко мне и сказал: „Пойдем в пещеру к Феодосию". Я и пришел с игуменом, тайно от всех, и рассмотрели, где копать, и обозначили место, где копать, в стороне от входа. Сказал же мне игумен: „Не смей говорить никому из братии, чтобы никто не знал, но возьми кого хочешь, пусть тебе поможет". Я же приготовил в тот день мотыки, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял я с собою двух братьев, так что никто не знал, пришел в пещеру и, отпев псалмы, начал копать. И, утомившись, дал копать другому брату. Так мы копали до полуночи, трудились и не могли докопаться; я начал тужить, что копаем в сторону (от могилы). Я же, взяв мотыку, начал копать ревностно, а друг мой спал перед пещерою; и сказал мне: „Ударили в било!". И я в это время докопался до мощей Феодосиевых, когда он мне сказал „ударили в било". Я же сказал ему: „Я уже докопался". Когда же докопался, объял меня ужас, и я стал взывать: „Господи, помилуй!". В это время, когда игумен еще не сказал, с кем он будет переносить его тайно, сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры. Когда ударили в било, они видели, как три столпа, точно светящиеся дуги, передвигаясь, стали над верхом церкви, где был положен потом Феодосий. В это же время Стефан, который был вместо Феодосия игуменом, а сейчас был уже епископом, видел в своем монастыре за полем великое сияние над пещерою. Думая, что несут Феодосия, так как

ему за день до того было сообщено об этом, и, пожалев, что переносят без него, Стефан, сев на коня, тотчас же поехал, взяв с собою Климента, которого он потом поставил игуменом вместо себя. И по пути оба видели великое сияние. И, когда приблизились, увидели свечей множество над пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, когда мы сидели у мощей Феодосия. Когда я докопался, я послал к игумену: „Приходи, вынем его". Игумен же пришел с двумя братьями; и я раскопал широко, и мы влезли и увидели мощи Феодосия, только суставы не распались и волосы на голове слиплись. И, положив его на мантию, подняв на плечи, вынесли его и положили перед пещерой. На другой же день собрались епископы, Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные, и взяли мощи Феодосиевы, с ладаном и со свечами. И принеся, положили его в его церкви, в притворе по правую руку, 14 августа, в четверг, в час дня, индикта 14 года. И праздновали торжественно тот день.

Теперь расскажу немного о том, как сбылось предсказание Феодосиево. Еще при жизни Феодосия, когда он был игуменом и управлял стадом черноризцев, порученным ему богом, он пекся не только о них, но и о мирских душах, как бы им спастись, особенно о духовных сынах своих, утешая и наставляя приходящих к нему, а другой раз в дома их приходя и благословение им подавая. Однажды, придя в дом к Яню и к жене его Марии, — ибо Феодосий любил их за то, что они жили по заповеди господней и любили друг друга, — однажды, зайдя к ним, он наставлял их о милостыне бедным, о царствии небесном, которое достанется праведникам, тогда как грешники примут муку, и о смертном часе. И, когда он говорил о положении их во гроб, сказала ему жена Яня: „Кто знает, где меня похоронят?". Сказал же ей Феодосий: „Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь". Это и сбылось. Феодосий умер раньше ее, на 18-й год это сбылось: ибо в этот

год, 16 августа, скончалась жена Яня именем Мария, и пришли черноризцы, отпели обычные песнопения, и принесли и положили ее в церкви святой Богородицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосий был похоронен 14-го, а она 16-го.

Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастыря, пасшего разумных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и охраняя их, молясь за порученное ему стадо и за людей христианских, за землю Русскую, за которых, и покинув этот свет, ты молишься, за людей верующих и за своих учеников, они же, глядя на гроб твой, вспоминают учение твое и воздержание твое, и прославляют бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как воздать хвалу доброму твоему житию и воздержанию. Но скажу немного: „Радуйся, отец наш и наставник! Земной шум отвергнув, молчание возлюбив, богу послужил ты в тишине, в монашеском житии, все себе божие дары приносил, постом превознесся, плотские страсти и соблазны возненавидел, земные красоту и желания отринул, следуя стопам премудрых отцов, соревнуясь с ними, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь, писанием книжным радуя себя. Радуйся, укрепившись надеждою на вечные блага, которые приняв, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и мятежей, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей, почил с праведниками, отче, получив по трудам твоим возмездие, быв отцом наследником, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их блюдя“. Особенно подражали великому Феодосию в нравах и образе жизни, уподобляя его жизни свою, в воздержании соревнуясь, следуя его обычаям и переходя от одного дела к другому, и положенные молитвы к богу вознося, вместо благоухания принося кадило молитвенное, ладан благовонный. Победив мирскую похоть и державного властителя века сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, вражеским его стрелам и гордым помыслам воспротивившись, укрепился оружием крестным и верою непобедимою, божьею помощью. Молись за меня, отец честный, чтобы избавлен я

был от сети вражеския, и от противника-врага храни меня своими молитвами.

В тот же год было знамение на солнце, как будто оно начало исчезать и совсем мало его осталось, как месяц оно было, во втором часу дня, 21 мая. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом, и были уже закинуты тенета и был кликнут клич, упал громадный змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове, который вскоре сгинул.

1092 В год 6600. Преудивительное чудо представлялось в Полоцке. Ночью слышался топот, бесы, точно люди стеная, рыскали по улице. Если кто выходил из дома, желая увидеть, тотчас бывал невидимо уязвляем бесами раною и от этого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем (бесы) начали днем появляться на конях, а не было их видно самих, видны были только коней их копыта. И так они ранили людей в Полоцке и его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В то же время было знамение в небе — точно круг посреди неба громадный. В тот же год было бездождие, так что земля выгорела, и многие леса загорались сами собой и болота. И много было знамений по местам; и война великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обе стороны реки. В тот же год воевали половцы с Васильком Ростиславичем против поляков. В тот же год умер Рюрик Ростиславич. В это же время много людей умирало от различных болезней, так что гробовщики говорили, что „продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста 7 тысяч“. Это было за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас бог, приказывая нам покаяться и воздержаться от греха и от зависти и от прочих злых дел враждебных.

1093 В год 6601, индикта в 1 год, скончался великий князь Всеволод Ярославич, внук Владимиров, 13 апреля, а погребен был

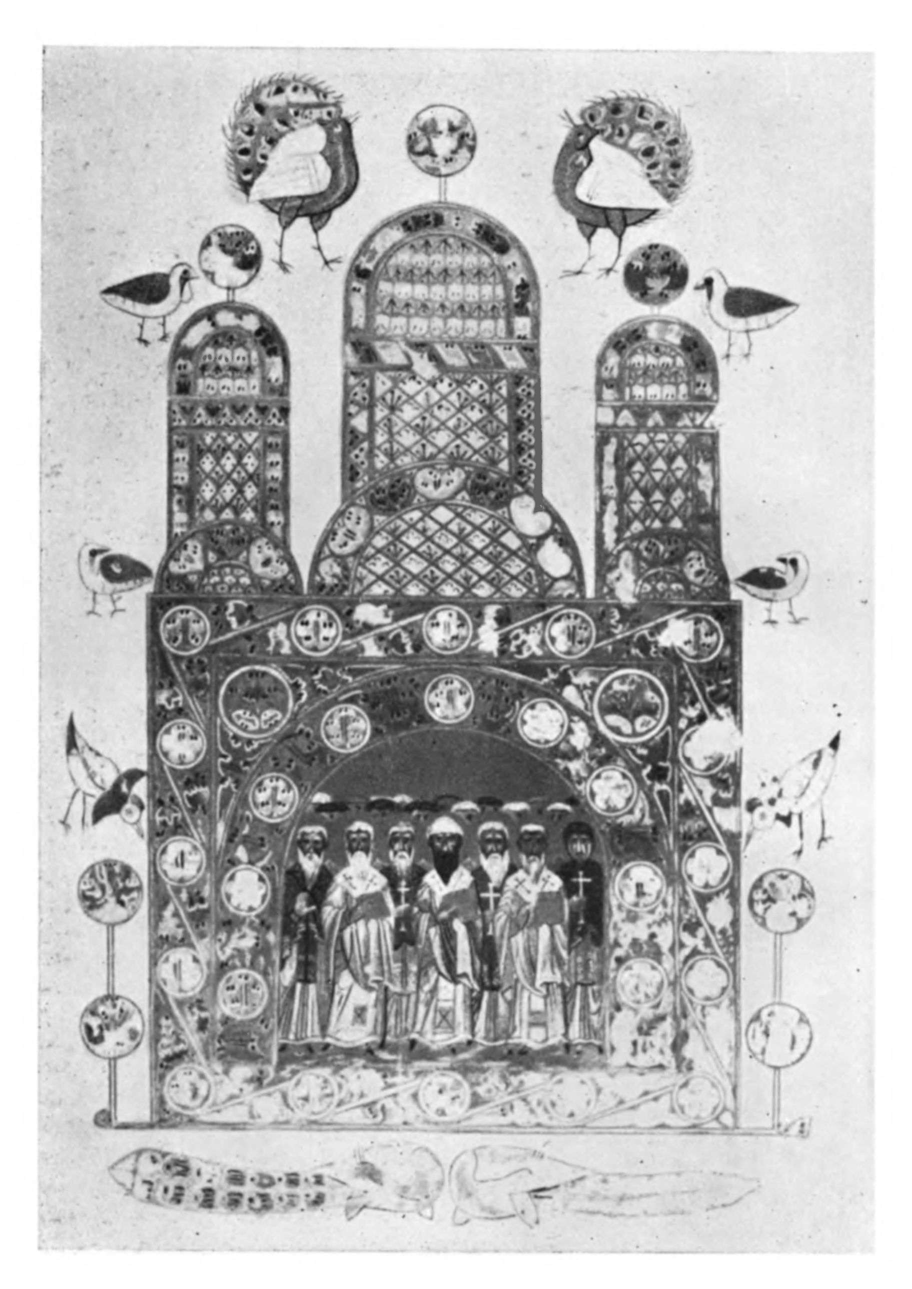
14; шла страстная неделя и был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Этот ведь благоверный князь Всеволод с детства был боголюбив, любил правду, оделял бедных, оказывал уважение епископам и пресвитерам, выше меры любил черноризцев и одаривал их всем необходимым. Он и сам воздерживался от пьянства и разврата, и за это был любим отцом своим, который говаривал ему: „Сын мой! Добро тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь мою старость. Если бог даст тебе получить стол мой, после братьев своих, по праву, а не насильем, то, когда бог пошлет тебе смерть, ляг, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих". Вот и сбылись слова отца его, сказанные ему, ибо получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего. Во время его княжения в Киеве у него были огорчения бóльшие, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда он княжил в Киеве, огорчения доставляли ему племянники его, потому что начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; а он, чтобы замирить их, раздавал им волости. Среди этих огорчений пришли к нему недуги, а за ними приспевала и старость. И стал он любить разум молодых, устраивая совет с ними; они же начали настраивать его, чтобы он пренебрегал дружиной своей старой, и люди не могли добиться суда княжого, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, он послал за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев, что он очень болен, заплакал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего младшего, когда пришел час, Всеволод скончался тихо и кротко и присоединился к предкам своим, прокняжив в Киеве 15 лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакав его, с Ростиславом братом своим убрали тело его. И собрались епископы и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простолюдины, и, взяв тело его, с обычными песно-

пениями положили его в церкви святой Софии, как сказали мы раньше.

Владимир начал размышлять, говоря: „Если сяду на столе отца своего, то придется мне воевать со Святополком, так как стол этот прежде принадлежал его отцу“. И, рассудив, послал за Святополком в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав в Переяславль. И после Пасхи, по истечении праздничной недели, в день антипасхи, 24 апреля, прибыл Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел он на столе отца своего и дяди своего. В это время пошли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку, предлагая мир. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, посоветовался с пришедшими с ним, и, схватив послов, запер их в избу. Узнав об этом, половцы пошли войной. И пришло половцев множество, и окружили они город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, желая заключить мир. И не захотели половцы мира, и наступали, воюя. Святополк же начал собирать воинов, чтобы пойти против половцев. И сказали ему мужи разумные: „Не пытайся итти против них, потому что мало у тебя воинов“. Он же сказал: „У меня своих отроков 700, которые могут им противостать“. Стали же другие неразумные говорить: „Иди, князь“. Разумные же говорили: „Если бы ты выставил их и 8 тысяч, и то не слишком много: наша земля оскудела от войны и от продаж. А ты обратись к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог“. Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал за Ростиславом братом своим в Переяславль, веля ему помочь Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, они (со Святополком) встретились в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а так как половцы продолжали разорять землю, то сказали князьям мужи разумные: „Чего вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую. После договоритесь,

Изборник Святослава Ярославича 1073 г.

Деталь страницы.



Собор святых отец.

Миниатюра Изборника Святослава Ярославича. 1073 г.

Золотая подвеска с эмалью из клада, найденного в ограде Михайловского Златоверхого монастыря в 1887 г.

Серебряная подвеска.

Из жилища художника (раскопки М. К. Каргера в Киеве).

Звездчатые колты с зернью. Трехбусенные серьги.

а теперь отправляйтесь навстречу поганым — либо заключать мир, либо воевать". Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк и Владимир и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне (реке). Святополк же и Владимир и Ростислав созвали дружину свою на совет, намереваясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир, что „пока стоим здесь под прикрытием реки, перед лицом этой грозы, заключим мир с ними". И примкнули к этому совету разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не приняли этого совета, но сказали: „Хотим биться, перейдем на ту сторону реки". И взяло верх это предложение, и (русские) перешли Стугну реку, а была она тогда переполнена водой. Святополк же и Владимир, и Ростислав, выстроив дружину, двинулись. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, а посредине Ростислав. И, обойдя Треполь, прошли вал. И вот половцы двинулись навстречу, имея впереди стрелков. Наши же, став между валами, подняли стяги свои, и двинулись стрелки (русские) из-за вала. И половцы, подойдя к валу, подняли стяги свои и налегли в первую очередь на Святополка и врезались в полк его. Святополк же держался стойко, а люди его побежали, не выдержав натиска воинов; после же побежал и Святополк. Потом половцы обрушились на Владимира, и завязался бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его. И прибежали к реке Стугне, и бросились в реку Владимир с Ростиславом, и начал тонуть Ростислав на глазах у Владимира. И захотел Владимир подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же, перейдя реку с остатками дружины, — ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали, — и перебравшись на ту сторону Днепра, оплакал брата своего и дружину свою и пошел в Чернигов в глубокой печали. Святополк же вбежал в Треполь и заперся там, пробыл там до вечера и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, одни пустились грабить землю (Киевскую), а другие вернулись в Торческ. Эта беда случилась в день Вознесения господа нашего Иисуса Хри-

ста, 26 мая. Ростислава же, поискав, нашли в реке, и принесли его в Киев, и оплакала его мать его, и все люди очень печалились о нем, молодости ради его. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии рядом с отцом его. Когда же половцы держали осаду Торческа, торки сопротивлялись и крепко бились из города, убивая многих противников. Половцы же начали нажимать. И отвели воду, и стали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: „Если не пришлешь пищи, мы сдадимся". Святополк же послал им, но не было возможности пробраться в город из-за множества воинов. И стояли около города 9 недель, и разделились надвое: одни стали у города, ведя бои, а другие пошли к Киеву и сделали набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желаню, и пошли друг другу навстречу, и схватились, и разгорелась битва. И побежали наши под натиском иноплеменников, и падали раненые перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третий, а половцы вернулись к Торческу. Случилась эта беда 23 июля. На утро же, 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, стоял плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Это ведь бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от скверных дел. Так он наказывает нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от дурного пути своего. Этого ради в праздники бог нам посылает сетование, как в этом году случалась первая напасть на Вознесение господне у Треполя, вторая — в праздник Бориса и Глеба, в новый праздник Русской земли. Об этом пророк сказал: „Обращу праздники ваши в печаль и песни ваши в рыдание". Раздался ведь плач великий в земле нашей, опустели села наши и города наши, набегались мы от врагов наших. Как пророк говорил: „Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем

не гонимы; сломлю наглость гордыни вашей, и будет тщетна сила ваша, убьет вас захожий меч и опустеет земля ваша и дворы ваши пусты будут. Так как вы дурны и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой". Так говорит господь бог израилев. Ибо лукавые сыны Измаила сжигали села и гумна, и многие церкви подожгли огнем, пусть никто не дивится этому: „Где множество грехов, там и зрелище всяческого наказания". Поэтому и вселенная предана была, поэтому и гнев распространился, поэтому и народ подвергся мучениям: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они горькую смерть приемлют, иные трепещут, смотря на убиваемых, иных морят голодом и жаждою. Одна угроза, одна казнь, разнообразные имеющая беды, различны горести и страшны муки тех, кого связывают и пихают ногами, держат на морозе и терзают. И это тем более удивительно и страшно, что в христианском роде ужас и колебанье и беда распространились. Справедливо и достойно так нас наказывать, так веру будем иметь, если будем наказываемы: подобало нам „преданным быть в руки врага иноземного и самого беззаконного на всей земле". Мы говорим громко: „Праведен ты, господи, и справедливы суды твои". Говорим по примеру того разбойника: „Мы достойное по делам нашим получили". Говорим и с Иовом: „Как господу угодно было, так и случилось; да будет имя господне благословенно навеки". Через нашествие поганых и мучения от них да познаем владыку, которого мы прогневали: мы прославлены были — и не прославили его, почтены были — и не почтили его, просветились — и не уразумели, наняты были — и не поработали, родились — и устыдились, как будто он не отец. Согрешили — и наказаны. Как поступили, так и страдаем: города все опустели, села опустели; обойдем поля, где паслись стада коней, овцы и волы, и все бесплодным увидим, нивы заросшие зверям жилищем стали. Но, однако, надеемся на милость божию. Наказывает нас хорошо благой владыка, „не по беззаконию нашему соделал нам, но по грехам нашим воздал нам". Так подобает благому владыке наказывать не по множеству грехов.

Так господь содеял нам: создал он нас, падших поднял, Адамово преступление простил, нетление даровал и кровь свою за нас пролил. Видя нас в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь, чтобы и те, кто не хочет, во всяком случае в будущей жизни получили милость, потому что душа, здесь наказанная, всегда милость в будущей жизни найдет и освобождение от мучений, ибо не мстит господь дважды за одно и то же. О несказанное человеколюбие! Потому что он (бог) видел нас, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь его к нам! Ибо по своей воле уклонились мы от заповедей его. Теперь уже, хоть и не хотим, а терпим, по необходимости и хотя поневоле, но уже терпим по своей воле. Ибо где было у нас умиление? А теперь все полно слез. Где у нас было воздыхание? А теперь плач стоит по всем улицам по убитым, которых избили беззаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и обессилели люди в городе от голода и сдались осаждавшим. Половцы же, взяв город, подожгли его огнем, а людей поделили и увели в вежи к семьям своим и сродникам своим много крещеного народа: страдающие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и несчастиях, с осунувшимися лицами, почерневшие телом, в чуждой стране, с языком воспаленным, голые и босые, с ногами, израненными терним, со слезами отвечали они друг другу, говоря: „Я жил в этом городе“, а другой: „Я — из того села“; так вопрошали они друг друга со слезами, называя свое происхождение, вздыхая и взоры обращая на небо к вышнему, ведущему тайное.

Да никто не дерзнет говорить, что ненавидимы мы богом! Пусть этого не будет! Ибо кого так любит бог, как нас возлюбил он? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому именно больше гнев свой воздвиг на нас, что, больше всех почтены бывше, мы худшие всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены бывше, зная волю владычную, и, презрев ее и красоту, горше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто бога гневлю и часто грешу каждый день!

В тот же год скончался Ростислав Мстиславич, внук Изяслава Ярославича, 1 октября; а погребен был 16 ноября, в церкви святой Богородицы десятинной.

В год 6602. Заключил мир Святополк с половцами, и взял 1094
себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В том же году пришел Олег (Святославич) с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову. Владимир же затворился в городе, Олег же, подойдя к городу, пожег его окрестности и монастыри пожег. Владимир же заключил мир с Олегом и ушел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же начали воевать около Чернигова, так как Олег не препятствовал им, ибо сам приказал им воевать. Это уже третий раз он навел поганых на землю Русскую, его же грех бог да простит ему, ибо много христиан истреблено было, а другие взяты в плен и разведены по (чужим) землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, 26 августа, и поела всякую траву и много хлеба. И этого неслыхано было с первых дней в земле Русской, что видели очи наши, за грехи наши. В этот же год 27 апреля, в 6-м часу ночи, скончался епископ Владимирский Стефан, бывший прежде игуменом Печерского монастыря.

В год 6603. Ходили половцы на Греческую землю с Девге- 1095
невичем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневича и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру (Всеволодовичу) мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валов с воинами. И дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь находился в городе с лучшей дружиной. В это же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и начала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром об истреблении Итларевой дружины, а Владимир не хотел этого делать и отвечал: „Как я могу это сделать, дав клятву им?“. В ответ же дружина сказала Владимиру: „Князь! Нет тебе в том греха: они, ведь, всегда, дав тебе клятву, разоряют землю Русскую и кровь

христианскую проливают беспрестанно". И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками к валам. И, выкрав сначала Святослава, они потом убили Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь спал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал того, что случилось с Кытаном. Наутро же, в воскресенье, в час заутрени, приготовил Ратибор отроков вооруженных и избу распорядился вытопить. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой дружиной, и сказал Бяндюк Итларю: „Зовет вас князь Владимир, сказал так: «Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне»". И сказал Итларь: „Пусть так будет". И, как они вошли в истобку, так и заперты были. Взлезши на крышу, проделали дыру в крыше и тогда Ольбег Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, пустил ее Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так бесславно кончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в 1 часу дня, 24 февраля. Святополк же и Владимир послали к Олегу с приказанием ему итти на половцев с ними. Олег же, обещав пойти с ними и выйдя, не пошел с ними одним путем. Святополк же и Владимир пошли на вежи и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и людей, и привели их в землю свою. И вознегодовали на Олега за то, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк с Владимиром к Олегу, говоря: „Вот ты не пошел с нами на поганых, которые разорили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей его, либо отдай нам. Он враг наш и Русской земли". Олег же того не послушал, и стала между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и чуть было не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли в Киев. Святополк же приказал строить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там, и засаковцам и другим, из других городов; а Юрьев сожгли половцы опустелый. В конце же этого года пошел Давыд

Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: „Не ходи к нам“. И возвратился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав Владимирович из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и он посадника захватил Олегова. В тот же год пришла саранча, 28 августа, и покрыла землю, и было смотреть страшно, шла она в северные страны, пожирая траву и просо.

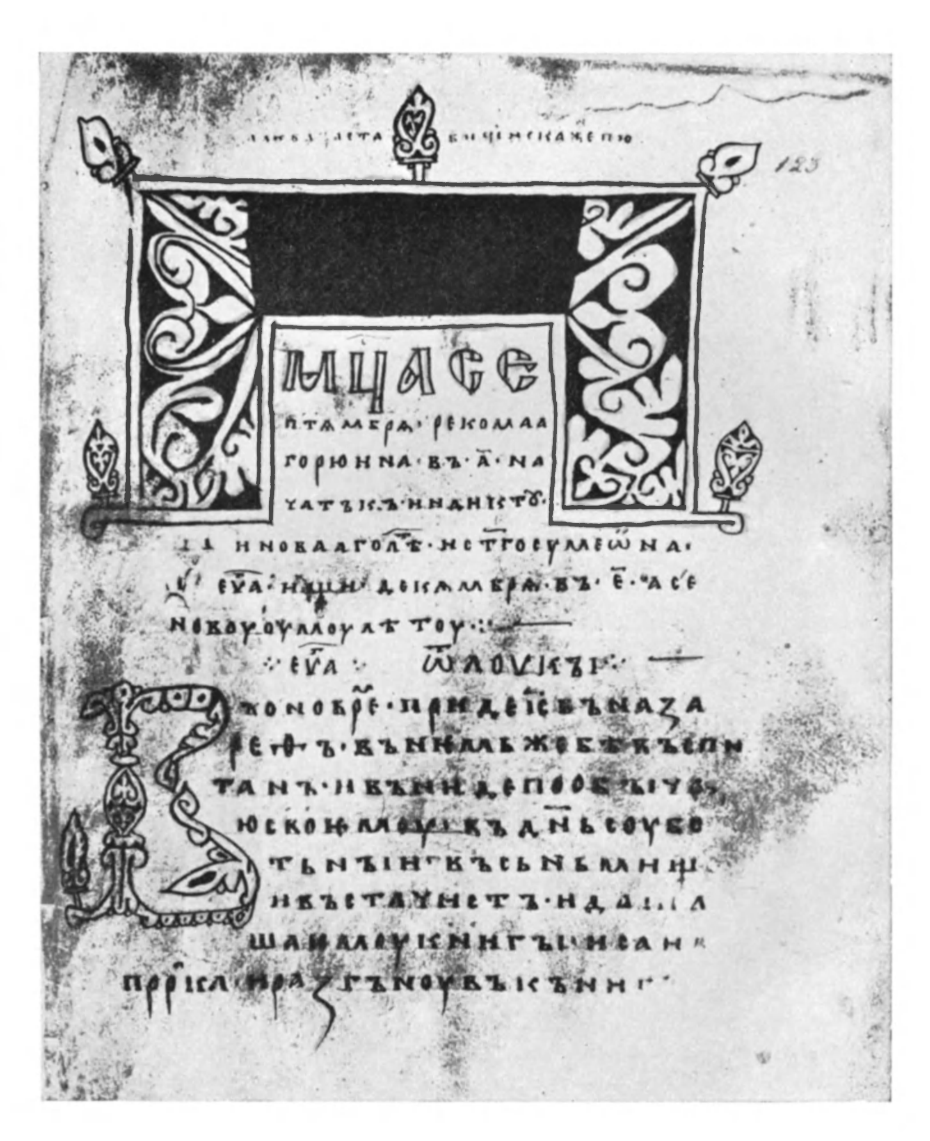
В год 6604. Святополк и Владимир послали к Олегу с такими *1096* словами: „Приходи в Киев заключить с нами договор о Русской земле, перед епископами и перед игуменами и перед мужами отцов наших и перед горожанами, чтобы оборонить Русскую землю от поганых“. Олег же, исполнившись разума дерзкого и высокомерных слов, сказал так: „Не вместно меня судить епископу, или игуменам, или смердам“. И не захотел итти к братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: „Это ты потому ни на поганых не ходишь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — пусть бог рассудит нас“. И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову, Олег же бежал из Чернигова 3 мая, в субботу. Святополк же и Владимир погнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и затворился там. Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились осажденные из города, а те шли приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли осаждавшие около города 33 дня, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, сказав так: „Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев, на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там вместно собраться и договор заключить“. Олег же обещал это сделать, и на этом поцеловали крест.

В это же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева и сжег на Бересто-

вом двор княжой. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля, и Устье сжег, 24 мая. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смолняне, и пошел он к Рязани. Святополк же и Владимир ушли во-свояси. В том же месяце пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, 30 мая, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него этой (правой) стороной Днепра и пришли к Зарубу и там перешли брод, и не заметили их половцы, бог сохранил их, и, изготовившись, пошли к городу. Горожане же, завидев их, обрадовались и вышли к ним навстречу, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже приготовившись к бою; Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались и ринулись верхом на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И даровал господь в тот день спасение великое: 19 июля побеждены были иноплеменники, и князя убили Тугоркана и сына его и других князей; много врагов наших там пало. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между дорогой на Берестово и другою, ведущей к монастырю. И 20 числа того же месяца, в пятницу, в 1 час дня, пришел вторично Боняк безбожный, шелудивый, крадучись, хищник, к Киеву внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли низину в предгородье, и повернули на монастырь, и зажгли Стефанов монастырь и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили стяга два перед воротами монастырскими, а мы — кто бежал задами монастыря, кто взбежал на полати (церковные). Безбожные же сыны Измаиловы высадили ворота монастырские и пошли по кельям, вырубая двери, и выносили, если что находили в келье. Затем они зажгли дом святой владычицы нашей богородицы и пришли к церкви, и подпалили двери,

Князь Ярополк Изяславич с женой Ириной и матерью (внизу).

Деталь миниатюры Трирской псалтыри.



Архангельское евангелие 1092 г., л. 123.

устроенные к югу, и вторые же — к северу, и, войдя в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли бога нашего и закон наш. Бог же терпел, еще ведь не пришел конец грехам их и беззакониям их, потому они говорили: „Где бог их? Пусть он поможет им и спасет их!“, и иными бранными словами обращали хулу на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что бог наказывает рабов своих бедствиями войны, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители, которым на этом свете досталось веселие и довольство, на том свете примут муку, дьяволом они обречены огню вечному. Тогда же зажгли двор Красный, поставленный благоверным князем Всеволодом на холме, зовомом Выдобичи: это все окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давыдом, взываем: „Господи, боже мой! Поставь их колесом, как огонь на самом ветру, пожирающий дубравы, так погонишь их бурею твоею, искази лица их обидой“. Это ведь они осквернили и сожгли дом твой и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием, безбожные сыны Измаиловы, посланные в наказание христианам.

Вышли же они из пустыни Етривской между востоком и севером, вышло их 4 колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что 8 колен пробежали, когда изрубил их Гедеон, да 8 их бежало в пустыню, а 4 он изрубил. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава — это хвалисы, а сыны Амона — это болгары, а сарацины от Измаила выдают себя за саринов (сыновей Сары), и назвали себя сарацины, что значит: „Мы Са́рины“. Итак, хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил 12 сыновей, от которых пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, выходящие из пустыни. И после этих 8 колен, в конце века, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди.

П о у ч е н и е. Я, ничтожный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, названный при крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею — Мономахами . . . .
и ради крещеных людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всяких бед! Сидя на санях, подумал я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней сохранил грешного. Дети мои или кто другой, слушая эту грамотку не посмейтесь, но, кому она будет люба из детей моих, пусть примет ее в сердце свое и не лениться будет, также и трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте изобильную, это ведь — начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, тот пусть не насмеется, а так пусть скажет: в дальнем пути, да на санях сидя, пустого он наговорил.

Встретили ведь меня послы от братьев моих на Волге и сказали: „Присоединись к нам, чтобы выгнать Ростиславичей и волость их отнять; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе“. И сказал я: „Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни клятвы преступить“.

И, отпустив их (послов), взяв Псалтырь, с печалью раскрыл ее, и вот что прочиталось мне: „О чем печалишься душа? Зачем смущаешь меня?“, и прочее. И потом я выбрал слова эти прекрасные и расположил их одни за другими и написал: если вам последние не любы, первые возьмите.

„О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, потому что я все открою ему“. „Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, а богопослушные — те будут владеть землей. И еще немного — и не будет грешника; будет искать он места своего и не найдет. Кроткие же унаследуют землю и будут наслаждаться миром. Высматривает грешный праведного и скрежещет на него зубами своими; бог же смеется над ним и предвидит, что настанет день его (последний). Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы

подстрелить нищего и несчастного, поразить правых сердцем. Оружие их поразит сердца их, и луки их сломаются. Лучше у праведника малое, чем богатства грешных великие. Ибо сила грешных сломится, укрепляет же праведных господь. Так вот грешники погибнут; праведных же милуя, он им подает. Так благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод я был и дожил до старости, и не видел праведника покинутым, ни детей его просящими хлеба. Всякий день раздает милостыню и взаймы дает праведник, и потомство его благословенно будет. Уклоняйся от зла, делай добро, ищи мира и гони (зло), и живи во веки веков". „Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то вода бы нас потопила".

„Помилуй меня, боже, ибо растоптал меня человек; всякий день нападая, угнетает меня. Попрали меня враги мои, ибо много нападающих на меня свыше". „Возрадуется праведник, и, когда увидит отмщение, руки свои омоет в крови грешника. И сказал ведь человек: „Если есть награда праведнику, значит есть бог, творящий суд на земле". „Возьми меня из рук врагов моих, боже, и от восстающих на меня отними меня. Избавь меня от законопреступников и от людей кровожадных спаси меня, ибо они оплели душу мою". „Ибо, как гнев в ярости его, так и жизнь в воле его: вечером водворится плач, а на утро явится радость". „Ибо лучше милость твоя, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя за жизнь мою и во имя твое воздену руки мои". „Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправды". „Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему", и прочее.

Так ведь и Василий учил, собрав юношей, иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую, и соблюдать слово господне: „Еде и питью быть без шума великого, при старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться,

с равными себе и младшими в любви пребывать, без лукавого умысла беседуя, а побольше вдумываться; не неистовствовать словом, не осуждать речью, не много смеяться, стыдиться старших, с дурными женщинами не разговаривать, книзу глаза держать, а душу ввысь, избегать их; не уклоняться учить падких на власть, ни во что ставить всеобщее почитание. Если кто из вас может сделать другим полезное, от бога на воздаяние пусть надеется и наслаждение вечными благами". „О, владычица богородица! Отведи от бедного сердца моего гордость и буйство, чтобы не величался я суетою мира сего в нашей ничтожной жизни".

Научись, верующий человек, поступать благочестиво, научись, по евангельскому слову, „глазами управлению, языка удержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, мысли чистоту блюсти, побуждая себя к добрым делам господа ради. Лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, преследуемый — терпи, хулимый — моли, умертви грех". „Выручайте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу; приходите соединиться, говорит господь. Если будут грехи ваши как багряные, обелю их, как снег", и прочее. „Воссияет весна воздержания постного и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»".

Поистине, дети мои, поймите, как человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и, если кто нам причинит зло, то мы поскорее хотим его проглотить и кровь его пролить. А господь наш, владея и жизнью и смертью, безмерные согрешения наши терпит в течение всей жизни нашей. Как отец, дитя свое любящий, бьет и опять привлекает его к себе, так же и господь наш показал нам, как побеждать врагов, как тремя добрыми делами избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя освободиться от грехов своих и царствия (небесного) не лишиться.

И бога ради, не ленитесь, умоляю вас, не забывайте трех дел этих, ибо не трудны они: это не затворничество, не монашество, не голодание, которые иные добродетельные претерпевают, но малыми делами можно получить милость божию.

„Что такое человек, как подумаешь о нем?". „Велик ты, господи, и дивны дела твои, никак разум человеческий не может рассказать о чудесах твоих". И опять скажем: „Велик ты, господи, и дивны дела твои, и благословенно и славно имя твое во веки по всей земле". Кто же не воздает хвалу и не прославляет силу твою и твои великие чудеса и блага, устроенные на этом свете: как небо устроено или как солнце или как луна или как звезды, и тьма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду дивимся, как из земли создав человека, как разнообразны человеческие лица, если и всех людей собрать, не все они на одно лицо, но каждый на свой облик, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые расселяются по всем странам, божьим повелением, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на благо людям, в пищу, на потеху. Велика, господи, милость твоя к нам, так как ты эти блага сотворил человека ради грешного. И те же птицы небесные научены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, имея голос, они становятся немы. „И благословен, господи, и прославлен ты весьма!". „Всякие чудеса и эти блага сотворил. И кто не славит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, тот да будет проклят!".

Эти божественные слова, прочитав, дети мои, воздайте хвалу богу, подавшему нам милость свою; а это от слабого моего ума наставление. Послушайте меня, если не все примете, то половину.

Если вам бог смягчит сердце, слезы свои пролейте о грехах своих, говоря: как блудницу и разбойника и мытаря ты

помиловал, так и нас грешных помилуй. И в церкви то делайте и ложась (спать). Не грешите ни одной ночи; если это вам по силам, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. А того не забывайте, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что человек нагрешит за день, тем избавляется (от греха). Если и на коне едучи, не будет у вас ни с кем дела, если других молитв не умеете произносить, то „господи помилуй“ взывайте беспрестанно про себя, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать о пустом, ездя.

Всего же больше убогих не забывайте, но сколько можете, по силе, кормите и подавайте милостыню сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не приказывайте убить его; если будет он достоин смерти, то не губите ни единой христианской души. В разговоре, о дурном ли, о хорошем ли, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в том нужды никакой. Если же будете крест целовать братии или кому иному, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том целуйте, а, поцеловав (крест), блюдите, как бы, преступив, не погубить души своей. Епископы, попы и игумены ... с любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их, и по силе любите и пекитесь о них, чтобы получить от них молитву ... от бога. Более всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; это все, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на малое время. И в земле (богатства) не прячьте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись гости ваши ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте; а оружия снимать с себя

не торопитесь, не оглядевшись, из-за лености внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайся, и пьянства и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни шли походом по своим землям, не давайте отрокам, ни своим, ни чужим, причинять вреда ни жилищам, ни посевам, чтобы не стали вас проклинать. Куда пойдете и где остановитесь, напойте и накормите нищего и странника. И более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его дарами, — то пищей и питьем: ибо они, по пути, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного проведайте, покойника проводите, ибо все мы смертны. Ни единого человека не пропустите, не поприветствовав его и не подарив его добрым словом. Жену свою любите, но не давайте им над собой власти. А вот вам и конец всему: страх божий имейте превыше всего.

Если начнете забывать это, то часто перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Не забывайте того хорошего, что вы умеете, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, научился пяти языкам, отсюда ведь честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не учится. Хорошо поступая, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего в отношении церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все знатные мужи, исполненные достоинств. На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, следует прославить бога радостно, со словами: „Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет свой красный“. И еще: „Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь в остальных грехах своих покаявшись, оправдав жизнь свою“, так я хвалю бога. И сесть думать с дружиною или творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье назначено богом на полдень. По этому установленью ведь почивают и зверь, и птица, и люди.

А теперь, поведаю вам, дети мои, о труде своем, который нес я, в разъездах и на охотах, с 13 лет. Сначала я к Ростову ходил, через землю вятичей; послал (туда) меня отец, а сам он пошел к Курску. И еще второй раз ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который, затем, повернул на Берестье с Изяславом, а меня послал в Смоленск; а из Смоленска я пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья (Святослав и Всеволод) на пожарище, где поляки пожгли, и там соблюдал я город в тишине. Затем, ходил в Переяславль к отцу, а после пасхи из Переяславля во Владимир (южный) в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем, послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и проходил в земле их (Польской) 4 месяца. И в том же году и сын родился у меня старший новгородский. А оттуда (из Польши) ходил я в Туров, а на весну в Переяславль, потом в Туров.

И Святослав (Ярославич) умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной—Глебу (Святославичу) на помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на следующую зиму со Святополком (Изяславичем) под Полоцк, и выжгли мы Полоцк; Святополк пошел в Новгород, а я с половцами на Одреск, войною, и в Чернигов. И опять я пришел из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и поднес я отцу 300 гривен золота. И еще раз, из Смоленска же придя, пробился я через половцев с боем к Переяславлю, и отца там застал, вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом, и одержали победу над Борисом и Олегом. И опять пошли в Переяславль, и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами погнал, захватив поводных коней на перемену, и не застали... в Смоленске. В погоне за Всеславом пожег землю и с боем прошел

до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк с боем же, а потом (обратно) в Чернигов.

А в ту зиму разорили половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и с (другими) половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И наутро за Новым городом рассеяли сильный отряд Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили две зимы на Ходоту и на сына его, и к Корьдну ходил первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И тою весною — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году ходили за Хорол реку в погоню за половцами, которые взяли Горошин.

И тою осенью ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили там ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на совет в Броды и дружбу великую заключили.

И весною посадил меня отец в Переяславле впереди всей братии (князей) и ходили за Супой. И на пути к Прилуку городу встретили нас неожиданно половецкие князья, с 8 тысячами, и мы бы и рады были с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на повозках, и мы вошли в город. Только семца захватили живым одного да смердов несколько, а наши половцев побольше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, и бог нам помог и святая богородица: перебили 900 половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и два человека только спаслись бегством.

И затем, на Святославль мы гнались за половцами, и потом на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И опять на той же стороне (Днепра), у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И потом я ходил во Владимир, вторично Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И вновь, после смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир заключили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и от Глебовых людей отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малую греблю (земляной вал), и не дала им проникнуть в крепость. Жалеючи христианских душ и сел пылающих и монастырей, я сказал: „Не быть тому, чтобы половцам похваляться". И отдал брату (Олегу) отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы в Борисов день (24 июля) из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, считая детей и женщин. И половцы облизывались на нас точно волки, стоя у перевоза и на горах, бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле 3 лета и 3 зимы с дружиною своею, и много бед натерпелись мы от войны и голода. И ходили на (половецких) воинов за Римов, и бог нам помог, перебили их, а иных взяли в плен.

И опять Итларевых людей перебили, и вежи их взяли, зайдя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он перекинулся к половцам. И на Буг ходили с Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск ходили, с Давидом помирившись. Также ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами — читеевичами, мы ходили им навстречу на Сулу.

И потом еще раз ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но . . . убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось и не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел я; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль я вернулся летом, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину, мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их разбили, и князей взяли в плен лучших, и после Рождества заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли в Смоленск, и потом я пошел в Ростов.

Вернувшись из Ростова, вновь пошли мы с Святополком на половцев на Урубу, и бог нам помог.

И потом снова ходили на Боняка к Лубьну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню с Святополком, и потом опять на Дон ходили с Святополком и с Давидом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, прознав об этом, бежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который захватил наших людей, и бог нам помог и успели в том, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не вытерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, выезжал утром и приезжал к вечерне. А всего переездов было 83 больших, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и после отца, а передал много скота и много одежи своей. И отпустил на волю из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых 2 братьев, Багубарсовых 3, Осеневых братьев 4, а всего других князей лучших 100. А самих князей бог живыми в руки передавал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, Таревский князь Азгулуй, и иных кметей молодых 15, этих я, приведя живых, зарубил и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около 200 лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту загонял и брал без усилия, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что в Чернигове я делал: коней диких своими руками связал я в пущах 10 и 20 живых коней, помимо того, что, разъезжая по степи, ловил своими руками тех же диких коней. Два тура поднимали меня на рогах, вместе с конем. Олень меня один бодал, а из двух лосей один меня ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил мне на бедра и коня вместе со мной повалил. И бог невредимым меня сохранил. И с коня много раз падал, голову себе разбивал дважды, и руки и ноги свои я повреждал, в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам я делал — на войне и на охоте, ночью и днем, в зной и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что требовалось, отдавая распоряжения, и в доме у себя поступал так же. И в отношении ловчих и конюхов, и в отношении соколов и ястребов весь распорядок держал я в своих руках.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал я в обиду сильным, и за церковным порядком и за службой сам следил.

Не осуждайте меня, дети мои, или кто другой, это прочитав: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и дурного, столько лет оберегал от смертного часа и не ленивым меня создал, бедного, на всякие дела человеческие годным. Эту грамотку прочитав, подвигнитесь на всякие дела добрые, славя бога и святых его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, мужской долг исполняйте, как вам бог пошлет. Ибо, если я ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от падения с коня (не пострадал), то и никто из вас не может пострадать или лишиться жизни, пока не будет от бога повелено. А если от бога придет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее. Но если и хорошее

дело — остерегаться самому, то божия охрана лучше, чем человеческая.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, ты с сердцем и одолеваешь сердце мое, потому что, будучи тленным, размышляю, как предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не примирившись друг с другом.

Ибо кто молвит: „Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь это“. И еще: „Если не простите погрешений брату, то и вам не отпустит отец ваш небесный“. Пророк говорит: „Не соревнуйся с лукавствующими, не завидуй творящим беззаконие“. „Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе“. А все дьявольское наущение! То ведь были войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь не хочет добра роду человеческому, ссорит нас. Это я тебе написал, потому что принудил меня сын мой, которого ты крестил, который сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего с письмом, говоря: „Договоримся и помиримся, а братцу моему (божий) суд пришел. А мы с тобой не будем мстителями, но положим то на бога, когда сами они (Изяслав и Олег) предстанут перед богом; а Русскую землю не станем губить“. И я видел смирение сына моего, смягчился, и, бога побоявшись, сказал: „Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же — человек грешен больше всех людей“.

Послушался сына своего, написал тебе письмо: примешь ли ты его по-хорошему или с поруганием, увижу из твоего (ответного) письма. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я жду о тебя, смирением и покаянием желая от бога давних грехов своих отпущения. Господь ведь наш не человек, но бог всей вселенной, что захочет, в мгновение ока все то сотворит, и все же он сам претерпел поругание и оплевание и удары и на смерть отдал себя, над жизнью имея власть и над смертью. А мы что такое, люди грешные и злые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и в забвении, другие накопленное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они взяли или на что им одежды? Но только (и осталось про них то), что сделали они душе своей. Тебе первому, брат, надлежало послать ко мне с этими словами. Когда же убили дитя, мое и твое, у тебя на глазах, следовало тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, только что распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, заглянув в помыслы души своей: „Горе мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного взял я грех на себя, а отцу и матери его доставил слезы!".

Надо бы было сказать тебе, подобно Давыду: „Знаю, грех мой стоит передо мною". Не из-за пролития крови, богопомазанник Давыд, прелюбодеяние совершив, посыпал (пеплом) главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его бог. А богу бы тебе надо было покаяться, а ко мне написать письмо утешительное, а сноху мою послать ко мне, потому что нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, по грехам моим. Так, ради бога, отпусти ее ко мне поскорее, с первым послом, чтобы, поплакав с нею, я поселил ее у себя, и она села бы, как горлица на сухом дереве, горюя, а сам я нашел бы утешение у бога.

Таким ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему (Изяславу), а не от тебя. Если бы тогда ты свое желание исполнил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы здесь бы и договорились. Но сам рассуди, мне ли послать к тебе надлежало или тебе ко мне? Если бы ты приказал сыну моему: „Посоветуйся с отцом", десять раз я бы послал.

Удивительно ли, что муж пал в бою? Так умирали лучшие из предков наших. Но не следовало ему зариться на чужое, ни меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его паробки (слуги), чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добились зла. И, если начнешь каяться перед богом и ко мне отнесешься

добросердечно, пошлешь посла своего или епископа, то письмо напишешь с обещанием (мира), тогда и волость получишь добром и наше сердце обратишь к себе, и лучше заживем мы, чем прежде: я тебе ни враг, ни мститель. Не хотел ведь я крови твоей видеть у Стародуба; но не дай мне бог крови ни от руки твоей видеть, ни от повеления твоего или которого-нибудь брата. Если же я лгу, то бог меня суди и крест честной! Или в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за поганых, я в том каюсь, в том я не раз братии своей выразил сожаление и еще поведал, потому что я ведь человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит у тебя рядом сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем (хлебе), на этом и договаривайся. Если же хочешь их убить, то вот у тебя они оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь взять насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Сам бог свидетель тому, что мы с братом твоим вели переговоры на случай, если он не может договариваться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, ни сказали: Веди переговоры с братом до тех пор, пока не договоримся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, тому от бога мира не видать душе его на том свете.

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь. Но душа моя мне дороже всего света этого. На страшном суде без обвинителей сам себя обличаю, и прочее.

„Премудрости наставник и разума податель, неразумных учитель и нищих заступник! Утверди в разуме мое сердце, владыка! Ты дай мне дар слова, отец, устами моими не препятствуй взывать к тебе: милостивый, помилуй падшего!". „Надежда моя — бог, прибежище мое — Христос, защита моя — святой дух! Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Ты у меня помощница в печали и в болезни и от всех бед, и тебя славлю, воспетая! Разумейте и видьте, что я бог, испы-

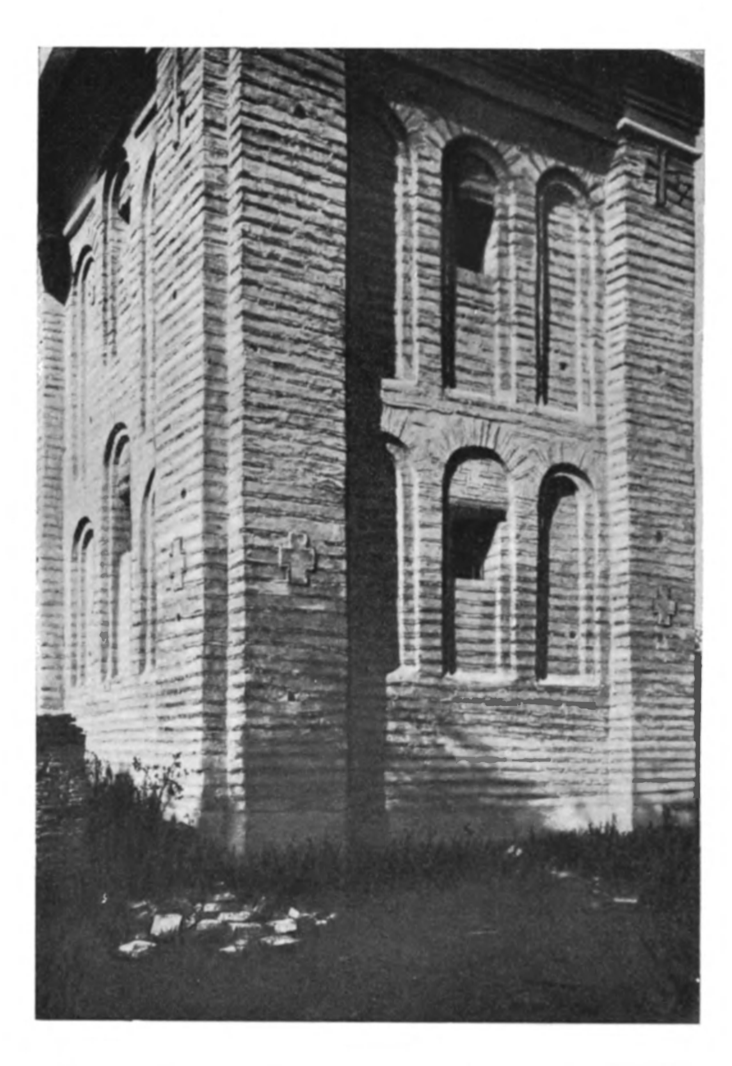
тующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, сжигающий грехами, дающий суд сироте и убогому и нищему". „Преклонись, душа моя, и о делах своих подумай, тобою содеянных, глазами своими обозри их и каплю испусти слез своих, и поведай откровенно все дела свои и мысли Христу, и очистись". Андрей честной, отец преблаженный, пастырь критский! Не оставь молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно. Город свой сохрани, дева-матерь чистая, который тобою честно царствует, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, (с твоей помощью) побеждает во всех войнах, отбивает врагов и держит их в послушании. О, пречистая матерь, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее послушание, от всякой напасти защити нас и будущей муки — к тебе взывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего. Склони ухо твое, чистая, и спаси нас, в скорбях погруженных вечно, и сохрани от всякого вражеского пленения твой город, богородица! Пощади, боже, наследие твое, прегрешения наши все отвергни, видя, что мы молимся теперь тебе на земле, родившей тебя без семени, земную милость, соблаговолившую обратиться, Христе, в человека". Пощади меня, спаситель, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленною после твоего рождения, когда сядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как бог и человеколюбец! Дева пречистая, неискушенная браком, верующим кормчий! Спаси меня, погибшего, к сыну твоему вопиющего: „Помилуй меня, господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на огонь, не обличай меня гневом, — молит тебя дева чистая, родившая тебя, Христе, и множество ангелов и мучеников сонм. Во имя Христа Исуса господа нашего, которому подобает честь и слава, отцу и сыну и святому духу, всегда и ныне, в постоянные веки!".

Теперь же я хочу рассказать, о чем слышал 4 года тому назад от Гюряты Роговича новгородца, который поведал так: „Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим

ОГЛАШЕНИѤ К ПРОСВѢ

щеныи надъ въ иерслмѣ нопокаании нооста
влении грѣховъ. изъчтениѥ отъ прорка иезекиѣ
ила живъ азъ глатъ гь ꙗко не велю съмьрти. грѣ
шьника и прочеѥ...—
Люто ѥ грѣхъ. и недѫгъ тажькъ дши зако
на прѣступлениѥ прѣсѣкаѩи жилы.
и огнь вѣчьна бывааѥ и новы злоса

Оглашение Кирилла Иерусалимского.
Рукопись XI в., л. 135.



Церковь Спаса на Берестове, конец XI   начало XII в.

дань Новгороду. И, когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел он в землю Югорскую. Югра же это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с Самоядью в северных краях". Югра же сказала отроку моему: „Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, а идет этому уже третий год; есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотою как до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и если кто даст им нож ли, или секиру, они в обмен дают меха. Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходим до них никогда; этот путь идет и дальше на север". Я же сказал Гюряте: „Это люди, заклепанные Александром Македонским царем, как рассказывает о них Мефодий Патарский, говоря: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, называемого солнечным местом, и увидел там людей нечистых из племени Иафетова, и нечистоту их видел: ели они скверность всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоялся, как бы они не размножились и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по повелению божию сомкнулись за ними горы великие, только не сошлись горы на 12 локтей, и тут воздвиглись ворота медные, и покрылись сунклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не смогут сжечь, ибо свойство сунклита таково: ни огонь его не может сжечь, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут 8 колен из пустыни Етривской, выйдут и эти скверные народы, пребывающие в горах северных, по повелению божию»".

Но мы вернемся к предыдущему, к тому, о чем ранее говорили. Хотя Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск и прийти с братом своим в Киев и договор заключить, но не захотел этого Олег сделать, а прийдя в Смоленск и собрав

воинов, пошел к Мурому, где был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, послал Изяслав за воинами в Суздаль и Ростов и за белозерцами и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: „Иди в волость отца своего Ростов, а это волость отца моего. Хочу же я, сев в Муроме, договор заключить с отцом твоим. Это ведь он меня выгнал из города отца моего. Или и ты мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?". И не послушал Изяслав слов этих, надеясь на множество воинов. Олег же надеялся на правоту свою, что прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же изготовился к бою перед городом в поле. Олег же пошел на него полком и сошлись обе стороны, и произошла битва жестокая. И убили Изяслава Владимировича, внука Всеволодова, 6 сентября; прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли и положили в монастыре святого спаса, и оттуда перенесли его в Новгород и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне. Олег же по взятии города перехватал ростовцев и белозерцев и суздальцев, и заключил их в оковы, и устремился к Суздалю. И, когда пришел в Суздаль, суздальцы сдались ему. Олег же, водворив в городе спокойствие, одних заточил, а других отправил в изгнание и имущество у них отнял. Пошел он к Ростову, и ростовцы сдались ему. И занял он всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: „Уходи из Суздаля в Муром, а в чужой волости не садись. И я пошлю просить с дружиной своей к отцу моему, и помирю тебя с отцом моим. Если и брата моего убил ты, то это не удивительно, в бою ведь и цари и мужи погибают". Олег же не пожелал его послушать, но еще замышлял и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторо́жу, а сам стал на поле подле Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторо́жу; Добрыня же

прежде всего перехватал (Олеговых) даньщиков. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в сторо́же, что даньщики захвачены, и бежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу и поведал ему, что идет Мстислав, а сторо́жи захвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пошел на Волгу, и сказали ему, что Олег подался к Ростову, и Мстислав пошел за ним. Олег же пошел к Суздалю и, узнав, что следом за ним идет Мстислав, приказал зажечь Суздаль город, только уцелел двор монастырский Печерского монастыря и церковь святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, остановившись там, стал посылать к Олегу просить мира, говоря: „Я младше тебя, обращайся к отцу моему, а дружину, которую захватил, верни; а я тебе во всем послушен". Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же, поверив обману, распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя (великого) поста, и пришла Федорова суббота, и, когда Мстислав обедал, пришла весть ему, что Олег на Клязьме, подошел близко тайком. Мстислав же, доверившись ему, не расставил сторо́жей; но бог знает, как избавлять благоверных своих от обмана. Олег же расположился на Клязьме, думая, что испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы и ростовцы и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, изготовив дружину к бою, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга они 4 дня. И пришла к Мстиславу весть, что „послал тебе (на помощь) отец брата Вячеслава с половцами". И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, постом. И в пятницу пришел Олег, изготовившись к бою, к городу, а Мстислав пошел на него с новгородцами и ростовцами. И вручил Мстислав стяг Владимиров половчину, именем Кунуую, и придал ему пещцев (пеших воинов) и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пещцев, развернул стяг Владимиров, и увидал Олег стяг Владимиров и испугался, и страх объял его и воинов его. И двинулись в бой обе сто-

роны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и спешились новгородцы, и сошлись с противником на реке Кулачьце (Колокше), и был бой упорный, и начал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров, начал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и победил Мстислав. Олег же прибежал в Муром и посадил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому и заключил мир с муромцами и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани вслед за Олегом. Олег же убежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал (Мстислав) к Олегу, говоря: „Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя". Олег же обещал так сделать. Мстислав же, вернувшись в Суздаль, оттуда пошел в Новгород, в свой город, по просьбе преподобного епископа (новгородского) Никиты. Это было в самом 6604 года, индикта 4 конце на половину.

1097 В год 6605. Пришли Святополк и Владимир и Давыд Игоревич и Василько Ростиславич и Давыд Святославич и брат его Олег и собрались в Любече для установления мира и говорили друг другу: „Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой (отчиной), Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир (южный), Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль". И на том целовали крест: „Если теперь кто на кого покусится, против того будем мы все и крест честной". Сказали все: „Да будет против того крест честной и вся земля Русская". И, попрощавшись, пошли во-свояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев и рады были все люди, но только дьявол опечален был добрым этим согласием. И проник сатана в сердце некоторым мужам, и начали они наговаривать Давыду Игоревичу, что „Владимир сговорился с Васильком против Святополка и тебя“. Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать Святополку на Василька, говоря: „Кто убил брата твоего Ярополка? А теперь он злоумышляет против меня и тебя и сговорился с Владимиром. Позаботься о своей голове“. Святополк же впал в сомнение, говоря: „Правда это или ложь, не знаю“. И сказал Святополк Давыду: „Коли правду ты говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья“. Святополк же пожалел о брате своем и задумался о себе, не в самом ли деле так будет. И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке. А ни Василько, ни Владимир об этом не знали. И начал Давыд говорить: „Если не захватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире“. И послушал его Святополк. И пришел Василько 4 ноября и переправился (через Днепр) на Выдобечь и пошел поклониться святому Михаилу в монастырь, и ужинал там, а обоз свой поставил на Рудице; вечером же вернулся в свой обоз. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: „Не уходи от именин моих“. Василько же отказался, сказав: „Не могу ждать, как бы не было войны дома“. И прислал к нему Давыд: „Не уходи, брат, не ослушайся брата старейшего“. И не пожелал Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: „Видишь ли, не думает о тебе, ходя под твоей рукой. Если уйдет в свою волость, сам увидишь, что он займет твои города Туров, Пинск и другие города твои. Тогда вспомнишь меня. Но, призвав его теперь, захвати и отдай мне“. И послушал его Святополк, и послал за Васильком, говоря: „Если не хочешь остаться до именин моих, то приходи сейчас, поприветствуешь меня и посидим с Давыдом“. Василько же обещал притти, не подозревая обмана, который задумал против него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и повстречал своего отрока, который сказал ему: „Не

ходи, князь, хотят тебя схватить“. И Василько не послушал его, размышляя: „Как они хотят меня схватить? Недавно целовали крест, говоря: если кто на кого покусится, то на того будет крест и мы все?“. И, подумав это, перекрестился, сказав: „Воля божия да будет“. И приехал с небольшою дружиной на княжой двор. И вышел навстречу к нему Святополк, и пошли они в избу, и пришел Давыд, и они уселись. И заговорил Святополк: „Останься на праздник“ (Михаила, 8 ноября). И сказал Василько: „Не могу остаться, брат: я уже и обозу приказал итти вперед“. Давыд же сидел, точно немой. И сказал Святополк: „Хоть позавтракай, брат“. И обещался Василько завтракать. И сказал Святополк: „Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь“. И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И заговорил Василько с Давыдом, и Давыд не отвечал и не слушал, ибо был объят ужасом и таил обман в сердце. И, немного посидев, Давыд сказал: „Где брат?“. Они же ответили ему: „Стоит на сенях“. И, поднявшись, Давыд сказал: „Я пойду за ним, а ты, брат, посиди“. И, встав, вышел вон. И как только вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября — и оковали его двойными оковами и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что говорил ему Давыд, что „(Василько) брата твоего убил, а против тебя сговорился с Владимиром и хочет тебя убить, и города твои занять“. И сказали бояре и люди: „Тебе, князь, надлежит блюсти голову свою. Если правду сказал Давыд, должен понести Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть примет месть от бога и отвечает пусть перед богом“. И узнали игумены, и начали просить за Василька Святополка; и сказал им Святополк: „Это Давыд“. Узнав же об этом, Давыд начал подстрекать на ослепление: „Если этого не сделаешь, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне“. Святополк же хотел отпустить Василька, а Давыд не хотел, опасаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород, небольшой город около Киева верстах в 10; и привезли его в повозке, закованным, высадили из повозки и отвели

в небольшую избу. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и, поняв, что хотят его ослепить, взмолился к богу, заливаясь слезами и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и стали расстилать ковер, и, разостлав, взялись за Василька и хотели его повалить; и он сопротивлялся им сильно, и не смогли они его повалить. И вот вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели с двух сторон Сновид Изечевич и Дмитр, и не смогли удержать (Василька). И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили ему плечи, так что грудь захрустела. И подошел торчин, по имени Беренди, овчарь Святополков, с ножом в руках и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись, поранил ему лицо, и рана эта у Василька видна и сейчас. И затем (Беренди) ударил его в глаз и вынул глаз, и потом ударил в другой глаз и вынул его. И Василько лежал в то время, как мертвец. И, подняв его на ковре, взвалили его на повозку, как труп, повезли его во Владимир. И когда его везли, пройдя Звижденский мост, на торговом месте остановились и стащили с него окровавленную сорочку и дали попадье постирать. Попадья же отстирав, надела на него, когда те обедали; и стала его оплакивать попадья, как покойника. И Василько, услышав плач, сказал: „Где это я?“. Они же сказали ему: „В Звиждене городе“. И попросил он воды, они же дали ему, и он попил воды, и вернулось к нему сознание, и опомнился он, и, пощупав сорочку, сказал: „Почему сняли ее с меня? Лучше бы в той кровавой сорочке смерть принял я и так предстал бы перед богом“. Пообедав, они вскоре поехали с ним на повозке, по „грудному“ (жесткому, неровному) пути, ибо был тогда месяц груден, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл и Давыд с ним, точно какую добычу захватив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили 30 человек стеречь его и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, узнав, что захвачен Василько и ослеплен, пришел в ужас, и, заплакав, сказал: „Такого зла не было в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших". И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: „Приходите в Городец, чтобы поправить зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, — нож всажен в нас. И если этого не поправим, то большее зло явится среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, завладеют землей Русской". Услышав о том, Давыд и Олег очень опечалились и плакали, говоря, что „этого не было в роде нашем". И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в лесу; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: „Зачем ты это зло учинил Русской земле и вонзил нож в нас? Почему ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так; а теперь объяви вину его, за которую ты учинил с ним это". И сказал Святополк, что „поведал мне Давыд Игоревич, что Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и занять волость твою, Туров и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А надо мне свою голову блюсти. И не я его ослепил, но Давыд, который и привез его к себе". И сказали мужи Владимировы и Давыдовы и Олеговы: „Не ссылайся на то, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе был он схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят он и ослеплен". И, сказав это, разошлись. На другое утро, когда князья хотели было перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, не дали ему киевляне бежать, но послали Всеволодову вдову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: „Умоляем, князь, тебя, и братьев твоих, не губите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые возрадуются и завладеют землей нашей, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, оборо-

няя Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую". Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его, и поведали о мольбе киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Выслушав это, Владимир расплакался и сказал: „Воистину, отцы наши и деды наши сохранили землю Русскую, а мы хотим погубить". И внял Владимир мольбе княгининой, — он почитал ее как мать, ради памяти отца своего, ибо очень любим был отцом своим, и при жизни его и по смерти, он не ослушивался его ни в чем; потому и послушался он ее как мать, и митрополита также чтил за сан святительский, не пренебрег мольбой его.

Владимир ведь так был полон любви: имел любовь к митрополитам и к епископам и к игуменам, особенно же любил монашеский чин, и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, точно мать детей своих. Когда видел кого разбушевавшимся или опозоренным, не осуждал того, но всех примирял и утешал. Но вернемся к нашему рассказу.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали пересылаться послами, и помирились на том, что сказали Святополку, что „эта ссора от Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо захвати, либо прогони его". Святополк же согласился на это, и, целовав крест друг другу, заключили мир.

Когда же Василько был во Владимире, в выше указанном месте, и приспел великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной Давыд. И пришел я к нему; и сидела около него дружина, и он, посадив меня, сказал мне: „Вот Василько сегодня ночью говорил с Уланом и Колчей, и сказал так: «Вот слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; пусть бы Давыд согласился, чтобы я послал мужей своих к Владимиру с просьбой повернуть обратно, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше». И вот, Василь, посылаю тебя, иди, к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и скажи

ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир повернет, то дам тебе любой город — либо Всеволож, либо Шеполь, либо Перемышль». Я же пошел к Васильку и поведал ему все сказанное Давыдом. Василько же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на бога. Пошлю к Владимиру, чтобы они не проливали из-за меня крови. Но мне удивительно, что Давыд дает мне город свой, а мой Теребовль моя волость и теперь, и потом», что и сбылось, ибо вскоре он получил волость свою. Мне же он сказал: «Ступай к Давыду и скажи ему: пришли ко мне Кульмея, чтобы послать его к Владимиру». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди малость». И приказал слуге своему выйти вон, и сел ко мне, и начал мне говорить: «Вот слышу, что хочет выдать меня полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, и вот хочет больше насытиться, отдав меня полякам. Ибо я им много зла сделал и хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе правду, что бог на меня послал это за мое высокомерие: дошло до меня, что идут ко мне берендичи и печенеги и торки, и сказал я себе; если у меня будут берендичи и печенеги и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: на землю Польскую нападу зимою, а летом и завладею землею Польскою и отомщу за Русскую землю. И затем хотел взять болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира итти на половцев — пусть либо найду себе славу, либо голову свою сложу за Русскую землю. Другой мысли в сердце моем не было ни против Святополка, ни против Давыда. И вот я клянусь богом и его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое самохвальство, что пошли берендичи ко мне и веселилось сердце мое и возрадовался ум мой, — низложил меня бог и смирил»".

Потом же, с приближением Пасхи, пошел Давыд занять Василькову волость. И встретил его Володарь, брат Васильков,

у Бужьска. И не посмел Давыд вступить в бой с Васильковым братом Володарем и затворился в Бужьске, и Володарь осадил его в городе. И начал Володарь говорить: „Почему, сделав зло, не каешься в том? Вспомни уже, сколько зла наделал“. Давыд же на Святополка начал сваливать вину, говоря: „Разве я это сделал, разве в моем было это городе? Я сам боялся, что и меня схватят и поступят со мной так же; поневоле пришлось мне примкнуть к заговору, действуя заодно“. И сказал Володарь: „Бог свидетель тому, а сейчас отпусти брата моего, и я с тобой помирюсь“. И обрадовался Давыд, послал за Васильком и, приведя его, выдал Володарю и был заключен мир, и разошлись они. И сел Василько в Теребовле, а Давыд вернулся во Владимир. И когда настала весна, пошли Володарь и Василько на Давыда, и пришли ко Всеволожю, а Давыд затворился во Владимире. Расположившись около Всеволожя, они взяли город набегом и зажгли его огнем, и побежали люди от огня. И приказал Василько рубить их всех и учинил мщение над людьми неповинными и пролил кровь невинную. Затем же пришли (Володарь и Василько) к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те окружили город. И послали к владимирцам, говоря: „Мы пришли не на город ваш, на вас, а на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо это они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и совершил это злодеяние. А если хотите за них биться, то мы готовы, а не то выдайте врагов наших“. Горожане же, выслушав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: „Выдай мужей этих, не будем биться за них, а за тебя биться можем. В противном случае, отворим городские ворота, а ты сам позаботься о себе“. И поневоле приходилось выдать их. И сказал Давыд: „Нет их здесь“; ибо он послал их в Луческ. Когда же они отправились в Луческ, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь вернулись в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, закричали люди на Давыда и сказали: „Выдай, кого от тебя хотят! А если нет, то сдадимся“. Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другой день,

на рассвете, повесили Василя и Лазаря и расстреляли тела их Васильковичи и отошли от города. Это второе отмщение совершил он, которого не следовало совершать, чтобы бог мстителем был, и надо было возложить на бога отмщение свое, как сказал пророк: „И воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, ибо бог за кровь сынов своих мстит и воздаст отмщение врагам и ненавидящим его". Когда же те ушли от города, повешенных сняли и похоронили их.

Святополк же, обещавшись прогнать Давыда, пошел в Берестье к полякам. Узнав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, в поисках помощи. Поляки же обещали ему помочь и взяли у него золота 50 гривен, сказав ему: „Иди с нами к Берестью, потому что зовет нас Святополк на совет, и там мы помирим тебя со Святополком". И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк у города, а поляки на Буге, и вступил в переговоры Святополк с поляками и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: „Не послушает меня Святополк, возвращайся". И пришел Давыд во Владимир, и Святополк, сговорившись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, ожидая помощи от поляков, ибо они ему сказали, что „если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками" — и солгали ему, взяв золото у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город и стоял около него 7 недель. И начал Давыд просить: „Выпусти меня из города". Святополк же обещал ему это, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен, а Святополк вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что „это волость отца моего и брата"; и пошел на них. Узнав об этом, Володарь и Василько пошли ему навстречу, взяв крест, который он целовал им на том, что „на Давыда пришел я, а с вами хочу мира и любви". И пре-

ступил Святополк крест, полагаясь на численность своих воинов. И встретились они в поле на Рожни, выстроились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав, что „его ты целовал, вот сперва лишил ты зрения глаза мои, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!“. И пошли друг на друга с боем, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, над Васильковыми воинами высившийся. Во время жестокого боя, когда многие падали из обоих полков, Святополк, увидев, что лютый бой разгорается, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять на месте, говоря: „Надлежит нам на своей меже стать“, и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним сына его два, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире Мстислава, сына своего от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, подбивая венгров на Володаря, а сам пошел в Киев. Ярослав же Святополчич пришел с венграми, и король Коломан и два епископа, и стали они около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в это время вернулся из Польши и поместил жену свою у Володаря, а сам пошел к половцам. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли они на венгров. В пути они остановились на ночлег; и когда настала полночь, встал Боняк, отъехал от войска и начал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что „победа у нас будет над венграми завтра“. И на утро Боняк выстроил воинов своих, и было у Давыда воинов 100, а у него самого 300; и разделил он их на 3 полка и двинулся на венгров. И пустил Алтунопу в наступление с 50 людьми, а Давыда поставил под стягом, а сам разделил своих на две части, по 50 человек каждая. Венгры же приготовились к обороне в несколько рядов, ибо было их 100 тысяч. Алтунопа же, подъехав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же бросились в погоню за ними. На бегу они проскочили мимо Боняка, и тот погнал за ними, рубя их

с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропускали венгров назад, и так, много раз избивая, сбили их в кучу. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в кучу, как вот сокол сбивает галок. И побежали венгры, и много их утонуло в Вягре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана берегом, и спихивали друг друга в реку, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и бояр много; говорили, ведь, что погибло их 40 тысяч.

Ярослав же бежал в Польшу, и прибежал в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, появился внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою, состоявшей из берестьян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, окружив город, и часто ходил на него приступом. Однажды подступили воины его к городу под прикрытием вежей, и когда осажденные бились с городских стен, и шла между ними перестрелка, стрелы летели, как дождь. Мстислав же, нацелившись, внезапно получил удар под пазуху стрелой, стоя на стене, в скважину между досок, и свели его со стены, и в ту же ночь он умер. И скрывали его три дня, а на четвертый день сообщили на вече. И сказали люди: „Вот, князь убит; если мы сдадимся, Святополк перебьет нас всех". И послали к Святополку, говоря: „Вот сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут терпеть голод". Святополк же послал Путяту, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луческ к Святоше Давыдовичу, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: „Если пойдет на тебя Святополк, то сообщу тебе". И не исполнил того Святоша, но захватил мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, 5 августа, когда Давыдовы воины окружали город, в полдень, когда Давыд спал; и напали на них, и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже начали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадником Святополковым Василя. И пришел Святоша в Лучьск, а Путята в Киев. Давыд побе-

жал к половцам, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Лучску, и осадили Святошу в городе, и заключили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд взял Луческ и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь бежал, а Давыд захватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополк, Владимир, Давыд и Олег (Святославичи) призвали к себе Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк взял себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606. Пришли Владимир и Давыд и Олег на Свято- *1098*
полка и стали у Городца, и заключили мир, как я уже сказал под предыдущим годом.

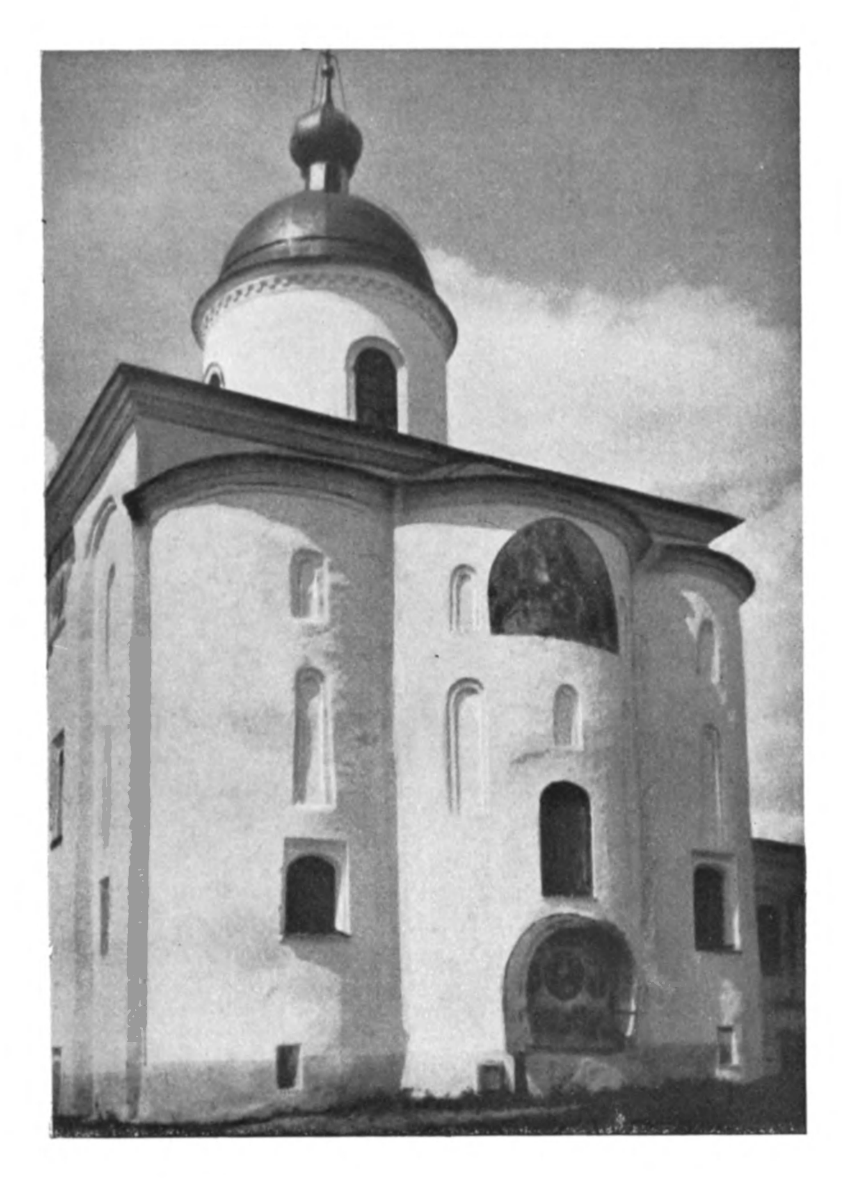
В год 6607. Вышел Святополк на Давыда к Владимиру *1099*
и прогнал Давыда в Польшу. В этот же год разбиты были венгры у Перемышля. В этот же год убит Мстислав Святополкович во Владимире, 12 июня.

В год 6608. Вышел Мстислав от Давыда на море, 10 июня. *1100*
В том же году братья заключили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, 10 августа. Того же месяца 30, в том же месте братья все собрались — Святополк, Владимир, Давыд, Олег, — и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: „Зачем звали меня? Вот я. У кого на меня жалоба?“. И ответил ему Владимир: „Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, притти к вам и пожаловаться на причиненную мне обиду». Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — так чего же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?“. И не ответил Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путяту, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: „Вот что говорят тебе братья: «Не хотим тебе дать стола Владимирского, потому

что вонзил ты нож в нас, чего не было в Русской земле. И вот мы тебя не трогаем и никакого иного зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — садись в Бужском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе 200 гривен, а Давыд с Олегом 200 гривен»“. И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: „Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. Если вам это любо, то сидите там оба, если нет, отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших и смердов выдайте“. И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Бужске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где тот и умер; а Владимир отдал (Святополк) сыну своему Ярославу.

1101 В год 6609. Скончался Всеслав, полоцкий князь, 14 апреля, в 9 часов дня, в среду. В тот же год затеял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк. И застал его в городе, и захватил его, заковал и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и упросили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и отпустили его. В том же году собрались все братья: Святополк, Владимир и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их, на Золотче. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: „Если хотите мира, соберемся у Сакова“. И послали за половцами, и собрались у Сакова, и заключили мир с половцами, и обменялись заложниками, 15 сентября, и разошлись.

1102 В год 6610. Бежал Ярослав Ярополчич из Киева, 1 октября. В том же месяце, на его исходе, обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, и захватил его на Нуре, и привел его к отцу своему Святополку, и заключили его в оковы. В том же году, 20 декабря, пришел Мстислав Владимирович с новгородцами (в Киев), так как у Святополка с Владимиром был договор, что Новгороду быть Святополчим и что он посадит сына своего там, а Владимир посадит сына своего во В ади-



Николо-дворищенский собор 1113 г. в Новгороде.
Фото М. К. Каргера

Общий вид Ладоги. Остатки крепостных сооружений и церковь Георгия.

мире. И пришел Мстислав в Киев, и уселись в избе, и сказали мужи Владимировы: „Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего (Святополкова) и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир". И сказали новгородцы Святополку: „Вот мы, князь, присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы у сына твоего, то посылай его; а этого (Мстислава) дал нам Всеволод (Ярославич), и вскормили мы сами себе князя, а ты ушел от нас»". И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье в небе, 29 января, три дня подряд было точно зарево пожара с востока и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной луны. В тот же год было знаменье в луне, 5 февраля. Того же месяца, в 7-й день, было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, одна к другой спинами. И, видя эти знамения, благоверные люди с воздыханием молились богу и со слезами, чтобы бог обратил эти знамения на добро: знамения ведь бывают одни на зло, другие же на добро. На следующий год вложил бог мысль добрую русским князьям: задумали дерзнуть пойти на половцев, в землю их, что и случилось, как скажем после, под следующим годом. В этот же год скончался Ярослав Ярополчич, 11 августа. В тот же год выдана была дочь Святополка Сбыслава в Польшу за Болеслава, 16 ноября.

В год 6611. Вложил бог в сердце князьям русским, Свято- 1103
полку и Владимиру, и собрались на совет в Долобьске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И начала рассуждать и говорить дружина Святополкова, что „не годится теперь, весною, итти в поход, погубим смердов и пашню их". И сказал Владимир: „Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчин застрелит его из лука, а лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и детей его и все его имущество?

Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?". И не могла ничего ответить дружина Святополкова. И сказал Святополк: „Вот я готов уже". И встал Святополк, и сказал ему Владимир: „Это ты, брат, великое благо сделаешь земле Русской". И послали к Олегу и Давыду, говоря: „Пойдите на половцев, и выйдем живыми либо мертвыми". И послушался Давыд, а Олег не захотел того, заявив причину: „Нездоров". Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и зашли ниже порогов, и стали в быстрине у Хортичева острова. И сели на коней, а пешие, выйдя из ладей, шли полем 4 дня, и пришли на Сутень. Половцы же, заслышав, что идет Русь, собрались во множестве бесчисленном и стали совещаться. И сказал Урусоба: „Попросим мира у Руси, так как крепко они будут биться с нами, много ведь зла причинили мы Русской земле". И сказали Урусобе молодые: „Если ты боишься Руси, то мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?". Русские же князья и воины все молились богу, и обеты давали богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями на монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали впереди себя в сторóже Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья выслали сторóжи свои. И подстерегли русские сторóжи Алтунопу и, окружив его, убили Алтунопу и его спутников, и ни один не спасся, но всех перебили. И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу. И бог вселил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лицезрения русских воинов, и сами они впали в оцепенение и у коней точно сковало ноги (не было быстроты в ногах). Наши же весело направились к ним, кто верхом, кто пешие. Половцы же, увидев, как русские устремились на них, не дойдя до русских полков, обратились перед ними в бегство.

Наши же пустились за ними в погоню, рубя их. В день 4 апреля великое спасение бог совершил и над врагами нашими дал нам победу великую. И убили тут в бою 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя взяли в плен. После того расположились на отдых братья, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и начал Белдюзь предлагать за себя золото и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И, когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: „Это ведь клятва одолела вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему ты не наставлял сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали вы кровь христианскую? Да будет теперь кровь твоя на голове твоей!“. И приказал убить его, и так разрубили его на куски. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: „Сегодня день, созданный богом, возрадуемся и возвеселимся в этот день, потому что бог избавил нас от врагов наших и покорил врагов наших и «сокрушил их головы змеиные и передал достояние их людям» русским“. Взяли ведь тогда скот и овец, и коней и верблюдов, и вежи с имуществом и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулась Русь из похода с полоном великим, и со славой, и с победой великой. В том же году явилась саранча 1 августа. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, сожженный половцами. В том же году бился Ярослав с Мордвою, 4 марта, и побежден был Ярослав.

В год 6612. Выдана дочь Володарева за царевича Олекси- 1104
нича, в Царьград, 20 июля. В том же году выдана Передслава, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, 21 августа. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, 6 декабря. Того же месяца в 13-й день скончался Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит на столе посажен. Расскажем и о следующем. На исходе этого же года послал Святополк Путяту на Минск, а Владимир послал сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба (Минского),

взяв Давыда Всеславича; и, ничего не добившись, возвратились. И родился у Святополка сын, и назвали его Брячиславом. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же точно вида, в течение трех дней, 4, 5 и 6 февраля днем в солнце, а ночью в луне, три ночи подряд.

1105 В год 6613. Поставил митрополит епископом Анфилофия во Владимир, 27 августа. В том же году поставил он Лазаря в Переяславль, 12 ноября. В том же году поставил он Мину в Полоцке, 13 декабря.

1106 В год 6614. Воевали половцы около Заречска, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарина, и прогнали они половцев и полон отняли от них. В тот же год скончался Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой. Жил он по закону божию, не хуже был он первых праведников. От него и я много рассказов слышал, которые и записал в летописанье этом, от него услышав; был ведь он муж благой и кроткий и смиренный, избегал всяких тяжб. Гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное 24 июня. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, 6 декабря. В тот же год прибежал Избыгнев к Святополку. В тот же год постригся Святослав Давыдович, внук Святослава (Ярославича), 17 февраля. В том же году победила Зимегола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила 9 тысяч.

1107 В год 6615, индикта, круга луны 4 год, а солнечного круга 8 год. В этот же год скончалась жена Владимирова, 7 мая. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый, и другие князья многие, и стали около Лубна. Святополк же и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в 6-м часу дня перешли вброд через Сулу и крикнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга

поставить, но побежали, на бегу хватая коней, а иные пустились бежать пешие. Наши же принялись рубить, нагоняя их, а других руками ловить, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, и Сугра взяли в плен и брата его, а Шарукан едва убежал. Бросили половцы и свой обоз, который и взяли русские воины 12 августа; и вернулись русские во-свояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой богородицы и святого отца нашего Феодосия. Таков ведь обычай был у Святополка: когда собирался на войну или куда-нибудь, то поклонялся гробу Феодосиеву и брал молитву у игумена, и тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год скончалась княгиня, мать Святополка, 4 января. В том же году, в том же месяце ходили Владимир и Давыд, и Олег к Аепе и к другому Аепе и заключили мир. И взял Владимир за Юрия (сына своего) Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына (своего) Аепину дочь, Гиргеневу внучку, 12 января. А февраля 5 тряслася земля перед рассветом ночью.

В год 6616. Заложена была церковь святого Михаила злато- *1108*
верхая Святополком князем, 11 июля. И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба, давшего средства. В тот же год вода была большая в Днепре и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и начал он говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик. И тот с радостью обещал это и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год скончалась Катерина, дочь Всеволода, 11 июля. В тот же год закончили верх церкви святой Богородицы на Клове, заложенный Стефаном, игуменом Печерским.

1109 В год 6617. Скончалась Евпраксия, дочь Всеволода, 10 июля, и положена была в Печерском монастыре у южных дверей. И сделали над ней божницу в том месте, где лежит тело ее. В тот же год 2 декабря Дмитр Иворович захватил вежи половецкие около Дона.

1110 В год 6618. Ходили весной на половцев Святополк и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились назад. В том же году было знаменье в Печерском монастыре 11 февраля: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в 1 час ночи, и все видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, передвинулся на церковь и стал над гробом Феодосиевым, и потом передвинулся на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом невидим стал. Но это был не огненный столп, а видение ангела: ибо так является ангел — то столпом огненным, то пламенем. Как сказал Давыд: „Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь палящий, посылает их повелением божьим владыка и творец всех, куда хочет. Ангел же приходит туда, где есть благословенные места и молитвенные дома, и там являет в малой степени свой вид, только чтобы людям возможно было видеть. Ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный, и это не столп водил их (евреев), но ангел шел впереди их ночью и днем. Так и это знамение показывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось. Ибо на второй год не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: „Ангел тебе предшествует“, или еще: „Ангел твой будь с тобой“.

Я, игумен Сильвестр монастыря святого Михаила, написал книги эти, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда он княжил в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила, в 1116 году, индикта 9 года. А кто читает книги эти — помолись за меня.

Продолжение по Ипатьевской летописи

Как пророк Давид говорит: „Что ангелам своим заповедал сохранить тебя“. Как пишет и премудрый Епифаний: „Ко всякой твари ангел приставлен; ангел приставлен к облакам, и туманам, и снегу, и граду, и морозу, ангел к голосам и грому, ангел зимы и зноя, и осени, и весны, и лета, ангел ко всякой одушевленной твари на земле, и тайной бездны, скрытой под землей, и преисподней тьмы и всему, что над бездной, а раньше было над землей, от чего происходят и тьма, и вечер, и ночь, и свет, и день“. Ко всем тварям ангелы приставлены; также ангел приставлен к каждой земле, чтобы соблюдал эту землю, хотя бы она была и поганая. Если божий гнев обратится на какую землю и бог повелит ангелу тому пойти войной на ту землю, то ангел той земли да не воспротивится повеленью божию. Так вот и теперь было, навел бог, грех наших ради, поганых иноплеменников, и побеждали они нас по повелению божию: ибо были они водимы ангелом, по повелению божию. Если же кто говорит, что у поганых нет ангела, пусть знает, что Александр Македонский, ополчившись на Дария и двинувшись на него в поход и победив землю всю от востока и до запада, побил землю Египетскую, и убил Арама, и пришел на острова морские, а затем повернул на Иерусалим, чтобы взять его и победить евреев, потому что они были в мире с Дарием. И пошел он со всеми воинами своими, и расположился станом на отдых. И приспела ночь, и лежал он на ложе своем среди шатра и, открыв глаза, увидел мужа, стоящего над ним, и меч обнаженный в руке его, и вид меча его был точно молния. И замахнулся он мечом своим на голову цареву. И в великий ужас пришел царь и сказал: „Не убивай меня“. И сказал ему ангел: „Послал меня бог приводить под твою власть царей великих и множество людей, и хожу я впереди тебя, помогая тебе. А теперь знай, что умрешь, потому что замыслил войти в Иерусалим, зло причинить иереям божиим и людем его“. И сказал царь: „Молю тебя, господи, отпусти этот грех раба

твоего. Если не угодно тебе, я вернусь домой“. И сказал ангел: „Не бойся, продолжай путь свой к Иерусалиму, и увидишь тут в Иерусалиме мужа в облике моем, и тотчас же пади ниц в земном поклоне перед мужем тем, и все, что он скажет тебе, исполни. Не преступай приказаний его. Если же преступишь, в тот день умрешь“. И встал царь, и пошел в Иерусалим и, придя туда, спросил евреев: „Итти ли мне на Дария?“. И показали они ему книги Даниила пророка, и сказали ему: „Ты козел, а он овен, и разоришь ты, и возьмешь царство его“. Так вот не ангел ли водил Александра, не поганые ли обратились в бегство и все еллины кумиро-служители? Так и эти поганые попущены на нас по грехам нашим. Да будет ведомо, что у христиан не один ангел, но столько, сколько их крещеных, а уж тем более у всякого благоверного князя есть ангел; но не могут они противиться божию повелению, но молят бога прилежно за христиан. Так оно и было: молитвами святой богородицы и святых ангелов смилостивился бог и послал ангелов в помощь русским князьям против поганых. Как сказал бог Моисею: „Это ангел мой будет предшествовать тебе“. Как сказали мы выше, знаменье это было февраля в 11-й день на исходе этого 18 года.

1111 В год 6619. Вложил бог Владимиру мысль понудить брата его Святополка пойти на поганых весною. Святополк же поведал дружине своей речь Владимира. Дружина же сказала: „Не время теперь погубить смердов, оторвав их от пашни“. И послал Святополк к Владимиру, говоря: „Нам бы следовало съехаться и подумать о том с дружиной“. Посланцы же пришли к Владимиру и передали слова Святополка. И пришел Владимир, и встретились на Долобске. И расположились в одном шатре Святополк с своею дружиною, а Владимир со своею. И после некоторого молчанья сказал Владимир: „Брат, ты старше меня, говори первый, как бы нам защитить Русскую землю“. И сказал Святополк: „Брат, уж ты начни“. И сказал Владимир: „Как я могу говорить, а на меня станут наговаривать твоя дружина и моя, что он хочет погубить смердов и пашню смердов. Но то мне удивительно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете

о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав, пустит в смерда стрелу и заберет лошадь ту и жену его, и детей его, и гумно его подпалит. Об этом-то почему не подумаете?". И сказала вся дружина: „Впрямь, воистину так оно и есть". И сказал Святополк: „Теперь, брат, я готов (итти на половцев) с тобою". И послали к Давыду Святославичу, веля ему выступать с ними. И поднялись с своих мест Владимир и Святополк и попрощались и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли они, возложив надежду на бога и на пречистую матерь его, и на святых ангелов его. И выступили в поход во второе воскресенье великого поста, а в пятницу были на Суле. В субботу они достигли Хорола, и там и сани побросали. А в воскресенье, когда крест целуют, пришли на Псел, и оттуда перешли и стали на Голте. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали, и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда прошли через много рек, и пришли к Дону во вторник шестой недели поста. И оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю. И князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари и кондаки креста честного, и канон святой богородицы. И поехали они к городу, с наступлением вечера, и в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино. И, переспали там ночь. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову и запалили его, а в четверг двинулись за Дон; в пятницу же, на другой день, 24 марта собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши, возложив надежду свою на бога, сказали: „Здесь смерть нам, станем твердо". И прощались друг с другом и, обратив очи к небу, призывали бога вышнего. И когда сошлись обе стороны и завязалась битва жестокая, бог вышний обратил взор свой на иноплеменников, исполненный гнева, и стали они падать перед христианами. И так были побеждены иноплеменники и пало множество врагов, наших

супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог бог русским князьям. И воздали они хвалу богу в тот день. И наутро, в субботу, праздновали Лазарево воскресение, Благовещенья день, и, воздав хвалу богу, проводили субботу, и воскресенья дождались. В понедельник же страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские. И послал господь бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и столкнулись полк с полком и, точно гром, раздался треск столкнувшихся рядов. И битва лютая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и при виде этого половцы обратились в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели, невидимо опускаемые на землю. И победили их в понедельник страстной месяца марта 27. Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице. И спас бог людей своих. Святополк же и Владимир и Давыд прославили бога, давшего им победу такую над погаными, и взяли полона много и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками. И спросили пленников, говоря: „Как это вас такая сила и такое множество не могли сопротивляться и так быстро обратились в бегство?“. Они же отвечали, говоря: „Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?“. Это только и могут быть ангелы, от бога посланные помогать христианам. Это ведь ангел вложил Владимиру Мономаху мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников. Это ведь, как мы сказали выше, видение было в Печерском монастыре, стоял столп огненный над трапезницей, затем передвинулся на церковь и оттуда к Городцу, а тут был Владимир в Радосыни. Вот тогда-то и вложил ангел Владимиру ту мысль, и Владимир начал побуждать итти в поход, как мы сказали.

Потому-то надлежит воздавать хвалу ангелам, как сказал Иоанн Златоуст: ибо они вечно молят творца быть милостивым и кротким к людям. Ибо ангелы, говорю я, наши защитники, когда мы воюем с противными нам силами, а начальник им архангел Михаил. Ибо с дьяволом ради тела Моисеева боролся, на князя же персидского ополчался свободы ради человеческой. Повелением божиим все живое разделив и поставляя старейшин народам, этим же персиянам разрешил презреть своего (старшину), Михаила же обрезанным людям повелел сохранить, границы же их (повелел) смежить (и скрепить) гневом, не по греховной ярости, но по блаженному некоему неизреченному слову, причем этот принуждал иудеев работать на персов, тот же старался освободить их и прилежно возносил молитву к богу, гласившую: „Господи, вседержитель, доколе не помилуешь Иерусалима и городов иудовых, которые ты оставил без призора вот уже 70 лет?". Его видел, как бы в видении, и Данил летящего — лицо его, что молния, и глаза его, что свечи, и мышцы и голени его блестящие, точно медь, и голос его, точно голос множества народа. Люди, из среды которых явился человек, отвратившиий осла и сотворивший Валама посредством пустого и нечестивого волхвования; люди, из среды которых явился человек, который извлек меч перед Иисусом Навином, повелевая ему этим примером помочь против врагов; люди, из среды которых явился человек, который в одну ночь перебил 180 тысяч сирийцев, и сон варваров превратил в смерть; люди, из среды которых явился человек, который перенес пророка Аввакума по воздуху, чтобы тот кормил Данила, среди львов обретающегося, — такие-то люди всегда победят врагов. Таков же и богоподобный Рафаил: отрезав у одной рыбы жир, бесноватую девицу исцелил, и сделал так, что слепой старец увидел солнце. Не великих ли почестей достойны те, кто нашу жизнь охраняют? Не только хранителями народам повелено было быть ангелам, как было сказано: „Когда разделял всевышний языки, когда рассеивал сынов адамовых, он определил места поселения народам по числу ангелов божиих, но и каж-

дому верующему человеку достался ангел. Ибо когда девица Роди стала говорить апостолам, причем перед дверями стоял Петр, избежавший и Ирода, — ее словам не поверили: это не девица, а ангел его. Свидетельствует же и этим господь, говоря: „Видите, не пренебрегайте и единым от малых сих; ибо говорю вам, что ангелы их видят лицо отца моего, пребывающего на небесах". Еще же и в каждой церкви Христос поставил хранителя ангела, как сообщает Иоанн, говоря: „Скажи ангелу, находящемуся в церкви Измуренской: «Видел нищету твою и скорбь, но ты богат»". Добро это, ведь, известно любящим нас ангелам, как молитвенникам за нас перед владыкою. Ибо они служебные духи, как и апостол говорит: „Посылаемые на служение к тем, кто хочет удостоиться спасения". Им они защитники и помощники, как и теперь ты слыхал про Данила, как он вводит архангела Михаила к персам в час гнева (божия) ради нашего освобождения. Ибо тот принуждал людей работать на персов, как было сказано, этот же старался освободить пленных. И одолевает Михаил врага, ибо евреи, перейдя Евфрат, с тех пор вновь возымели оседлость и построили и город и церковь. Так же и великий Епифаний говорил: „К каждому народу ангел приставлен"; и писание ведь Данилу говорило: „Ангел и властителя еллинам назначил и Михаила властителем иудеям". Говорит же: „И установил места жительства (народам) по числу ангелов".

И вот опять же, как Иполит говорит, толкуя Данила: „В третий год царствования Кира царя я Данил плакал три недели; к концу же первого месяца смирился, после того как 21 день молил бога, прося его открыть тайну. И отец, услышав мою мольбу, поведал, чему суждено быть с ними, и что сбылось на великой реке; хорошо было, чтобы бог явился там, где хотел грехи отпустить. И я, подняв глаза свои, увидел: вот муж, одетый во все красное; на первый взгляд точно Гаврил ангел, когда летит; здесь же не так, но видел самого господа, видел же не настоящего человека, но только образ человеческий, как сказано: «И вот муж, одетый во все пестрое, и бедра его препоясаны чистым золотом, и тело его, точно

топаз, и лицо у него, точно молния, и глаза у него, точно свечи огненные, и мышцы и плечи подобны меди чистой, и голос его таков, точно говорит много народа». И упал я наземь, и вот взяла меня, точно бы рука человеческая, и поставила меня на колени, и сказал мне: «Не бойся, Данил, знаешь, чего ради я пришел к тебе? Войну хочу начать с князем персидским, но поведаю тебе, что написано в писании истинном, и нет никого, кто спорил бы со мною, кроме Михаила князя вашего; ибо его я оставил тут, и с того дня, как устремился я молиться богу твоему, услышал он молитву твою и отпущен я на брань с князем персидским; некоторые считали, что не следует отпускать людей, чтобы скоро исполнилась молитва твоя: и противился этому, и оставил Михаила князя вашего». Кто же такой Михаил, если не ангел, приставленный к людям?". Как и Моисею говорит (бог): „Не пойду с вами в поход, потому что люди жестоковыйные, но ангел мой пойдет с вами".

Так вот и теперь, с божией помощью, по молитвам богородицы и святых ангелов, возвратились русские князья восвояси со славой великою, разнесшейся как среди своих людей, так и по всем дальним странам, т. е. по Греции, Венгрии, Польше и Чехии, даже и до Рима дошла она, на славу богу, всегда ныне и присно и во веки веков, аминь.

В тот же год скончалась вдова Всеволодова, октября в 7 день, и положена была у святого Андрея в монастыре. Того же лета скончался Иоанн, епископ черниговский, ноября 23.

В год 6620. Индикта 5. Ярослав, сын Святополка, ходил 1112 на ятвягов и победил их; и, по возвращении с войны, послал в Новгород взять там себе в жены Мстиславову дочь, внучку Владимирову, мая 12, а приведена была июня 29. В том же году выдана была Ефимия Владимировна за венгерского короля. В том же году скончался Давыд Игоревич месяца мая 25 и погребено тело его 29 в церкви святой Богородицы Влахерны на Клове. В том же году скончалась Янка, дочь Всеволода, сестра Владимира, ноября 3 и погребена была в церкви святого Андрея, которую построил отец ее; там ведь она

и постриглась, в той церкви, в девичестве. На исходе же этого года поставили Феоктиста епископом в Чернигов, игумена печерского, января 12, а посажение на стол совершено 19 января. И рады были этому князь Давыд и княгиня, ибо был он ей отец духовный, и бояре и все люди радовались; ибо перед ним был епископ больной, который не мог служить и пролежал больной лет 25; потому-то князь и народ ждали епископской службы и теперь радовались, славя бога. Так же оно было и с братией, оставшейся без игумена: собралась тогда вся братия и выбрала себе игуменом Прохора попа, и сообщили о том митрополиту и князю Святополку. И повелел князь митрополиту поставить его с радостью (в игумены). И поставлен он был на масляной неделе в четверг, февраля 9. И так вступила в пост братия (печерская) с игуменом.

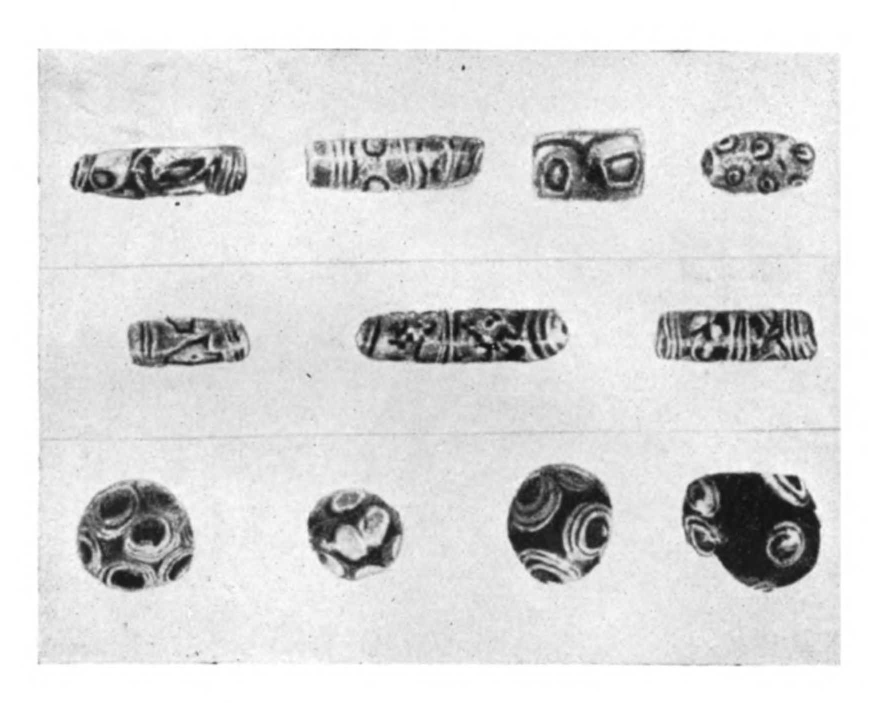
1113 В год 6621. Явилось знамение на солнце в 1 час дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, вроде как месяц вниз рогами, марта 19, а луны — 29. Это бывают знаменья не к добру; бывают знаменья с солнцем или с луною, или со звездами не по всей земле, но если в какой стране будет знаменье, та его и видит, а другая не видит. Так вот в древности, в дни Антиоховы, были знамения в Иерусалиме, стали там являться в воздухе люди, рыщущие на конях с оружием в руках, и мелькание оружия, и это было в Иерусалиме только, а в других землях не было этого. Это же бывшее в солнце знамение предзнаменовало Святополкову смерть. После этого знамения приспел праздник Пасхи, и праздновали его; а после праздника разболелся князь. А скончался благоверный князь Михаил, которого звали Святополком, апреля 16 за Вышгородом, и привезли его в ладье в Киев, и убрали тело его, и возложили на сани. И оплакивали его бояре и дружина его вся, отпев над ним обычные песни его и похоронили в церкви святого Михаила, которую он сам построил. Княгиня же (жена) его щедро наделила монастыри, и попов, и убогих на удивление всем людям, ибо такой щедрой милостыни никто не может творить. На другой же день, 17 апреля, киевляне устроили

совет, послали к Владимиру (Мономаху), говоря: „Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский“. Услышав это, Владимир много плакал и не пошел (в Киев), горюя по брате. Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, напали на евреев, разграбили их имущество. И послали вновь киевляне к Владимиру, говоря: „Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, или евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри“. Услышав это, Владимир отправился в Киев.

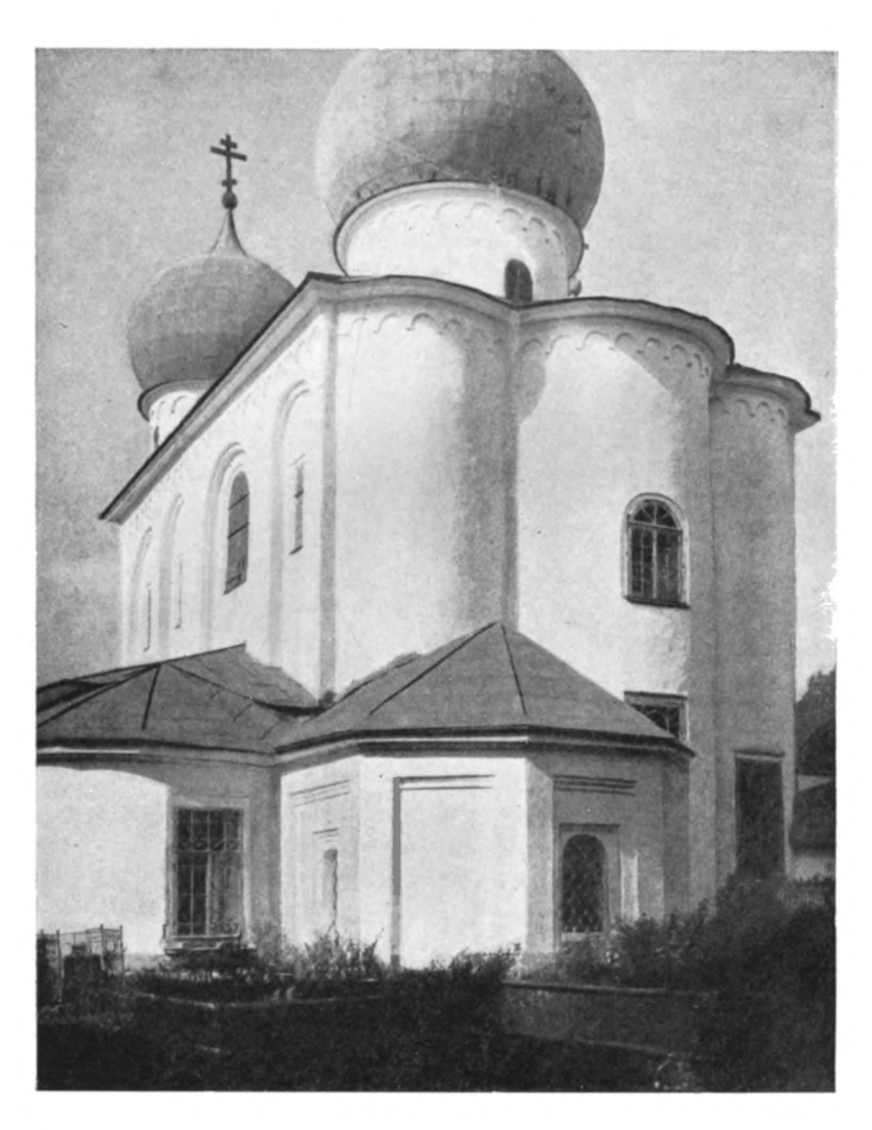
Начало княженья Владимира, сына Всеволодова. Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж улегся. Когда же узнали половцы о смерти Святополка, собрались они и пришли к Выру. Владимир же, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом, половцы же бежали. В том же году посадил (Владимир) сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В тот же год скончалась игуменья Лазарева монастыря, святой жизни, сентября 14, прожив шестьдесят лет в чернечестве, а всего от рожденья 92. В этот же год взял Владимир замуж за сына своего Романа дочь Володаря, сентября 11. В этот же год Мстислав заложил церковь каменную святого Николы на княжом дворе, у торговища в Новгороде. В том же году посадил (Владимир) сына своего Ярополка в Переяславле. В том же году поставили епископа Данила в Юрьев, а в Белгороде Никиту.

В год 6622. Скончался Святослав, сын Владимиров, марта 16 *1114*
и погребен был в Переяславле в церкви святого Михаила; там ведь отец ему дал стол, выведя его из Смоленска. В тот же год Мстислав заложил (город) в Новгороде больше прежнего. В тот же год заложена была Ладога из камня на насыпи Павлом посадником, при князе Мстиславе. Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что „здесь, когда бывает

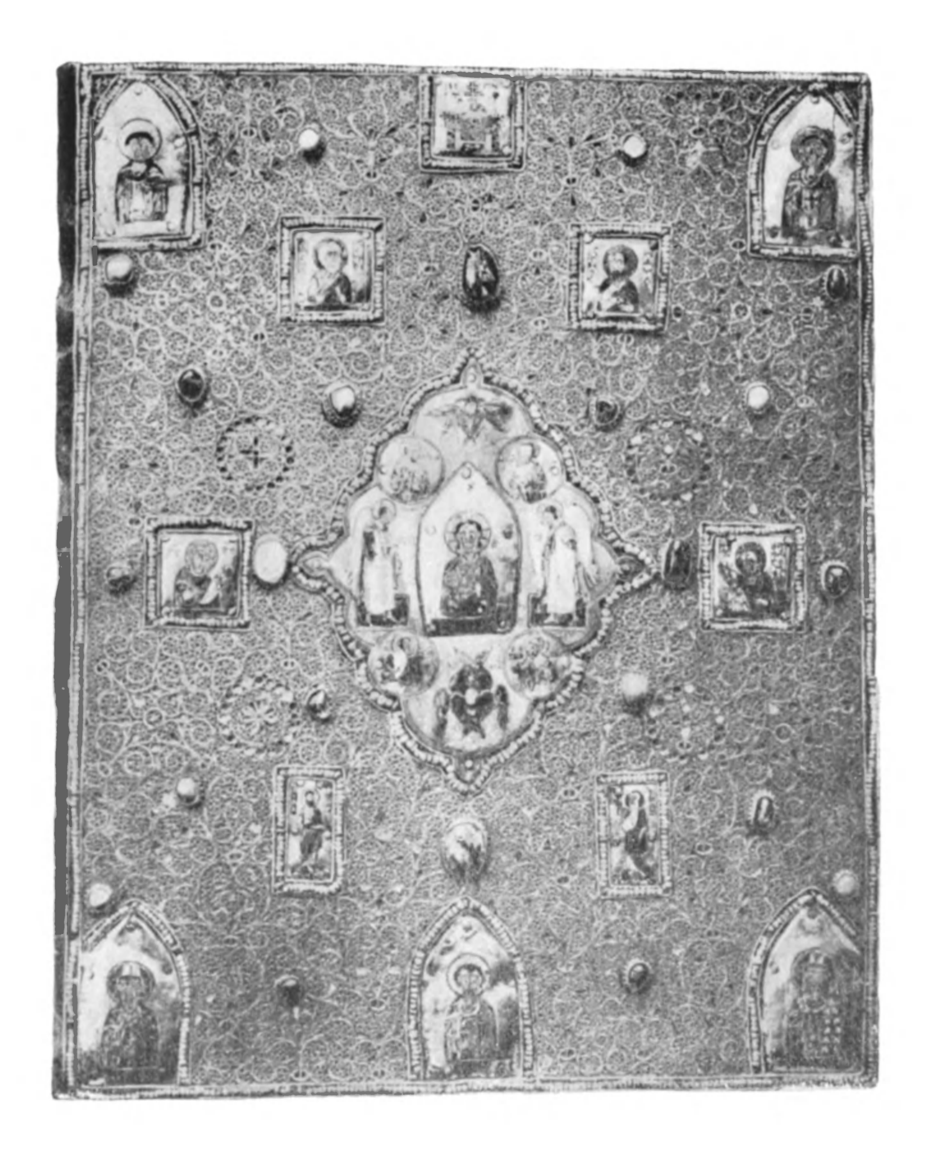
туча великая, находят дети наши глазки стеклянные, и маленькие и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода". Этих я взял более ста, все различные. Когда я дивился этому, они сказали мне: „Это не удивительно; живы еще старики, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и выросши расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и выросши расходятся по земле". Этому у меня есть свидетель посадник Павел ладожский, и все ладожане. Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф. „В царствование Прова, во время дождя из тучи великой пшеница с водою многою смешанная попадала, которую, собрав, засыпали в закрома большие. Так же при Аврелии серебряные крупинки упали (на землю), а в Африке три камня упали громадных". И после потопа и после разделения языков „начал царствовать сначала Местром, из рода Хама, после него Иеремия, затем Феоста", которого и Сварогом называли египтяне. „В царствование этого Феоста в Египте упали клещи с неба, и начали египтяне ковать оружие, а до того они палицами и камнями бились. Тот же Феоста закон издал о том, чтобы женщины выходили замуж за одного мужчину и вели воздержный образ жизни, а кто впадет в прелюбодеяние, тех казнить повелел. Потому и прозвали его бог Сварог". „Прежде же женщины сходились с кем хотели, точно скот. Когда женщина рожала ребенка, она отдавала его тому, кто ей был люб: «Это твое дитя», и тот устраивал праздник, и брал себе ребенка. Феост же этот обычай уничтожил и постановил одному мужчине одну жену иметь и жене за одного мужа выходить; если же кто преступит этот закон, да ввергнут его в печь огненную". „Того ради прозвали его Сварогом и чтили его египтяне. И после него царствовал сын его, по имени Солнце, которого называют Даждьбогом, 7470 дней, что составляет двадцать лет с половиной. Не умели ведь египтяне иначе считать: одни по луне считали,



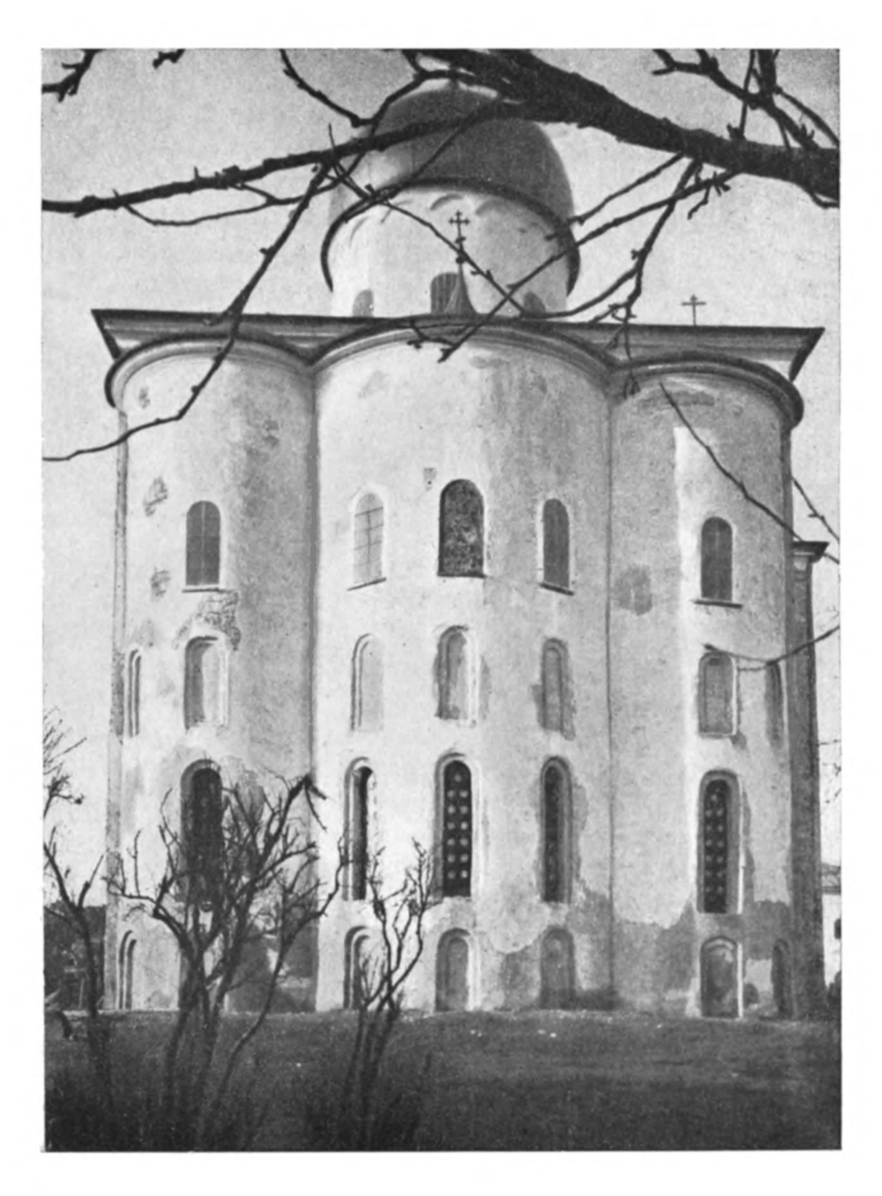
Глазчатые стеклянные бусы из Старой Ладоги.
С рис. Ф. Д. Гуревич.



Собор Антониева монастыря в Новгороде 1116 г.



Оклад Мстиславова евангелия 1117 г.



Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 г.
Фото М. К. Каргера.

а другие днями годы считали; число двенадцать месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям. Солнце царь, сын Сварогов, то есть Даждьбог, был сильным мужем; услышав от кого-то о некоей богатой и знатной египтянке и о некоем человеке, восхотевшем сойтись с нею, искал ее, желая захватить ее (на месте преступления) и не желая отца своего закон нарушить, Сварога. Взяв с собою мужей несколько своих, зная час, в который она прелюбодействует, ночью в отсутствие мужа ее застиг ее лежащею с другим мужчиною, которого сама облюбовала. Он схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное житье по всей земле Египетской, и все восхваляли его". Но мы не будем продолжать рассказ, но скажем вместе с Давыдом: „Все, что пожелал, сотворил господь на небе и на земле, в море, во всех безднах, подымая облака от краев земли". Это и была последняя земля, о которой мы сказали вначале.

В год 6623, индикта 8, собрались братья, русские князья, *1115*
Владимир, зовомый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им церковь каменную, в похвалу и в честь и для погребения тел их. Сначала они освятили церковь каменную мая 1, в субботу; наутро же 2-го дня перенесли святых. И было собрание великое народа, сшедшегося отовсюду: митрополит Никифор со всеми епископами — с Феоктистом черниговским, с Лазарем переяславским, с попом Никитою белогородским и с Данилою юрьевским — и с игуменами — с Прохором печерским и Сильвестром святого Михаила — и Сава святого Спаса, и Григорий святого Андрея, Петр кловский и прочие игумены. И освятили церковь каменную. И, отпев им обедню, все обедали у Олега и пили, и было выставлено угощение великое, и накормили нищих и странников в течение трех дней. И вот наутро (2 мая) митрополит, епископы, игумены облачились в святительские ризы и, возжегши свечи и кадилы благовонные, пришли к ракам святых и взяли раку Борисову

и поставили ее на возила, и поволокли их за веревки князья и бояре; впереди шли чернецы со свечами, за ними попы и игумены и епископы перед самою ракою, а князья шли с ракою между переносными оградами. И нельзя было везти из-за множества народа: поломали переносную ограду, а иные облепили городские стены и помосты, так что страшно было смотреть на такое множество народа. И повелел Владимир нарезанные куски паволоки, шерстяной материи, беличьи шкурки разбрасывать народу, а в других местах бросать серебряные монеты людям, сильно налегавшим; и легко внесли раку в церковь, и поставили раку посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же способом и его привезли и поставили рядом с братом. И произошла ссора между Владимиром, с одной стороны, и Давыдом и Олегом, с другой: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный поставить над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, „где отец мой наметил“, на правой стороне, где и устроены были им своды. И сказали митрополит и епископы: „Киньте жребий, и где угодно будет мученикам, там их и поставим“, и князья согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на святую трапезу; и вынулся жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат. Принесены же были святые мученики, 2 мая, из деревянной церкви в каменную в Вышгороде. Слава они князей наших и заступники земли Русской, ибо славу мира этого они попрали, а Христа возлюбили, по стопам его решились итти. Овцы христовы добрые, они не противились, когда влекли их на заклание, не уклонились от насильственной смерти! Потому-то и с Христом воцарились в вечной радости и дар исцеления приняли от спаса нашего Иисуса Христа, обильно подавая это исцеление больным, с верою приходящим во святой храм их, поборников отечества своего. Князья же и бояре и все люди праздновали три дня, и воздали хвалу богу и святым мученикам. И затем разъехались каждый во-свояси. Владимир же оковал раки серебром и золотом и украсил гробы их,

также и своды оковал серебром и золотом, и поклоняются им люди, прося прощения грехов.

В тот же год было знамение: погибло солнце и стало как месяц, про который невежды говорят — объеденное солнце. В тот же год скончался Олег Святославич, месяца августа в 1 день, а во второй был погребен у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В том же году (Владимир) построил мост через Днепр.

В год 6624. Ходил Владимир походом на Глеба (Всесла- *1116*
вича), Глеб ведь воевал с дреговичами, Случеск пожег, и не каялся в этом и не выражал покорности, но еще больше перечил Владимиру, укоряя его. Владимир же, надеясь на бога и на правду, пошел к Минску с сыновьями своими и с Давыдом Святославичем и Ольговичами. И взял Вячеслав Оршу и Копысу, а Давыд с Ярополком взяли Дрютск на щит, а Владимир сам пошел к Смоленску; и затворился Глеб в городе. Владимир же начал ставить избу в своей стоянке против города. Глеб же, увидев это, пришел в ужас и стал слать к Владимиру послов с мольбами. Владимир же пожалел проливать кровь в дни великого поста и помирился с ним. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиною, поклонился Владимиру, и договорились с ним о мире, и обещался Глеб во всем слушаться Владимира. Владимир же, дав мир Глебу и дав ему наставление обо всем, дал ему Минск, а сам возвратился в Киев. Ярополк же построил деревянный город Желди для дdriючан, которых он взял в плен. В этот же год Мстислав Владимирович ходил на Чюдь с новгородцами и псковичами и взял город чюдской по имени Медвежья голова, и погостов бесчисленное множество взяли, и возвратились домой с большой добычей. В этот же год ходил Леон царевич, зять Владимира, на Алексея царя, и сдалось ему несколько дунайских городов; и в Дерестре городе хитростью убили его два сарацина, подосланные царем, месяца августа 15. В тот же год князь великий Владимир послал Ивана Войтишича, и тот посажал посадников по Дунаю. В тот же год послал Владимир

сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин. Тогда же Ярополк взял себе жену очень красивую — пленную дочь ясского князя. В том же году и Предславна, монахиня, дочь Святослава скончалась. В том же году ходил Вячеслав на Дунай с Фомою Ратиборичем и, прийдя к Дерестру, не успели ни в чем, вернулись обратно. В тот же год был бой (у Владимира) с половцами и с торками, и с печенегами у Дона, и бились два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги. В тот же год скончался Роман Всеславич. В тот же год скончался Мстислав, внук Игорев. В том же году Владимир выдал дочь свою Агафью за Всеволодка.

1117 В год 6625. Привел Владимир Мстислава из Новгорода, и дал ему отец Белгород, а в Новгороде сел Мстиславич, сын его, внук Владимиров. В том же году ходил Владимир на Ярослава к городу Владимиру, с Давыдом и Ольговичами, и Володарем, и Васильком, и окружили они его во Владимире, и стояли дней шестьдесят и заключили мир с Ярославом. Когда Ярослав покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир дал ему наказ обо всем, повелев ему приходить к нему „когда тебя позову". И так мирно разошлись всяк во-свояси. Тогда приходили половцы к болгарам, и выслал им князь болгарский питье с отравою, и, выпив, Аепа и прочие князья половецкие все умерли. В том же году скончался Лазарь, епископ переяславский, сентября 6. В том же году пришли беловежцы на Русь. В тот же год взял Владимир за Андрея внучку Тугорканову. В тот же год тряслась земля сентября 26. В том же году вывел Глеба из Минска Владимир, и церковь заложил на Льте мученику... Владимир же послал сына Романа во Владимир княжить. В том же году умер царь Алексей, и воцарился сын его Иван.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Н. А. Малевич*

*

РИСО АН СССР № 4050. Подписано к печати 25/IV 1950 г. Бумага 70 × 92 1/16. Бум. л. 12,75. Печ. л. 29,83 + 48 вклеек. Уч.-изд. л. 24.6. М—12849. Тираж 10 000. Зак. № 1625. Цена в переплете 20 руб.

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
288	16 снизу	половцы	печенеги
354	4 сверху	Мономахами	Мономахом
378	3 „	Перемышль	Перемиль
404	3 снизу	мученику	мученикам
405	2 сверху	1372 г.	1377 г.

Повесть временных лет, ч. I.